

**СВЯТООТЕЧЕСКОЕ
НАСЛЕДИЕ**

Архимандрит ВАРФОЛОМЕЙ

**Как
ВОЗДЕЛАТЬ САД
СВОЕЙ ДУШИ**

**Христианская жизнь
по учению Святых Отцов
Православной Церкви**

Москва

2002

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
I. Покаяние	6
II. Памятование смерти, Страшного Суда и адских мучений	33
III. Покаянный плач	74
IV. Воздержание	116
V. Милосердие	147
VI. Негневливость и кротость	183
VII. Целомудрие, или непорочность ..	201
VIII. Непамязлобие	248
IX. Неосуждение	268
X. Сребролюбие	291

Предлагаемая Вашему вниманию книга поможет каждому православному христианину понять, каким образом сделать свою жизнь благочестивой, как избежать пороков и грехов и исполнить заповеди Божии.

Автор книги — Архимандрит Варфоломей знакомит читателей с многовековым опытом Церкви и советами Святых Отцов.

Печатается по изданию: Христианская жизнь, или черты деятельного благочестия по учению Святых Отцов Православной церкви. М. 1912 г.
Цензор: протоиерей Иоанн Соловьев.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Находим весьма благовременным, уместным и даже необходимым предложить вниманию благочестивых читателей некоторые исследования о предметах деятельного, истинно христианского благочестия. Предлагаем учение, основанное не на частных опытах благочестивой жизни, а выработанное тысячелетними опытами бесчисленных подвижников Христовых и действительно оправданное всеми признанною святостью жизни великих Отцов и учителей Православной Церкви. Евангельские правила деятельного благочестия, хотя с первого взгляда представляются удобопонятными для всякого христианина, но в приложении к самой жизни требуют крайней осмотрительности и богомудрой опытности. Посему не только миряне, но и пастыри Церкви, особенно юные, должны учиться деятельному благочестию у древних, уже *совершенных* подвижников и Отцов, *имеющих чувства, обученные долгим учением к рассуждению добра и зла* (Евр. 5, 12–14).

Такое учение тем более необходимо и уместно в наше время, когда мы видим, что, к крайнему прискорбию Православной Церкви, размножаются *люди, имеющие только образ благочестия, силы же его отвергшиеся, всегда* своемудренно и своевольно *учащиеся и никак не могущие прийти в познание истины* (2 Тим. 3, 5–7).

Еще в первые века христианства великим богопросвещенным Отцам, крепким и мужественным подвижникам Христовым было открыто в явных видениях, что с течением веков настанут такие времена, когда и в христианах, как и во всех людях, истощится естественная крепость телесных сил и с ней — непреодолимое мужество духа; когда, слабые душой и телом, самые ревностные из крестonosных последователей Подвигоположника Христа будут только изумляться дивным подвигам древних аскетов христианства, будучи не в силах подражать им (см. жизнеописание прп. Пахомия Великого и “Руководство к духовной жизни” прп. Варсонофия Великого).

Такой упадок природных сил духа и тела настал в наши времена, как это очевидно для всякого мыслящего христианина. Среди современного нам подвижничества нет и слуха о сорокадневных постах, о шестидесятилетнем сухоядении, о всенощных бдениях в течение всей жизни, о совершенном презре-

нии богатства и довольства, о жажде произвольной нищеты и самоумерщвления! (Примеры см.: в “Достопамятных сказаниях о подвижничестве Св. Отцов”, в “Луге духовном” блж. Иоанна Мосха, в Четвях-Минях и Прологах).

Поэтому богопросвещенные наставники — Отцы христианского подвижничества боготворно подготовили в своих письменных творениях и завещали последующим родам такие средства к богоугодной крестonosной жизни, которые равно доступны и сильным, и слабым душой и телом, по мере их усердия к спасению своей бессмертной души, по силе искреннего желания исправить свою греховную жизнь и начать новую, благочестивую христианскую жизнь. Указанные Св. Отцами средства неизбежно должны встретиться в жизни каждого человека. Первое такое средство — покаяние.

І. ПОКАЯНИЕ

*“Покаяния отверзи ми двери,
Жизнодавче!”*

Жы начинаем с учения Св. Отцов о покаянии, потому что с покаяния в прежде соделанных грехах, естественно, начинается новая, истинно благочестивая жизнь каждого христианина, и еще потому, что покаяние, как подвиг благочестивой жизни, умоляющий Бога о прощении всех прежних грехов, часто не вполне и не по-православному понимается не только кающимися, но даже и теми, которые готовы руководствовать других на этом спасительном пути.

1. В чем состоит подвиг покаяния по учению Св. Отцов

“Покаяние есть возобновление Крещения,— говорит св. Иоанн Лествичник. — Покаяние есть обещание Богу нового жития. Покаяние есть примирение с Господом

посредством добрых дел, противоположных прежним грехам. Покаяние есть очищение совести (“Лествица”, сл. 5, 1). “Как благодать на благодать,— говорит прп. Исаак Сирин,— людям по Крещении дано покаяние, потому что покаяние есть второе возрождение от Бога. И то дарование, залог которого мы приняли от веры в св. Крещении, принимаем вполне покаянием” (Аввы Исаака Сирина Слова подвижнические. Сл. 83).

2. Сущность подвига покаяния

Под именем покаяния как средства к нравственному совершенству и доблестного подвига в деятельной благочестивой жизни Св. Отцы понимают не частное очищение греховной совести на исповеди, а продолжительное испытание ее и непрестанное взывание к милосердию Божию, сопровождаемое всегдашним сокрушением сердца о содеянных беззакониях. “Покаяние,— говорит св. Лествичник,— есть добровольно осуждающий себя помысел. Кающийся есть непостыдный осужденник. Кающийся есть изобретатель наказания для самого себя. Покаяние есть добровольное терпение всего скорбного. Покаяние есть всегдашнее отвержение телесного утешения. Покаяние есть крепкое утеснение чрева и уязвление души в глубоком чувстве” (“Лествица”. Сл. 5, 1).

3. Необходимость всегдашнего покаяния

Необходимость покаяния как непрерывного очищения греховной совести очевидна для всякого. Если *в царствие Божие*, по словам Св. Писания, *не войдет ничто скверное* (Апок. 21, 27), а между тем, *кто из нас чист от скверны, если и один день жизни его на земле* (Иов. 14, 4, 5), то как нам не страшиться грозного приговора Всеведущего Судии: *Если не покаетесь, все погибнете* (Лк. 13, 3)! “Покаяние есть дверь милости,— говорит прп. Исаак,— открытая усиленно ищущим его, сею дверью входим в милость Божию. Кроме этого входа не обретем милости: *ибо все, по слову Божественного Писания, согрешили, а оправданы даром благодатию Его*” (Рим. 3, 23, 24) (Сл. 83. С. 397).

4. Начало и пределы покаяния

Преподобный Исаак Сирий так определяет подвижническое покаяние: “Покаяние есть вторая благодать, и рождается в сердце от веры и страха. Страх же есть отеческий жезл, управляющий нами, пока не достигнем духовного рая благ; а когда достигнем, тогда он нас оставит и обратится вспять. Рай есть любовь Божия, в которой наслаждение все-

ми блаженствами”. Покаяние есть корабль, а страх — его кормчий, любовь же — божественная пристань. Поэтому страх праведного наказания за грехи вводит нас на корабль покаяния, перевозит по смрачному морю жизни и путеводит к божественной пристани, которая есть любовь. В сию пристань приходят все труждающиеся и обремененные покаянием. И когда достигнем любви, тогда достигнем мы Бога, и путь наш совершен, и придем мы к острову тамошнего мира, где Отец, Сын и Дух Святой (Сл. 83. С. 399).

5. Как начинается и чем поддерживается спасительное покаяние?

Итак, покаяние, как учит прп. Исаак, рождается от веры в Праведного Мздовоздателя и возбуждается страхом неминуемого Суда Божия и заслуженных мук. Грешник ужасается страшной участи, уготованной нераскаянным, и решается обратиться от области сатанинской к Богу — Отцу своему. Тогда в душе приступающего к покаянию происходит, как описывает прп. Ефрем Сирий, следующее:

“Диавол не дает нечестивым одуматься, представляя им суровость покаяния. А покаяние, видя хитрость его, подходит с лаской и говорит: “Приведите только себе на память

Бога, и я потружусь за вас. Представьте в уме Его милосердие, и я буду ходатайствовать за вас с воздыханиями. Слегка только вздохните, грешники, и сделаю вас Божиими слугами. И пророк Исаия сказал: *Когда возвратившись, вздохнешь, тогда спасешься* (Ис. 30, 15). Вот,— говорит покаяние,— привожу тебе свидетельство из Слова Божия, только покаяйся.” Если согрешивший вздохнет, то с воздыханием отойдет от него и бремя, возложенное змием; по облегчении же ума отгонит он от себя и мглу неведения, и око душевное делается ясным, и вскоре покаяние будет руководствовать душу ко спасению”. Итак, начало спасительного покаяния — вздох от глубины сердца.

“Тогда,— продолжает прп. Ефрем Сирин,— грешник не только будет воздыхать, но и с великою скорбью проливать слезы. Почему же? Потому что душа после длительного разлучения с Богом, увидев Его, как Отца, возбуждается к пролитию слез. Оттого что, наконец, увидела Родителя, проливает она слезы и преклоняет к себе Бога, ибо любит Отческое благословение и, таким образом, очищается от всего, до чего доведена была змием”. Эти слезы сердечного сокрушения — не слезы пагубного отчаяния, а сладостные слезы умиления обратившейся к Богу души. “Памятование о Боге,— объясняет прп. Ефрем,— приводит грешников к воз-

дыханию; но пророк Давид говорит: *Вспомнил я Бога и веселился* (Пс. 76, 4). Потому и кающиеся радуются, что освободились от уз змия” (Сл. 99. О покаянии. С. 160. Ч. 4).

Испытав на себе самих величие Божиего милосердия, получив незаслуженное прощение от Бога и как бы вкусив сладости Отеческой любви Божией, забывающей все согрешения блудного сына, подобно евангельскому отцу, который *еще издали увидел его, пал ему на шею его и облобызал его* (Лк. 15, 20),— искренно кающиеся сами себя наказывают за все прежние беззакония, за вероломную измену любвеобильному Отцу, за бесчувственность и неблагодарность Щедродателю Царю и Богу.

“И что для других трудно и невыносимо, то,— говорит св. Иоанн Лествичник,— делается приятным и желанным для утративших добродетель и духовное богатство. Ибо душа, лишившаяся прежнего дерзновения пред Богом, утратившая надежду бесстрастия, сокрушившая печать непорочности, давшая на расхищение сокровища дарованных и соделавшаяся чуждой Божественного утешения, отвергшая завет Господень, угасившая прекрасный огонь душевных слез и уязвляемая, болезненно терзаемая воспоминанием о том, не только со всею готовностью берет на себя всякие труды, но благочестно решается умертвить себя подвигами

покаяния, если только сохранился в ней остаток искры любви или страха Господня” (Сл. 5, 23).

В таком состоянии тяжкого стыда пред лицом Милосерднейшего Отца Небесного, Которого оскорбили и прогневали своими беззакониями, при страшных угрызениях пробудившейся совести, кающиеся обрекают себя на всевозможные жертвы для умилоствления Бога и осуждают себя на самые усиленные подвиги, как бы желая вознаградить погибшее время своего заблуждения. Но, вообще, нужно заметить, что различные подвиги покаяния не налагаются Св. Отцами как обязательные, а берутся на себя самими же кающимися, по мере ревности и усердия каждого, и более должны служить выражением покаянного духа, нежели каким-либо наказанием за прежние грехи.

“Кто любит Христа, как должно любить,— говорит свт. Иоанн Златоуст,— тот сам не потерпит остаться без наказания, хотя бы Христос и простил его, ибо одно оскорбление Его составляет уже величайшее наказание. Не то прискорбно любящему, что за оскорбление любимого им он терпит какое-нибудь зло, но всего более то, что оскорбил любимого... Так будем рассуждать и мы и горько плакать о том, что так неблагодарно оскорбляем Благодетеля своего!” (Беседы на Матфея евангелиста, 11. С. 266).

6. Испытания в подвиге покаяния и средства против них

“До падения нашего,— говорит св. Иоанн Лествичник,— демоны представляют нам Бога человеколюбивым, а по падении — неумолимым” (“Лествица”. Сл. 5, 31). Этот лукавый помысел отчаяния Св. Отцы советуют отражать крепкой надеждой на милосердие Божие.

“Когда кто падет,— взывает прп. Исаак Сирин,— да не забывает любви Отца своего; но, если приключится ему впасть и в много-различные прегрешения, да не перестает радовать о добре, да не останавливается в своем течении, но и побеждаемый, снова да восстанет на борьбу со своими сопротивниками, и ежедневно да начинает полагать основание разрушенному зданию, до самого исхода своего из мира сего, имея в устах пророческое слово: *Не радуйся обо мне, противник мой, что я пал, ибо снова восстану. Если сяду во тьме, Господь озарит меня* (Мих. 7, 8),— и нимало да не прекращает брани до самой смерти, и пока есть в нем дыхание, да не предаст души своей на одоление, даже и во время самого поражения. Но если и каждый день разбивается ладья его и терпит крушение весь груз, да не перестает заботиться, запасаться, даже брать взаймы, переходить на другие корабли и плыть с упованием, пока Господь,

призрев на подвиг его и умилосердившись над сокрушением его, не ниспошлет ему милость Свою и не даст ему крепости сил встретить и вытерпеть разжженные стрелы врага.

Такова премудрость, подаваемая от Бога; таков мудрый больной, не теряющий надежды своей”! (Сл. 7). Святой Иоанн Лествичник уверяет: “Часто и малые дары утоляли великий гнев Судии” (Сл. 5, 32).— “Господь милосерд,— взывает прп. Ефрем,— Ему приятно оказать милость и спасти человека. Поэтому, грешник, неослабно умоляй о милосердии, и проси себе щедрот, потому что и Господь твой не утомляется, прощая тебе долги твои” (Т. 5. Ст. 4. О покаянии. С. 206).

“Часто старые привычки,— говорит св. Иоанн Лествичник,— мучительным образом обладают и теми, которые оплакивают грехи свои” (Сл. 5, 29). И демоны при этом наводят на душу кающегося печаль и внушают безнадежность покаяния. “Когда подвергаюсь я бедственному падению,— говорил один брат,— помысл мой снедает меня, и укоряет: «Для чего ты пал?»”. — Против такого мучительного напора злых помыслов авва Пимен сказал в одобрение брату: “Коль скоро человек впадает в грех и скажет: “Согрешил я!” — грех тотчас проходит” (Достопамятные сказания о подвижничестве Св. Отцов. С. 297, 99). А преподобный Ефрем Сирийский ободряет: “Если и тысячи раз согре-

шишь, но потом опять прибегнешь к покаянию, то снова очистишься от скверн и от соделанных тобою беззаконий. Господь сказал: *До седмижды семидесяти раз отпусти брату своему согрешения его* (Мф. 18, 22). Во сколько же крат более Сам Господь наш простит кающемуся! Если ты, грешник, и в один день согрешаешь до седмижды семидесяти раз, Бог не заключает для тебя двери щедрот, если только каешься” (Ч. 5. Ст. 4. О покаянии. С. 206).

“В ленивых,— говорит св. Иоанн Лествичник,— падения по признанию бывают тяжки и подавляют надежду бесстрастия” (Сл. 5, 39). При тяжких грехопадениях демоны усиливаются довести человека до отчаяния, так что в совершенной безнадежности спасения тяжело согрешивший взывает, подобно Каину: *Наказание мое более, нежели можно снести* (Быт. 4, 13)! Против этого страшного наваждения Св. Отцы возбуждают веру в беспредельное и неистощимое милосердие Божие.

“Нет ничего равного милости Божией,— взывает св. Иоанн Лествичник,— нет ничего больше ее. Посему кто отчаивается, тот сам себя губит” (Сл. 5, 38). “Ты грешник? Не отчаивайся!” — убеждает свт. Иоанн Златоуст.— *Никогда не перестану умащать тебя сим врачевством. Много имеешь грехов? Не отчаивайся! Никогда не перестану повторять тебе*

это. Если ежедневно грешишь, ежедневно приноси покаяние. Ибо человеколюбие Божию нет меры, благость Божия не может быть выражена словом. Грех твой имеет меру, а врачевству нет меры. Грех твой, каков бы он ни был, есть грех человеческий, а Божие человеколюбие неизреченно” (См. в Прибавлении к Творениям Святых Отцов. 1857 г. С. 469).

“Боюсь,— взывал прп. Дорофей к прп. Варсонофию Великому,— чтобы мне не привыкнуть, согрешая, только раскаиваться, не пребыть во грехах и не умереть так” (Поучения прп. аввы Дорофея. Вопрос 17). Эта мнимая бесплодность покаяния, при непрестанном чаянии смерти нередко приводит в ужас несчастного грешника, который, при всех усилиях со своей стороны, не видит исправления своей жизни и трепещет грозного смертного часа.

“Брат! Не должно тебе отчаиваться,— отвечал великий старец.— Кормчий, когда корабль его бьют волны, не отчаивается в своем спасении, но управляет кораблем, пока не приведет его в пристань. Так и ты, видя, что увлекся и рассеялся в деле, воззови себя к началу пути, говоря с пророком: *и сказал, ныне начав: это изменение десницы Вышнего* (Пс. 76, 11), и проч. (Ответ 18). “Если кто падет, то пусть опять постарается управить себя. Я верую Богу, что такому человеку не перейдет это случайное повторение падений в навык,

и не овладеет им нерадение; но Бог вскоре приведет его в устроение усердных делателей и не возьмет души его до тех пор, пока не приведет его в меру высокую, *в мужа совершенна* (Еф. 4, 13). Итак, не ослабевай, но, пока имеешь время, делай, и поможет тебе Бог!” (Ответ 17). “Не приходи в удивление, что ежедневно падаешь,— говорит св. Иоанн Лествичник,— не отступай от пути Божия, но стой мужественно, и Ангел-Хранитель твой, без сомнения, почтит терпение твое” (Сл. 5, 30).

“Кто искренно приходит к Богу,— уверяет прп. Симеон Новый Богослов,— тем не попускает Он совсем ниспадать, но, видя их изнемогающими, содействует им и явно, и неявно, и ведомо, и неведомо, пока они, пройдя всю лестницу, к Нему Самому приблизятся и, всецело с Ним соединяясь, забудут все земное, с Ним пребывая там и сожительствова (не знаю, в теле ли, или вне тела), и наслаждаясь неизреченных благ” (Деятельные главы. Гл. 106).

Нерадивые души обыкновенно успокаивают свою совесть ничем не заслуженной и потому ложной надеждой на человеколюбие Божие. “Скверный недуг сей,— говорит св. Иоанн Лествичник,— ограждаясь Божиим человеколюбием, делается весьма приятным для сластолюбцев” (Сл. 5, 41). Для освобождения от этого недуга довольно убедитьсяся

в той несомненной истине, что Бог сколько милосерд, столько же и правосуден: милосерд к искренно кающимся, и правосуден — к нераскаянным грешникам; и потому всем и каждому необходимо покаяние. “Не верь тому,— предостерегает прп. Иоанн Лествичник,— кто, по падении твоём, говорит тебе о легких проступках: «Лучше бы не делать тебе того; это же ничего не значит» (Сл. 5, 32). “Нам, которые впали в ров беззаконий, невозможно быть извлеченными из него, если не погрузимся в бездну смирения кающихся” (Сл. 5, 28). “Принеси от души покаяние,— говорит св. Ефрем Сирин,— и несколько слез урони на уязвляющий тебя грех, и пагубная язва на членах твоих совершенно будет заживлена. Но если один обычай влечет тебя ко Врачу, то не получишь здоровья. Только *слезами и сокрушением* врачуетса болезнь твоя” (Ч. 5. Ст. 4. О покаянии. С. 208).

Легкость покаяния ввергает нерадивых в другую крайность: они постоянно отлагают покаяние на последние дни жизни. Против этого обольщения Св. Отцы внушают страх внезапной смерти. “Не сокрыто ли от тебя,— говорит прп. Ефрем,— когда придет и достигнет тебя конец? Но очищение от грехов можешь получить тотчас, если только будешь молить об этом” (Ч. 5. Ст. 4. О покаянии. С. 207). Притом св. Иоанн Лествичник замечает: “Пока язва еще нова и горяча, она легко ис-

целяется; застарелые же, оставленные в небрежении и запущенные язвы нелегко врачуются и для своего заживления уже требуют многих трудов, резаний, присыпаний и прижиганий. Многие язвы от времени делаются неисцельными; *Богу же все возможно*” (Мф. 19, 26) (Сл. 5, 30). Чем позднее покаяние, тем оно тягостнее! “Для уврачевания глубоких ран,— говорит св. Исидор Пелусиот,— потребны труды, посты, бдения, милостыни, молитвы и другие подобные добродетели. Хотя согрешившая душа может и опять возвратить себе первобытную красоту, но она не иначе достигает сего, как путем бесчисленных трудов, скорбей и мучений” (Письмо 247 Кассию градоначальнику. Ч. 2. С. 100).

7. Признаки истинного раскаяния

Так как покаяние обыкновенно выражается внешними благочестивыми действиями, то кающийся, взирая с пристрастием на свои внешние подвиги, легко может обольстить себя мнимым исправлением жизни, заключив, что вся сила истинного раскаяния — в разнообразии телесных благочестивых подвигов. Поэтому Св. Отцы представляют неложные признаки искреннего, нелицемерного покаяния.

“«Что значит раскаяться во грехе?» — спросил один брат авву Пимена.— “Не делать

более греха”, — отвечал великий старец. “Праведники потому и названы непорочными, что они оставили грехи и сделались праведными” (Достопамятные сказания о подвижничестве Св. Отцов. С. 304, 120). Итак, первый признак истинного раскаяния — не делать именно тех грехов, в которых приносится покаяние.

Но только оставить прежние пристрастия и пороки еще недостаточно для истинно кающегося христианина, *сотворите же достойный плод покаяния*, — взывал к обратившимся грешникам великий учитель покаяния св. Иоанн Предтеча (Мф. 3, 8)! “Какие же есть достойные плоды покаяния? Это, — отвечает свт. Василий Великий, — дела правды, противоположные греху, которые должен плодоносить кающийся, исполняя сказанное: *Приносся плод во всяком деле благом* (Кол. 1, 10)” (Творения. Т. 5, С. 360. Вопр. 287).

А преподобный Кассиан подробно исчисляет, какими именно положительными добродетелями раскаявшийся грешник должен выражать искренность своего покаяния. “Грехи загладить можно, — говорит св. отец, — многими делами покаяния, ибо вечное спасение обещается не одному раскаянию. Это видно из слов апостола Петра: *Покайтесь и обратитесь, чтобы загладились грехи ваши* (Деян. 3, 19), Иоанна Крестителя и слов Самого Господа: *покайтесь, ибо приблизилось царство небесное* (Мф. 3, 2), и еще говорится,

что любовь покрывает множество грехов, а через милостыню врачуются язвы нашей души, потому что как вода тушит огонь, так милостыня изглаживает грех. И слезы омывают грехи, ибо Давид, сказав: *Каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постель мою* (Пс. 6, 7), — далее говорит, что он не напрасно проливал их: *удалитесь от меня, все делающие беззаконие, ибо услышал Господь голос плача моего* (Пс. 6, 9).

Также уничтожает грехи исповедание их: *говори ты прежние твои беззакония, чтобы оправдаться* (Ис. 43, 26), скорбь душевная и телесная: *Призри на смирение мое и труд мой, и оставь все грехи мои* (Пс. 24, 18); особенно — исправление наших нравов: *Отвергните зло от душ ваших, научитесь делать добро, ищите правды, спасайте обижаемого, защищайте сироту и вступайтесь за вдовицу. Тогда придите — и рассудим. И если будут грехи ваши как багряное, — как снег убелю; если же будут красны, как пурпур, как волну убелю* (Ис. 1, 16–18); иногда — молитвы святых: *Если кто видит брата своего согрешающего грехом не к смерти, то пусть молится, и Бог даст ему жизнь* (1 Ин. 5, 16); или: *Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, и молитва веры исцелит болящего, и если он соделал грехи, простятся ему* (Иак. 5, 14, 15); иногда — дела милосердия и веры: *Милостынями и верой очищаются*

грехи (Притч. 16, 26); содействие обращению и спасению других: *Обративший грешника от ложного пути его спасет душу от смерти и покроет множество грехов* (Иак. 5, 20); прощение другим обид, нанесенных ими нам: *Если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный* (Мф. 6, 14).

Итак, вот сколькими путями можно заслужить милосердие Создателя! (“Собеседник” 20. Гл. 8. С. 533). При выборе этих прямых путей, ведущих ко спасению, нужно твердо помнить вышеприведенное замечание свт. Василия Великого, что от кающегося грешника требуются не какие-то иные добродетели, а именно противоположные его прежним закоренелым порокам: от сластолюбца и развратного — пост и целомудрие, от скупого — милостыня, от гордого — смирение, от гневливого — кротость и т. д.

“Признак приносящего твердое покаяние, — говорит прп. Ефрем, — есть образ жизни собранный и суровый, отложение кичливости, самомнения, а также всегда устремленные к вожделенному Иисусу Христу очи и ум, с желанием, по благодати Христовой, стать новым человеком. Если ты постишься и безумно смеешься, то легко тебя искусить. Если на молитве плачешь, а в обществе ведешь себя по-мирскому, то скоро уловят тебя в сети. Если при целомудренном поведении ты беспечен, то не умедлишь пасть. Покая-

ние приносить должно от всего сердца. Кающийся обязан быть постоянно одним и тем же, а именно — всегда быть тем, чем начал. Ты и на торжище будь таким же, каков в церкви, будь так же точен в делах, в помыслах, в поступках, в словах, как точен в исповеди” (Ч. 4. О покаянии 99. С. 194–195).

“Признак прилежного покаяния, — говорит св. Иоанн Лествичник, — есть признание себя достойным всех приключаящихся, видимых и невидимых скорбей, и даже еще больших” (Сл. 5, 38). “Уязвляемые обличениями, — взывает прп. Иоанн, — будем содержать в памяти грехи свои, пока Господь, видя усилие в нас, понуждающихся Его ради, не изгладит грехи наши, и скорби, уязвляющие сердце наше, не претворит в радость. Ибо сказано: *При умножении скорбей моих в сердце моем, в такой же мере утешения Твои услаждают душу мою* (Пс. 93, 19). В свое время не забудем того, кто говорит ко Господу: *Ты посылал на меня многие и лютые беды, но опять оживлял меня и из бездн земли, по падении опять выводил меня*”! (Пс. 70, 20) (Сл. 4, 43).

Яснейшим признаком искреннего раскаяния Св. Отцы поставляют ежедневный плач, и притом более и более разгорающийся. “Кто действительно даст отчет себе в своих делах, — говорит св. Иоанн Лествичник, — тот почитает потерянным всякий день, в который не плачет, хотя бы и сделал в оный

сколько-нибудь доброго” (Сл. 5, 33). “А кто плачет о себе, тот не видит, плачет ли другой и пал ли он, и не станет судить других. Пес, угрызенный зверем, еще более на него разъяряется, и от боли, которую чувствует в ране, неотступно на него лает” (Сл. 5, 36).

Вот как изображает св. Иоанн Лествичник вообще состояние истинно кающихся: “Увидишь ли у них появление смеха? Или празднословие? Или раздражительность? Или гнев? Они уже не думают, что есть гнев у людей, потому что слезами совершенно истреблена в них раздражительность. Увидишь ли у них споры? Или прекословие? Или свободу в речах? Или угождение телу? Или след тщеславия? Или даже чаяние утех? Или помышление о вине? Или вкушение плодов? Или употребление вареной пищи? Или услаждение гортани? Даже мысль о возможности всего этого угасла в них еще в нынешнем веке. Увидишь ли у них попечение о чем-нибудь земном? Или осуждение какого-нибудь человека? Никак!” (Сл. 5, 15).

8. Удостоверение в принятии Богом покаяния и в отпущении грехов

“Никто из плачущих о своих грехах да не питает себя надеждой,— предостерегает св. Иоанн Лествичник,— что при исходе своем из сей жизни получит удостоверение о про-

щении: неизвестное недостоверно. *Дай мне облегчение, дабы я успокоился прежде, нежели отойду и более не будет меня* (Пс. 38, 14)” (Там же, 34). Поэтому кающийся еще в продолжении подвига покаяния должен усиленно искать удостоверения в разрешении своих грехов, и тщательно испытывать в своей духовной жизни достовернейшие признаки отпущения грехов, указываемые Св. Отцами.

Первый признак оставления прежних грехов есть не только уклонение от них на самом деле, но и непрерывное противоборство пожеланию совершения их, соединенное со страхом и трепетом, чтобы опять не впасть под власть греха и сатаны. “Покаяние во грехе,— говорит св. Варсонофий Великий,— требует, чтобы не делать его более, и удаление от зла состоит в том, чтобы оставить его. Да не оскорбляют тебя прежние грехи твои. Ежели ты будешь верить этому, то всегда будешь внимать себе с трепетом, чтобы не согрешать и не лишиться сего освящения” (Варсонофий Великий. Ответ 241).

Такой рабский страх, соединенный, впрочем, с благонадежным дерзновением к милости Божией, свт. Афанасий Великий объясняет следующим сравнением: “Какое отношение есть между господином и рабом, такое же — между Богом и совестью человека. Таким образом, как преступный раб из телодвижений и слов своего господина узнает,

что он лишился его благоволения, каким пользовался прежде преступления воли, так и человек согрешивший теряет дерзновение к Богу, которое его совесть имела в молитве. Когда же грешник покается как должно, то Бог опять дарует ему дерзновение, которое он имел прежде падения; и отсюда-то узнает человек, что Бог простил ему согрешения” (Послание к князю Антиоху. Вопрос 66. Христианское чтение. 1842 г. Ч. 2. С. 354).

Еще яснее изображает такое притрепетное состояние духа прп. Исаия Отшельник: “Если сердце твое ненавидит грех и отвращается от всего того, что представляет повод ко греху, и ты с благоразумием, употребивши насилие, удалишься от того, что увлекает тебя ко греху, и от души будешь молить Творца своего, чтобы Он помог тебе ни в чем не прогневлиять Его, и, простершись перед Ним, будешь со многими слезами просить так: “Твое есть, Господи, еже миловати, избави мя, Господи, от врагов моих, ибо я так немощен, что без помощи Твоей не могу избежать рук их”, если ты таким образом молишься, тщательно стараясь не огорчать руководствующих тебя к Богу, то это происходит от естества Нового Адама, Иисуса Христа” (Добротолюбие. Т. I. Сл. 17. 14. С. 361).

Живейшее чувство своей греховности и соединенное с ним непрерывное сокрушение, или *печаль ради Бога производит неизмен-*

ное покаяние (2 Кор. 7, 10). “Будем внимательны к тому,— говорит св. Иоанн Лествичник,— чтобы совесть не перестала обличать нас, не вследствие чистоты, но как бы приведенная в изнеможение нашими грехами. Признак нашего разрешения от грехов — всегдашнее признание себя должниками Богу” (Сл. 5, 37). “Когда ум отрешится от всякой надежды на видимое в мире сем,— говорит св. Исаия Отшельник,— тогда это будет признаком того, что грех в тебе умер. Когда ум отрешится, тогда и преграда, которая находилась между им и Богом, уничтожится” (Добротолюбие. Т. 1. О хранении ума. Гл. 8 и 9. С. 458).

Испытав на себе пагубнейшие следствия пороков и во свете правды и святости Божией увидев всю мерзость их перед Богом, раскаявшийся исполняется непримиримой ненависти и омерзения ко греху. Такое расположение души служит признаком ее примирения с Богом. “Когда душа несомненно удостоверяется, что Бог отпустил ей грехи?” — вопрошает свт. Василий Великий, и отвечает: “Если усмотрит себя в расположении сказавшего: *ненавижу ложь и гнушаюсь ею*” (Пс. 118, 163) (Т. 5. Вопр. 12). “Ежели сердце твое в полной мере возненавидело грех,— утверждает св. Исаия Отшельник,— то оно одержало победу и исторгло себя из числа творящих беззаконие” (Добротолюбие. Т. 3. О хранении ума. С. 137).

Грех, даже и убитый и изверженный из глубины души, еще может осквернять душу страстным воспоминанием о нем. Ибо “что мы сделали со страстью,— говорит прп. Феодор Едесский,— о том и воспоминания владычествуют в душе со страстью. Когда же страстные пожелания совершенно изглаждаются из сердца, так что не будут и приражаться к нему, то это служит знаком отпущения прежних грехов. Ибо доколе душа возбуждается страстями, доколе оказывается в ней владычество греха” (Там же. Гл. 2. С. 347).

Признаком совершенного очищения от грехов прп. Кассиан Римлянин устанавливает изглаждение из памяти даже их образов и представлений. “Нужно помнить,— говорит он,— что еще не разрешен от прежних грехов тот, кто во время покаяния и удовлетворения за них представляет себе образы их и воспоминает о них. Из сего следует, что тогда нужно почитать себя разрешенным и прощенным в прежних грехах, когда сердце и воображение уже не обольщаются ими. Итак, в совести нашей есть неложный свидетель, который еще прежде суда уверяет нас об окончании покаяния и дарования нам прощения. Говоря кратко: в том, что нам прощены прежние грехопадения, должно нас уверить свидетельство того, что истреблены из сердец наших память о них и пристрастие к настоящим удовольствиям”

(Писания Кассиана Римлянина. “Собеседования”. Гл. 5. С. 531).

Глубокое смирение и ошутительное веяние Духа Святаго в смиренномудренной душе служат живейшим залогом ее вечной свободы от греховного рабства и печатью небесного сыноположения! “Где Дух Господень,— свидетельствует св. Иоанн Лествичник,— там узы разрешены; где глубочайшее смирение, там узы также разрешены. А в ком нет сих двух удостоверений, те пусть не обольщают себя: они еще связаны” (Сл. 5, 34).

“Если христианин,— говорит прп. Симеон Новый Богослов,— по соделании грехов, раскаивается в прежней своей греховной жизни, но не прилежит к житию богоугодному; если он не ощутит в себе, в глубине сердца во время Божественных служб, священнодействий и молитв, радости и веселия, и не показывает к сему такого же великого усердия и внимания, какое имел к наслаждениям и попечениям житейским, а исполняет это как бы труд какой, и чувствует тяготу, как будто бы против воли терпит принуждение, насилие и мучение, то такой пусть не думает, что он освободился из руки диавола, и пусть знает, что он мысленно еще удержан под игом лукавого мучителя. Когда же он увидит себя, что он молится и поет с радостью и усердием, и мыслью ненавидит все наслаждения и почести настоящей жизни, тогда да

уверится, что он находится под Христовым царством. В этом состоит явный признак избавления и свободы, о которой говорит Апостол: *Стойте в свободе, которую даровал нам Христос* (Гал. 5, 1) (Сл. 4. С. 70).

9. Высота подвига покаяния

По учению Св. Отцов, истинное покаяние грешника имеет великую заслугу в очах Божиих.

“Покаяние есть Божия трапеза,— учит прп. Ефрем,— потому что через него вкушает Бог спасение человеческое. И Спаситель говорит: *Моя пища есть творить волю Пославшаго Меня и совершать дело Его* (Ин. 4, 34).

Итак, покаяние есть чудный хлеб Божий: Бог вкушает в нем исповедание совести; Он пьет в покаянии слезы умиления; в нем услаждается благоуханным ароматом — чувством искренних воздыханий, потому что они для Бога как благоухающее вино. Вот многообразная пища Божия: воздержание, пост, бдение, прилежная молитва, покорность со смирением; ибо это Богу благоугоднее других жертв. Покаяние многообразно, и потому творит различные предложения Богу. Оно питает Бога хвалою и также исповеданием; питает Его воздержанием, благочестием и подвижничеством; питает Его различными милостынями. Хотя все добродетели питают Бо-

га, но всех более творит праздник Богу покаяние, ибо и Евангелие говорит, что Бог радуется более *об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках* (Лк. 15, 7). Покаяние творит праздник Богу, потому что и небо призывает на пир. Ангелы радуются, когда покаяние приглашает их на вечерю. Все Небесные Чины пиршествуют, возбуждаемые к веселию покаянием. Не тельцов, не овец закаляет для них покаяние, но предлагает для радования спасение грешных людей” (Ч. 4. Гл. 99. О покаянии. С. 170—174).

Покаяние не только усваивает и возгревает благодать, дарованную в Крещении, но и открывает ее в деятельной жизни, и приемлет свыше ошутимое для души освящение. “Посредством святого Крещения,— говорит прп. Симеон,— мы получаем прощение грехов и освобождаемся от прежнего проклятия и освящаемся присутствием Святого Духа; но совершенную благодать, о которой сказано в словах: *вселюся в них и буду ходить в них* (2 Кор. 6, 16),— мы получаем не тогда. Это принадлежит только твердым в вере и доказывающим ее делами. Если после Крещения мы предадимся худым и постыдным делам, то вовсе теряем сие освящение. Но покайнем, исповедью и слезами, по мере их, получаем опять сначала прощение в прежних грехах, а потом освящение и благодать свыше (Деятельные главы. Гл. 83).

Покаяние, вполне достигшее своей цели, т. е. отпущения всех прежних грехов, низводит в душу Святого Духа Божия, и в Нем принимаем залог вечного спасения о Христе Иисусе. “Покаянием,— продолжает прп. Симеон,— омывается скверна пороков, и потом сообщается Дух Святой; однако не просто, но по мере веры, расположения и смирения кающихся от всей души, и притом тогда, когда они получают совершенное прощение грехов от духовного отца и восприемника. И благодать Всесвятого Духа уневесившимся Христу душам дается как залог обручения. И как без обручения невеста не уверена, что она некогда сочетается с женихом, так и душа не имеет еще твердой уверенности, что она во веки будет жить с Господом своим и Богом, и сочетается с Ним таинственно и неизреченно, и узрит неприступную красоту Его, если не примет залога Его благодати и не ощутит Его в самой себе” (Там же. Гл. 84 и 85).

II. Памлтование смерти, Страшного Суда и адских мучений

*Во всех делах твоих помни о конце
твоем,— и во веки не согрешишь
(Сир. 7, 39).*

Святая Церковь, приготовляя чад своих к искреннему и истинному покаянию во дни святой Четыредесятницы, учредила в преддверии Великого поста, в неделю мясопустную всенародное воспоминание Страшного Суда Христова (см. Евангелие на Литургии в неделю мясопустную: Мф. 15, 31—46, и проповедь еп. Феофана на эту неделю “О покаянии и причащении св. Христовых Таин”) как сильнейшее средство к обузданию и отрезвлению самых нерадивых и беззаботных грешников. Это установление Православной Церкви — богомудрое и многоплодное для деятельного христианского благочестия! Тысячелетние опыты бесчисленных подвижников христианства доказали и доказывают ежедневно, что без живейшей веры в

будущую загробную жизнь,— без мысли о праведном воздаянии на Страшном Суде Христовом, невозможно никакое раскаяние в грехах. Истинное, безвозвратное покаяние— единственное, по учению ап. Павла, которое может обратиться во спасение грешника (2 Кор. 7, 10),— можно сказать, и начинается, и возрастает, и венчается неотразимой мыслью и живейшим чувствованием будущей участи грешника. Без этой благодатной мысли не только не может начаться и совершиться истинное покаяние, как продолжительный и многотрудный подвиг, но даже не может быть произведено никакое частное добро в чистом виде, без всякой примеси житейских выгод.

“Первая мысль,— говорит прп. Исаак Сирин,— которая по Божию человеколюбию входит в человека и руководствует душу к жизни, есть западающая в сердце мысль об исходе сего естества. За этим помыслом естественно следует пренебрежение к миру, и этим начинается в человеке всякое доброе движение, ведущее его к жизни. И как бы полагает основание в человеке сопутствующая ему Божественная сила, когда пожелает обнаружить в нем жизнь. И если человек эту мысль, сказанную нами, не угасит в себе житейскими связями и суесловием, но будет возвращать ее в безмолвии, и остановится на ней созерцанием, и займется ею, то она поведет человека к

глубокому созерцанию, которого никто не в состоянии изобразить словом” (Сл. 86. С. 413). В таком виде, как описано здесь прп. Исааком Сириным, памятование смерти и Страшного Суда Христова составляет одно из самых сильнейших средств к преуспеянию в деятельном христианском благочестии.

1. В чем состоит подвиг памятования смерти?

Под понятием “памятование смерти” Св. Отцы понимают не частную мысль о смерти и ее последствиях (мысль, которая нередко тревожит всякого грешника и от которой он старается как можно скорее избавиться), не имеется в виду даже и несомненная уверенность в смерти как в неизбежной участи всякого человека (уверенность холодного ума, смотрящего на все отвлеченно, как бы издали), не имеется в виду, наконец, и само чаяние близкой смерти, наводящее ужас на нашего телесного человека. Нет! Под этим понятием Отцы Церкви понимают особенное духовное созерцание, которое удобнее чувствовать по его спасительным действиям на душу, нежели определить и выразить словами.

“Будем разуметь это,— говорит прп. Исаак, не о том первом помысле, который напоминанием своим возбуждает в нас память смертную, но о полноте сего дела, когда

влагает оно в человека неотлучную память о смерти и когда постоянным помышлением о ней человек устанавливается в состояние непрестанного удивления. Ибо первый помысел есть нечто телесное, а этот последний есть духовное созерцание и дивная благодать. Такое созерцание облечено в светлые мысли. И кто имеет его, тот уже не любопытствует более об этом мире и не привязан к своему телу” (Сл. 86. С. 413–414). Вследствие такого чудного созерцания своей загробной участи христианин, пришедший уже в чувство раскаяния и благодаря этому еще живее сознающий свое совершенное непотребство, в духе веры ежедневно приносит в жертву Богу Спасителю всю свою жизнь. “Памятование смерти,— говорит св. Иоанн Лествичник,— есть повседневная смерть; и памятование своего исшествия есть ежечасное воздыхание” (Сл. 6, 2). Вот в чем сущность этого высокого подвига!

2. Необходимость этого подвига для преуспевания в деятельном христианском благочестии

Преподобный Исаак сказал, что никакое доброе движение не может родиться в душе без мысли о смерти, что эта мысль есть некая благодатная сила, возбуждающая и поддерживающая человека в трудных подвигах доб-

родетели и что она возносит человека над всем тленным и преходящим на такую высоту, где он уже живо ощущает в своей душе веяние будущей вечной жизни. После такого высокого значения памятования смерти в нравственной жизни человека, “некоторые недоумевают,— говорит св. Иоанн Лествичник,— и спрашивают, почему, когда памятование смерти так благотворно для нас, Бог скрыл от нас предведение смертного часа? Но они не знают, что Бог дивно устраивает этим наше спасение. Ибо никто, задолго предузнавши время своей смерти, не спешил бы принять Крещение, или вступить в монашество, но всякий проводил бы все дни свои в беззакониях и только в день исхода из сего мира приступал бы ко Крещению и покаянию” (Сл. 6, 9).

Именно тем и спасительна мысль о смерти, что ни время, ни обстоятельства, ни свойства, ни последствия нашей смерти нам неизвестны, и в таком виде непрестанное памятование смерти не только весьма благотворно, но и крайне необходимо в истинно благочестивой жизни. “Как хлеб,— говорит св. Иоанн Лествичник,— необходимее всякой другой пищи, так мысль о смерти нужнее всякого другого делания” (Сл. 6, 4). “Невозможно, говорят, невозможно провести настоящий день благочестиво, если не почитаем его последним днем всей жизни.

И подлинно удивительно, что даже и язычники говорили нечто подобное, ибо и они полагали, что любомудрие заключается в помышлении о смерти” (Сл. 6, 24).

3. Отчего рождается и чем поддерживается памятование смерти

Говоря о памятовании смерти, надо предварительно различать два свойства его: боязнь смерти и трепет смертный.

“Боязнь смерти,— говорит св. Иоанн Лествичник,— есть свойство, полученное естеством нашим вследствие преслушания; а трепет смертный есть признак неочищенных покаянием согрешений. И Христос обнаруживает в Себе (Мф. 26, 37) боязнь смерти, но не трепещет, чтобы ясно показать в Себе свойство двух естеств” (Сл. 6, 3). Все усилия наши в этом нравственном подвиге должны клониться к тому, чтобы постоянно устремлять внимание на страшную мысль о смерти,— мысль, которая, можно сказать, ежедневно и против нашей воли напоминает нам о себе. Мы должны употреблять всевозможные средства не к тому, чтобы удалить от себя эту неприятную мысль, но к тому, чтобы удержать ее, свыкнуться с ней, или, лучше, всецело проникнуться ею. Для этого Св. Отцы советуют употреблять многие средства.

“Памятование смерти,— говорит святой Иоанн Лествичник,— побуждает живущих в общежитии к трудам и постоянным подвигам покаяния, и к благодушному перенесению бесчестий. В живущих же в безмолвии память смерти производит отложение попечений, непрестанную молитву и хранение ума. Но эти же самые добродетели и рождают памятование смерти, и сами рождаются от него” (Сл. 6, 4). Еще подробнее, но изображает он занятия ума, утверждающего в себе мысль о смерти: “Деятельный ум имеет многие делания: поучается в любви к Богу, в памяти смертной, в памяти Божией, царства небесного, ревности святых мучеников, воздеприсутствия Самого Бога, по слову Псалмопевца: *всегда видел пред собою Господа* (Пс. 15, 8), в памяти святых и умных Сил, в памяти об исходе души, об истязании, мучении и вечном осуждении. Так начали мы с высокого и заключили тем, что делает безопасным от падения” (Сл. 6, 15).

Действительнейшими средствами к поддержанию мысли о смерти Отцы Церкви признают строгое уединение, пост и молитву. “Благодать эта,— говорит прп. Исаак,— возрастает в отшельнической и уединенной хранине. Ее-то будем испрашивать в молитвах; ради нее будем совершать долгие бдения и со слезами станем умолять Господа, чтобы подал благодать эту, как ни с чем не сравни-

мую!” (Сл. 86, 2). “Но безболезненность сердца,— замечает св. Иоанн Лествичник,— ослепляет ум, а множество яств иссушают источники слез. Жажда и бдение производят скорбь в сердце, из скорбящего же сердца истекают слезные воды” (Сл. 6, 13).

Прекрасным средством к поддержанию мысли о смерти служит представление себе неизбежности смертного часа с соответствующими этому событию мыслями. Вот что, например, беззаботным грешникам внушает об этом прп. Ефрем Сирин: “Размыслим, братья, *человек подобен дуновению* (Пс. 143, 4); *дни его, как цветок полевой* (Пс. 102, 15), пройдут в одно мгновение времени, и все минуется. Для чего напрасно мятешься, человек? Одно приражение горячки прекратит твои плясания и скакания! Один час разлучит тебя с пляшущими вместе с тобою. Одна ночь— и увянет плоть твоя, остановятся ноги твои, бегущие на зло, расслабят руки твои, померкнут глаза, язык внезапно придет в безмолвие, оскудеет у тебя внезапно голос, умножатся твои воздыхания, потекут у тебя бесполезные слезы, расстроятся твои мысли, и никто не будет в состоянии помочь тебе.

Ты бесславил и бесчестил Бога, и все, оставив тебя, пойдут прочь, и никто не останется при тебе, кроме невидимых бесов, которым ты угождал. Посланный же неумолимый Ангел, стоя вдали с потупленным взором, будет

ожидать манования Владыки, чтобы, исхитив бедную душу твою, отвести ее в уготованное ей место, где пожнет то, что посеяла,— где произрастают в изобилии и даже в преизбытке плач, скорбь, теснота, скрежет зубов и горе. Для чего напрасно мятешься, несчастный? Там померкнут очи упивающихся; там увянет плоть пляшущих, там будут мучиться и алкать пьющие вино с гусями и свирелями; там с великой скорбью будут плакать, скрежетать зубами и бить себя по лицу блудники, прелюбодеи, воры, чело-векоубийцы, прорицатели, отравители, чародеи, обманщики, мужеложцы, деторастлители, хищники, кровопийцы. Все они, и подобно им, нераскаянно согрешающие до конца и идущие широким и пространным путем, который ведет в пагубу, без сомнения, найдут себе там подходящее жилище. Ибо невозможно — здесь плясать с бесами, а там веселиться с Ангелами, как сказал Господь: *горе смеющимся ныне, ибо восплачете и возрыдаете там* (Лк. 6, 25)” (Ч. 3. Сл. 78. С. 337.).

Мысль о роковой минуте смерти наводит невольный страх на грехолюбивую душу, но представление мытарств и частного суда по смерти приводит в трепет и душу, и тело. “Пойди,— советовал одному брату прп. Аммон,— имей такие мысли, какие имеют преступники, находясь в тюрьме. Они всегда спрашивают других: «Где судия? Когда он

придет?» И плачут от ожидания. Так должен и всякий христианин непрестанно внимать и обличать душу свою, говоря: «Увы мне! Как я предстану на суд Христов, и чем буду оправдываться пред Ним?»» (Достопамятные сказания о подвижничестве Святых Отцов. С. 50, 1). “Какой мы увидим страх, трепет и какую нужду,— восклицает прп. Феофил,— когда душа будет разлучаться с телом! Тогда придет к нам сильное воинство противных сил, князья тьмы, злобные миродержатели, начальства, власти, духи злобы, и, некоторым образом, по праву овладеют душой, представляя ей все грехи, соделанные в ведении и неведении, от юности до конца жизни. Предстанут ей и обличат все дела ее.

Кроме того, каким, ты думаешь, трепетом бывает объята душа в то время, доколе не будет произнесен над нею приговор (в 40 день) и не совершится ее освобождение? Это есть время тесноты ее, до тех пор, пока не узнает она, что будет с ней.” Так же учат свт. Кирилл Александрийский в “Слове на исход души”, прп. Феодор Студит в третьем оглашении, и, вообще, все Св. Отцы Православной Церкви, которые рассуждали о разлучении души с телом. И эта страшная картина борьбы демонов с Ангелами за исходящую из тела душу на глазах и при живейшем сознании самой души умирающего человека не есть какое-либо поучительное изобретение

Отцов и учителей Церкви, а несомненная истина загробной жизни, познанная опытом уважаемых в христианстве лиц, которые — как обыкновенно говорят — умирали на некоторое время и потом опять возвращались к жизни.

Так, преподобная Феодора, ученица великого угодника Божия Василия Нового, поведала о кончине своей: “Когда настал час моей смерти, я увидела лица, которых никогда не видела; услышала слова, которых никогда не слышала. Что скажу? Лютые и тяжкие бедствия, о которых я не имела понятия, встретили меня по причине моих дел. Как рассказать телесную боль, тягость и тесноту, которым подвергаются умирающие? Как бы кто обнаженный, упавши в великий огонь, горел, истаявал, обращался в пепел, так разрушается человек смертной болезнью в горький час разлучения души с телом.

Когда я приближалась к концу моей жизни и наступило время моего преставления, я увидела множество эфиопов, обступивших мой одр. Лица их были темны, как сажа и смола; глаза их — как каленые угли; видение это так люто, как сама геенна огненная. Они начали возмущаться и шуметь. Одни ревели как звери и скоты, другие лаяли как псы, иные выли как волки; глядя на меня, они ярились, грозились, устремлялись на меня, скрежеща зубами, и тотчас же хотели

пожрать меня. Между тем они готовили хартии и развивали свитки, на которых были написаны все мои злые дела, и как бы ожидали какого суда, который должен был начаться. Убогая моя душа была объята великим страхом и трепетом. Не только горесть смертная томила меня, но и грозный вид и ярость страшных эфиопов были для меня как бы другой лютейшей смертью. Я отвращала свои глаза во все стороны, чтобы не видеть страшных лиц их и не слышать голоса их, но не могла избавиться от них — они всюду шатались. Никого помогающего мне не было.

Когда я окончательно изнемогла, то увидела двух светоносных Ангелов Божиих, в образе юношей невыразимой красоты, идущих ко мне” (См. Сочинения епископа Игнатия. Том 3. С. 103–106). Точно такие же видения злых и мрачных демонов в час смерти своей видели святой Петр мытарь (Четьи-Минеи 22 сентября) и преподобный Арефа печерский (Патерик печерский). “Подобно этому,— свидетельствует вселенский учитель Церкви свт. Иоанн Златоуст еще в IV в.,— многие поведают о страшных видениях, представляющихся при смерти.

Умиравшие, не будучи в состоянии выносить такие зрелища, потрясают с великим усердием сам одр, на котором лежат; смотрят на предстоящих извращенными от страха глазами, когда душа мятется сама в себе, не

хочет выйти из тела, не выносит взора приближающихся ангелов. Если мы трепещем, когда смотрим на страшных людей, то какому подвергаемся страху, когда увидим сошедшихся ангелов и свирепые силы демонов, когда душа будет отторгаться от тела, напрасно и много рыдать?” (Беседа 53 на евангелиста Матфея).

Истязания от злых духов испытывали в час своей кончины преподобный Агафон (“Училище благочестия”, Ч. 3, С. 59), великий подвижник Стефан Синайский (“Лествица”. Сл 7, 50), и многие другие лица, о которых повествуют прологи и Четьи-Минеи. Вообще, убеждение в частном суде по смерти на так называемых воздушных мытарствах сделалось общей верой всей Православной Церкви (Архимандрит Антоний. Догматическое богословие. О мытарствах. С. 244). “Далее лицом к лицу с силами противными стоят силы Божественные и со своей стороны выставляют благие дела души. Подумай же, какой трепет и страх мучает душу, находящуюся среди всех этих сил, пока суд над ней не будет решен Праведным Судией!” (Там же. С. 290).

Наконец, живое представление и как бы предошущие самих адских мук поражает даже самую беспечную душу ужасом и исторгает ее из страшных объятий греха, как из челюстей ада. “Отчего я впадаю в беспечность,

пребывая в келье моей?” — вопрошал один брат опытного старца. Святой Отец отвечал ему: “От того, что ты не узнал еще ни ожидаемого покоя, ни будущего мучения. Ибо если бы ты достоверно знал это, то хотя бы келья твоя была полна червей, так, что ты стоял бы в них по самую шею, ты терпел бы это, не расслабевая”. Это чудное предошущение будущих мучений отчасти объясняет прп. Дорофей следующим образом: “Находясь в теле сем, душа хотя и ведет борьбу со страстями, но имеет и некоторое утешение от того, что человек ест, пьет, спит, беседует, ходит с любезными друзьями своими. Когда же выйдет из тела, она остается одна со страстями своими, и потому всегда мучается ими. Занятая ими, она опалается их мятежом и терзается ими, так что она даже не может вспомнить Бога.

Хотите ли,— продолжает Святой Отец — чтобы я объяснил вам примером то, что говорю вам? Пусть кто-нибудь из вас придет, и затворю его в темную келью, и пускай он, хотя бы только три дня, не ест, не пьет, не спит, ни с кем не беседует, не поет псалмов, не молится, и вовсе не вспоминает о Боге, — и тогда он узнает, что будут в нем делать страсти. Однако он находится еще здесь. Во сколько же более, по выходе души из тела потерпит тогда она, несчастная, когда предастся страстям и останется одна с ними? По здешним

скорбям вы можете несколько понять, какова тамошняя скорбь. Ибо когда у кого-нибудь делается горячка, то что воспаляет его? Какой огонь или какое вещество производит это жжение? Не само ли собственное худосочие воспаляет его, всегда беспокоит и делает жизнь прискорбной? Так и страстная душа всегда мучается, несчастная, своими злыми навыками, имея всегда горькое воспоминание и томительное впечатление от страстей, которые беспрестанно жгут и опалают ее. И сверх этого, кто может, братия, вообразить страшные те места, мучимые в них тела, которые служат душам только для усиления страданий, а сами не истлевают; тот страшный огонь и тьму; тех безжалостных слуг мучителей и другие бесчисленные томления, о которых часто говорится в Божественном Писании и которые соразмерны злым делам душ и их злым воспоминаниям?

Ибо, как праведные, по словам святых, получают некие светлые места и веселие ангельское, соразмерное их благим делам, так и грешники получают места темные и мрачные, полные страха и ужаса. Ибо что страшнее и бедственнее тех мест, в которые посылаются демоны? И что ужаснее муки, на которую они будут осуждены? Однако и грешники будут мучимы с этими самыми демонами, как говорит Христос: *Идите в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его* (Мф. 25, 41)”

(Поучение 12. С. 144). “Насколько небо отстоит от земли,— открыл прп. Макарию Великому заключенный в аду языческий жрец,— настолько под нами огня, и мы от ног до головы стоим среди огня. Никому из нас нельзя видеть другого лицом к лицу. У нас лицо одного обращено к спине другого. И мы, как не знавшие Бога, еще несколько помилованы. Но познавшие Бога и отвергнувшие Его,— те под нами!” Великий старец заплакал и сказал: “Несчастный день, в который родился человек!” (Достопамятные сказания. С. 154). “А еще страшнее то, о чем говорит свт. Иоанн Златоуст,— продолжает прп. Дорофей,— если бы и не текла река огненная и не предстояли страшные ангелы, но только призывались бы все человеки на суд, и одни, получив похвалу, прославлялись бы, другие же отсылались бы с бесчестьем, чтобы не видеть им славы Божией, то для последних наказание стыдом и бесчестьем и скорбь об отпадении от стольких благ не была ли бы ужаснее всякой геенны?” (Поучение 12. С. 146).

“Душа,— заключает прп. Феофил,— застигнутая в беспечной жизни, услышит оный ужасный глас: *Да возмется нечестивый, да не увидит величия Господа* (Ис. 26, 10). Тогда постигнет ее день гнева, день скорби, день тьмы и мрака. Преданная во тьму кромешную и осужденная на вечный огонь, она будет тер-

петь наказание в бесконечные веки! (Достопамятные сказания. С. 413).

Как ни поразительны мрачные картины лютой смерти грешника, грозного суда за гробом и особенно вечных геенских мучений, но сами по себе они не могут тронуть и умягчить каменного, ожесточенного нашего сердца: один Бог может *отнять сердце каменное от плоти нашей, и дать нам сердце плотяное* (Иез. 36, 26) “Удостоверим себя,— говорит св. Иоанн Лествичник,— что памятование смерти, как и все другие блага, есть дар Божий, потому что часто, бывая при самых гробах, не имеем слез и остаемся нечувствительными и неоднократно также, не имея перед собой такого зрелища, приходим в сокрушение” (Сл. 6, 20). “Эта благодать,— уверяет прп. Исаак,— дается находящимся на средней степени нравственного совершенства и в правоте сердца желающим покаяться. Дается же именно тем, о которых известно Богу, что им действительно подobaет удалиться от мира сего к лучшей жизни по благой Его воле, какую обрел Он в них” (Сл. 86. С. 414). Поэтому вернейшее и, можно сказать, единственное верное средство к получению сей ни с чем несравнимой благодати,— постоянная и усиленная о том молитва к Богу-Сердцеведцу.

4. Испытания тех, которые стараются утвердить в уме своем памятование смерти

Подвизающимся утвердить в себе память смертную приходится вступить в борьбу с диаволом.

“Сатана весьма ненавидит сей помысел (т. е. памятование смерти),— говорит прп. Исаак Сирий,— и всеми своими силами нападает, чтобы истребить его в человеке. Ибо знает коварный, что если помысел сей пребывает в человеке, то ум его стоит уже не на этой земле обольщения, и козни его к человеку не приближаются” (Сл. 86. С. 413).

Поскольку памятование смерти в действии своем не что иное, как непрерывное устремление внимания ума и с ним всех сил души к будущей вечной жизни, то цель всех усилий искусителя состоит в том, чтобы развлечь внимание подвижника Христова и направить его к заботам житейским или рассеять по суетным предметам настоящего мира. “И потому,— говорит прп. Исаак,— если бы можно было, сатана отдал бы ему царство целого мира, только бы развлечением изгладить в уме человека такой помысел. И если бы мог сделать так, как сказано,— подтверждает св. отец,— то сделал бы это охотно” (Там же). Следовательно, христианин должен твердо помнить, что при развлечениях и за-

ботах решительно невозможно сохранить непрестанную память о смерти. “Кто намеревается непрестанно сохранять в душе своей памятование смерти и суда Божия,— говорит св. Иоанн Лествичник,— а между тем предастся заботам и молвам житейским, тот подобен хотящему плавать и в то же время плескать руками” (Сл. 6, 11).

Привязанность к чему бы то ни было в мире подает искусителю повод занимать мысль подвижника благочестия не загробной, а настоящей жизнью. “Кто умер для всего в мире,— говорит тот же св. отец,— тот истинно памятует о смерти, а кто еще имеет какое-либо пристрастие, тот не может свободно упражняться в помышлении о смерти, будучи сам себе изменник” (Сл. 6, 21).

Враг сражается с нами, нападая оружием и слева, и справа: не успев развлечь внимания подвижника суетными мирскими заботами, он внушает ему заботливую по видимости богоугодную попечительность о всяком брате во Христе, старается рассеять его внимание многочисленными выражениями братской любви и услужливости. “Не желай,— предостерегает св. Иоанн Лествичник,— всех уверить словами в твоём расположении к ним, а лучше проси Бога, чтобы Он неведомым образом показал им любовь твою. Иначе же не достанет у тебя времени на изъявление любви к ближним и на умиление” (Сл. 6, 22).

Обыкновенная, но, к нашему несчастью, нередко очень удачная хитрость коварного искусителя состоит в том, что он всеми мерами убеждает подвижника в крепости его здоровья и в благонадежном продолжении его земной жизни и заставляет откладывать заботу о своем исходе, отодвигая ее все дальше и дальше, внушая в то же время, что усиленными подвигами еще можно будет с избытком восполнить утраченное время. “Не обманывай себя, безрассудный делатель,— убеждает прп. Иоанн, — будто бы можно одно время вознаградить другим; ибо ни один день не достаточен к тому, чтобы собственный его долг вполне воздать Владыке” (Сл. 6, 23).

Памятование о смерти, особенно в начале и середине этого подвига, весьма прискорбно для нашего ветхого человека, которого он как бы непрестанно закаляет. “Постоянное развлечение мыслей, нам усвоившееся, и мрачное забвение непрестанно похищают мысль о смерти у начинающих трудиться о частом воспоминании ее. Когда же, познав эту кознь невидимых врагов, мы удержимся в спасительном подвиге, тогда увидим в себе новую против него брань: помыслы сомнения в действительности и пользе подвига, помыслы, насмешки и хулы, именуемые его странным, глупым и смешным; помыслы ложного смирения, советующие нам не отделяться от прочих людей поведением нашим.

Если, по великой милости Божией, победится и эта брань, приходит сам страх — мучительный, производимый живым воспоминанием и представлением смерти, как бы предощущением ее. Он сначала необыкновенно тяжел для нашего ветхого человека: приводит в ужас ум и воображение; холодный трепет пробегает по телу, потрясает, расслабляет его, сердце томится невыносимой тоской, сопряженной с безнадежием” (Сочинения еп. Игнатия. Т 2. С. 731). Не следует отвергать этого состояния, не следует опасаться, что от него будут пагубные последствия.

“Всякому начинающему жить по Богу,— говорит св. Симеон Новый Богослов,— полезен страх муки и рождаемая от него болезнь сердца. Мечтающий положить начало доброй жизни без такой болезни и уз страха не только полагает основание своих деяний на песке, но и подобен покушающемуся построить дом на воздухе, вовсе без основания,— что невозможно. От этой болезни (страха и трепета смерти) вскоре рождается всякая радость; этими узами растерзываются узы всех согрешений и страстей; этот мучитель бывает причиной не смерти, но жизни вечной” (Симеон Новый Богослов. Деятельные главы. Гл. 68).

Тяжесть этих внутренних скорбей подает искусителю повод отвлечь подвижника от сего святого и многоплодного занятия; при таких обстоятельствах невидимый враг напоминает

подвижнику великую любовь Божию к людям, которая не требует от них каких-либо мучительных жертв. “Потому,— предостерегает св. Иоанн Лествичник,— когда плачешь о грехах, никак не допускай до себя оного пса (т. е. дьявола), который внушает тебе, что Бог человеколюбив (мысль эта только тогда полезна тебе, когда видишь себя увлекаемым в глубокое отчаяние). Ибо у врага то намерение, чтобы не было у тебя ни этих слез, ни этого нестрашного страха” (Сл. 6, 10).

5. Признаки надлежащего памятования смерти

Мы видели, что по причине необыкновенной многоплодности и высоты сего святого подвига, дьявол употребляет всевозможные и неисчислимы коварства для отклонения от него, а с другой стороны, и сами упражняющиеся в подвиге памятования смерти легко могут обольщать себя, оценивая совершенно неверно свое духовное состояние. Ибо, “не всякое желание смерти,— говорит св. Иоанн Лествичник,— должно признать добрым. Иные, непрестанно греша по силе привычки, со смирением молят себе смерти. Иные же не намерены покаяться и призывают смерть из отчаяния. А иные по самомнению почитают себя бесстрастными и не боятся смерти. Наконец, иные (если

только найдутся ныне такие), по действию Духа Святаго, желают своего исшествия отсюда” (Сл. 6, 8). Поэтому нужно хорошо различать верные признаки благодатного памятования смерти.

“Верный признак,— говорит св. Иоанн Лествичник,— в глубине сердца памятующих о смерти — добровольное беспристрастие ко всякой твари и совершенное оставление своей воли” (Сл. 6, 6).

Обыкновенное живое представление смерти, как говорит прп. Исаак Сирин, “есть нечто телесное”, и потому возбуждает мучительный страх за тело; а благодатное памятование смерти “есть духовное созерцание и дивная благодать. Это созерцание облечено в светлые мысли” (Сл. 86). “Страх за тело,— объясняет в другом месте св. отец,— бывает в людях настолько силен, что вследствие его нередко они остаются неспособными совершить что-либо достославное и досточестное. Но когда на страх за тело проникает страх за душу, тогда страх телесный изнемогает перед страхом душевным, как воск от силы пожигающего его огня” (Сл. 2).

“Рассказывал мне однажды один египетский монах,— повествует св. Иоанн Лествичник: «По утверждении памятования смерти в глубине моего сердца, когда однажды по необходимости я хотел доставить

малое утешение брэнному телу, то памятование это, как судия, возбранило мне. И что удивительно: когда намеревался удалить от себя мысль о смерти, никак не мог этого сделать» (Сл. 6, 16). А прп. Исаак вообще замечает: «Кто имеет памятование смерти, тот не входит более в исследования о сем мире, и не привязан к своему телу» (Сл. 86. С. 414).

«Благоискусен и тот,— говорит св. Иоанн Лествичник,— кто ежедневно ожидает смерти, но свят тот, кто ежечасно желает ее» (Сл. 6, 7).

«Как, по определению Отцов, совершенная любовь не подвержена падению, так и я утверждаю,— говорит св. Иоанн Лествичник,— что совершенное чувство смерти свободно от страха» (Сл. 6, 14).

Наконец, нужно заметить, что все вышеозначенные признаки необходимы для начинающих этот подвиг, дабы они не впади в самообольщение. Те облагодатствованные души, в которых Дух Святой Сам производит памятование смерти по некоторому особому чувству, сами не только ясно сознают, но и живо ощущают различие между истиной и обольщением. «Как олово явственно отличается от серебра, хотя и сходно с ним по виду, так,— уверяет св. Иоанн Лествичник,— для рассудительных очевидно и ясно различие между естественной и противоестественной боязнью смерти» (Сл. 6, 5).

6. Различные степени в подвиге памятования смерти и адских мучений

Подвиг памятования смерти начинается с мысли о будущей загробной участи, с мысли хотя по видимости и случайной, но которая с тех пор является не случайной и не бесплодной, как скоро поражает душу страхом. Это еще страх души за тело: боязнь неожиданно умереть и потом (кто знает?), может быть, погибнуть навеки! Из таких размышлений, если они скоро не изгладятся из души развлечением и житейскими заботами, рождается спасительный страх за душу. «Я объясняю тебе,— говорит свт. Василий Великий,— что такое страх спасительный, страх, которым доставляется святость, страх, который является в душе от научения, а не от впечатлений извне. Когда увидишь, что ты влечешься к какому-либо греху, тогда, умоляю тебя, помысли о страшном и невыносимом Судилище Христовом, при котором Судия восседает на высоком и превознесенном Престоле, и вся тварь предстоит ему в трепете, производимом славою Его явления.

Каждый из нас (это непременно последует!) предстанет перед Ним, и деятельность жизни каждого из нас подвергнется рассмотрению. После этого — к тем, которые совершили во время жизни много зла, приступают некие страшные, угрюмые ангелы,

испускающие огонь из очей своих, огнем дышащие, с лицами, которые, по своему выражению жестокости и ненависти к человекам, подобны ночи. После этого вообрази себе глубокую пропасть, непроницаемую тьму, огонь, лишенный сияния, имеющий силу жечь во мраке; далее — особенную породу червей ядовитых и плотоядных, едящих ненасытно и никогда не наедающихся досыта, производящих угрызениями нестерпимые болезни; наконец, наказание тягчайшее — проклятие и отвержение вечные. Этому страшись! Научаемый этим страхом, удерживай как бы уздой свою душу от нечистых вожделений!” (Семьдесят первая беседа на 33 Псалом, стих. 12). И как бы глубоко ни потрясал душу этот спасительный страх, пораженные им, как говорит св. Иоанн Лествичник, не останавливаются на этом, “но непрестанно прилагают страх к страху, пока не истощится последняя сила в костях их” (Сл. 6, 19).

До какой степени может увеличиться сей спасительный страх, это прп. Иоанн показал в двух удивительных примерах: “Некто, живший здесь на месте, называемом Фола, при мысли о смерти часто приходил в исступление, и его, как лишившегося чувств или пораженного падучей болезнью, находившиеся при этом братья относили почти бездыханным” (Сл. 6, 17). Еще рассказывает он чудную повесть об Исихии Хоревите: “В совер-

шенном нерадении проводил он жизнь, и нисколько не заботился о душе своей; наконец, впадши в смертельную болезнь, на протяжении часа времени казался совершенно умершим. Пришедши в себя, он умолял всех нас, чтобы тотчас от него удалились, и заключив дверь своей кельи, прожил в ней лет двенадцать, никому никогда не сказав ни пу-стого, ни дельного слова и ничего не вкушая, кроме хлеба и воды. Но сидя в затворе, как перед лицом Господним, ужасался и сетовал о том, что видел во время исступления, и никогда не изменял образа своей жизни, но постоянно был как бы вне себя, и не переставал тихо проливать теплые слезы. Когда же он приблизился к смерти, мы вошли в келью, и по многом прощении, услышали только сии слова: “Простите,— сказал он,— кто стяжал память смерти, тот никогда не может согрешить”.

Мы изумились, видя, что в том, который был прежде столько нерадив, внезапно произошло такое блаженное изменение. Похоронивши его в усыпальнице, близ ограды, мы по прошествии некоторого времени искали святых мощей его, но не могли найти. Господь и этим засвидетельствовал усердное и достохвальное покаяние Исихия и удостоверил нас, что Он принимает и тех, которые после многого нерадения хотят исправиться” (Сл. 6, 18).

7. Плоды подвига памятования смерти и Страшного Суда по смерти

Могущественное и неотразимое действие на душу оказывает благодатное созерцание будущей загробной участи. “Совершенно справедливо, возлюбленные,— уверяет прп. Исаак Сирин,— что если бы Бог на малое время даровал людям это истинное созерцание, то в мире этом не стало бы преемства рода человеческого. Созерцание это служит узами, перед которыми не может устоять природа, и для приемлющего в душу свою постоянное размышление о сем оно есть благодать Божия, которая сильнее всех отдельных деланий” (Сл. 86. С. 414).

Мысль о Страшном Суде Божиим, даже в то время, когда по видимости она случайно поражает душу, попирает всякую самую сильную страсть и исторгает человека из самых челюстей ада. “Когда враги успеют пленить ум человека по собственной вине его,— говорил св. Авва Кроний, — то тайно влекут его, пока не приведут к невидимой для него страсти. Если здесь ум обратится, взыщет Бога, вспомнит о вечном Суде, то страсть тотчас падает и исчезает. Писание говорит: *когда, возвратившись, вздохнешь, тогда спасешься и поймешь, где был* (Ис. 30, 15) (Достопамятные сказания. С. 139, 2). “Если тебя палит огонь похоти плотской, противопоставь ему огонь

геенский, и огонь похоти твоей тотчас погаснет,— уверяет свт. Иоанн Златоуст.— Хочешь ли сказать что-нибудь непристойное, помысли о скрежете зубов, и страх его обуздает язык твой. Желает ли сделать какое похищение, послушай, что Судия тот повелевает и говорит: *Связав ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю* (Мф. 22, 13),— и таким образом изгонишь и эту страсть. Если ты ведешь жизнь невоздержную, то послушай, что говорил поминаемый богач: *Пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо мучаюсь в пламени сем* (Лк. 16, 24, 25),— и он не получил помощи. Часто приводя это на память, ты, наконец, отстанешь от страсти невоздержания. Если ты любишь увеселения, рассуждай о тесноте и скорбях, имеющих быть там; после сего ты и думать не станешь об увеселениях.

Если ты жесток и немилосерден, то чаще припоминай тех дев, которые за то, что погасли их светильники, не были допущены в чертог жениха, и ты скоро сделаешься человеколюбивым. Нерадив ты и беспечен? Размышляй о судьбе скрывшего талант свой, и ты сделаешься быстрее огня. Тебя снедает желание, как бы завладеть достоянием ближнего твоего? Воображай непрестанно того неумирающего червя, и таким образом легко освободишься и от сей болезни и все прочие

слабости свои исправишь” (Беседа 10 на второе Послание к коринфянам).

“Живое памятование смерти,— говорит св. Иоанн Лествичник,— отсекает излишество в пище; а когда в смирении отсечено сие излишество,— отсекаются вместе и другие страсти” (Сл. 6, 12). “Кто размышляет о тех муках, которым подвергнется некогда за свои беззакония,— говорит прп. Исаия,— тот уже не рассуждает более ни о чем; его сердце удручено скорбью о предстоящих мучениях; представление о них заглушает все прочие мысли; ему пища и на ум не приходит. Ничего не отвечает тем, которые бранят его; терпеливо переносит все обиды, почитая себя достойным их; с тяжкими вздохами и стоном помышляет он о том Страшном Суде, перед которым некогда должен явиться; сильная скорбь сердца источает из его очей обильные слезы” (Добротолубие. Т. 1. Деяния плача, 3).

Отсечением излишества в пище,— этим, по-видимому, самым простым средством,— живейшее памятование смерти и Страшного Суда освобождает подвижника, даже без его ведома и усилия, от буйства и неукротимости всякого рода страстей. “Рассматривая превратность жизни человеческой и неизвестность ее конца,— рассуждает прп. Антоний Великий,— мы устранимся таким деланием от греха. Когда мы встаем от сна, то вполне сомнительно, достигнем ли мы вечера.

Опять же, когда мы желаем успокоить телом, настолько же неизвестно, увидим ли мы свет наступающего дня. Размышляя о неверности нашей жизни и естества во всех отношениях, мы достигаем познания того, что Божий Промысл управляет нами. Тогда перестаем согрешать и увлекаться положениями пустыми и тленными; тогда не гневаемся ни на кого, не стремимся к собиранию земных сокровищ, попираем все тленное страхом того, что может быть (т. е. ежедневной вероятности отшествия отсюда) и непрерывным размышлением о разлучении души с телом. Тогда перестает действовать любовь к женскому полу, угасает пламень любоддеяния, а мы отпускаем друг другу долги наши, имея непрестанно перед очами наступление окончательного воздаяния. Боязнь суда и страхом мук уничтожаются обманчивые похотения плоти и вместе с тем поддерживается душа, когда она клонится к падению” (Добротолубие. Т. 1. С. 19).

Но этого мало! Памятование смерти прямо ставит кающегося грешника на путь спасения и ведет к ревностному исполнению всякого рода добродетелей. “Ибо такой,— объясняет св. Варсонофий Великий,— говорит помыслу своему: “Я и Бог — мы одни в мире! И если не исполню Его воли, буду уже принадлежать не Ему, а чуждому”,— и ежечасно ожидает своего исхода из тела, помышляя,

как ему встретиться с Богом, и такой скоро достигает пути спасения” (Руководство к духовной жизни. Ответ 343). “Живая память о смерти,— говорит прп. Филофей Синайский,— бывает причиной многих добродетелей. Она рождает печаль по Богу; она побуждает воздерживаться от всего худого; она приводит на мысль геенну; она — мать молитвы и слез; она — страж сердца; она не позволяет иметь пристрастия ни к чему, что по существу своему ничтожно; она — источник благоразумия и рассудительности. Отсюда происходит сугубый страх Божий, очищение сердца от страстных помыслов и исполнение многих заповедей Господних. В памятовании о смерти усматривается подвиг постоянный, непреодолимый, о котором многие из подвижников Христовых пекутся” (Добротолубие. Т. 3. С. 461).

Преподобный Иоанн Пророк объясняет одному брату, как от невольного страха угрожающей смерти рождается произвольная память о смерти и от добра по принуждению рождается свободное добро, которое, наконец, совершенно избавляет человека от смерти, т. е. от опасности впасть в смертный грех и быть осужденным на вечную смерть: “Если человек делает добро по страху смерти, то это вынужденное добро нельзя равнять с тем, которое бывает по свободной воле человека; однако и такой человек все-таки лучше того, который ничего не делает.

Хорошо человеку помнить смерть, чтобы привыкнуть знать, что он смертен, а смертный — не вечен, невечный же и поневоле оставит век сей. Через непрестанную память о смерти человек привыкает и произвольно делать добро. А вольное добро совершенно избавляет душу от смерти” (Руководство к духовной жизни. Ответы 646, 647).

Как объясняет прп. Максим Исповедник, это происходит потому, что “спасительная печаль неизбежно истребляет страсти и порождает добродетели. Потому что того, кто укоренил ее в глубине сердца своего, никак не могут поранить стрелы дьявола; тот, кто душой печется о ней, не боится многообразных нападений демонских; препоясавший ею свой ум не лишается божественных помыслов, и обрекший себя ей знает уставы благочестивой жизни. Она произведение Св. Духа, Который насаждает ее в сердцах достойных. Она одна виновница той радости, которой мы будем причастны в царстве небесном, потому что она Божественное семя, зрелым плодом которого является наслаждение вечными благами” (Христианское чтение 1846 г. Ч. 3. С. 387).

В высшем своем развитии памятование смерти является непреодолимой силой и оказывает ничем не отражимое влияние на душу, как сознавались подвижники, утвердившие в себе мысль о смерти. “Удивительно! — говорил святому Иоанну Лествичнику

один подвижник,— когда я намеревался удалить от себя мысль о смерти, никак не мог этого сделать!” А блаженный Исихий, умирая, сказал отцам: “Кто приобрел памятование смерти, тот никогда не может согрешить” (Сл. 6, 18). Поэтому последний совершеннейший плод сего святого делания, по прп. Иоанну Лествичнику,— нерастленная непорочность души,— отраднейшая безопасность от грехопадений. “Как бездна есть нечто не имеющее предела, по определению некоторых,— говорит он, и этим именем называется бездонное место,— так мыслью о смерти приобретаются нерастленная непорочность и бесконечное делание” (Сл. 6, 10). “Кто утвердил в уме своем память о смерти,— заключает св. Иоанн Лествичник,— тот уже не согрешит. *Помни о конце твоём, и во веки не согресишь*” (Сир. 7, 39).

А св. Симеон Новый Богослов, основываясь на собственном опыте, обещает еще здесь, на земле, страждущему от страха вечных мук неизреченное благодатное утешение: “Кто не захочет избежать болезни, рождающейся от страха вечных мук, и не отскочит от нее, но произволением сердца предастся ей и возложит на себя ее узы, тот — сообразно с мерой своей скорби — начинает скорее шествовать по пути к небу, и она представит его Царю царствующих.

После сего, лишь только воззрит он, хоть неясно, на славу Божию, тотчас спадут с него

узы, и мучительный страх далеко убежит от него, и печаль в его сердце превратится в радость, и в сердце его откроется источник, который наружно будет непрестанно источать ручьями слезы, а внутренне, в душе, тишину, кротость и неизъяснимую сладость, а также мужество и готовность свободно и безостановочно повиноваться всякой заповеди Божией. Это для начинающих невозможно, для дошедших до середины свойственно, а для совершенных — источник сей делается светом, от которого сердце вдруг изменяется и перерождается!» (Деятельные главы. Гл. 69. С. 528).

Таковы плоды памятования смерти! Поэтому-то и современные нам подвижники христианства советуют и убеждают: “По важности плодов памятования смерти, следует быть мужественным в их возделывании и преодолевать все препятствия разумным трудом и постоянством. Следует верить, что и мы в свое время достигнем этих плодов, по милости и благодати Божией. Воспоминание о смерти, о сопровождающих ее и последующих ей страхах, воспоминание, сопряженное с усердной молитвой и плачем о себе, может заменить все подвиги, объять всю жизнь человека, доставить ему чистоту сердца, привлечь к нему благодать Святого Духа и тем даровать ему свободное вознесение на небо, мимо воздушных властей” (Сочинения епископа Игнатия. Т. 2. С. 723).

8. Как утвердить в себе памятование смерти, Страшного Суда и геенских мук, живя в мире среди житейской суеты?

Мирянам памятование смерти еще более необходимо, нежели отшельникам, ибо мирские заботы и развлечения, общественные обязанности и семейные попечения совершенно овладевают душой в мире и не позволяют ей устремить свое внимание к своей будущей вечной участи. Весьма редко встречаясь с мыслью о смерти, человек вовсе не заботится и о вечном спасении, полагаясь, совершенно без всякого права, на милосердие Небесного Судии. Но страшная мысль о смерти и геенне сильна возбудить самого беспечного! Поэтому нужно употреблять всевозможные средства к утверждению в себе этой спасительной мысли. Средства к этому и для мирян те же, какие указаны Св. Отцами выше преимущественно для отшельников. Здесь укажем только особенные случаи, при которых глубже может западать в душу мысль о смерти, а такими случаями нужно пользоваться.

Необходимо прежде всего посещать опасно больных, особенно близких и знакомых. Еще древний мудрец заметил, что *сердце мудрых — в доме плача, а сердце глупых — в доме веселья* (Еккл. 7, 4). Посещая больного, мы вы-

полняем и заповедь братской любви, что вменяет в заслугу Самому Себе Господь Иисус: *был болен, и вы посетили Меня* (Мф. 25, 36),— и сами многому учимся при одре болящего: терпению, упованию на Бога, смиренномудрию, убеждению в суете красоты, крепости, богатства и славы. Увы! Для больного ничто не дорого, кроме здоровья.

Еще сильнее поражает всякого кончина умирающего. Посмотрите, какой ужас объемлет душу грешника при виде страшной и неизбежной смерти! Кто может помочь ему? *И какой выкуп даст человек за душу свою* (Мк. 8, 37)? “Убедимся,— убеждает св. Варсонофий Великий,— в неизбежности страшного дня и часа, в который не защитит ни брат, ни сродник, ни начальство, ни власть, ни богатство, ни слава; но будет лишь человек и дело его” (Руководство к духовной жизни. Ответ 799). То же, или еще что-либо более ужасное будет и с нами при смерти, если мы не покаемся. И, напротив, какая радость воссияет на лице праведника при виде вечных наград! Не забудем этого зрелища, твердо запечатаем в памяти поразительный образ смерти в лице наших знакомых братьев, и он, как грозный судья, предохранит нас от многих преступлений.

Из всех занимательных житейских новостей самые поучительные — рассказы о внезапной и неожиданной смерти, особенно

знакомых нам лиц. В таких случаях и любопытство весьма полезно: знать страшные подробности внезапной смерти, постигнуть непредвидимые умершими случаи, открыть тайные причины несчастья, вообразить ужасную неизвестность вечной участи скоропостижно умершего— все это не может не запечатлеться в памяти, не привести в содрогание самое беспечное сердце. Но при этом не забудем, что внезапная смерть постигает одних только нерадящих о своем спасении: это возвещено Самим Господом (см. Лк. 12, 45, 46). “Бог,— сказал св. Варсонофий Великий одному брату, боявшемуся неожиданной смерти,— не возьмет души твоей, борющейся со страстями и похотьми, до тех пор, пока не приведет тебя в меру высокую,— *в мужа совершенного*” (Еф. 4, 13) (Руководство к духовной жизни. Ответ 265).

Воспоминание о внезапной смерти следует приводить себе на мысль при таких предприятиях, когда могут быть случаи внезапной смерти, например, при отъезде в путь, при переезде через реку и иных подобных случаях. “Приступая к какому-либо делу,— советует один великий подвижник,— говори себе с вниманием: “Что будет, если в сей час посетит меня смертью Господь мой?”

И смотри, что ответит тебе помысел: если осудит,— тотчас брось это дело и возмись за другое; ибо делателю добродетели

следует быть на всякий час готовым отойти в путь свой. За рукоделием ли сидишь, или в дороге находишься, или бываешь у кого, или вкушаешь пищу, всегда говори себе: “Что будет, если теперь позовет меня Бог?” Смотри, что отвечает тебе совесть твоя, и делай так, как она говорит тебе” (Сборник аскетических писаний. Гл. 3, 44. С. 70). Такое представление внезапной смерти не внушает трусость, а очищает цель предпринимаемого дела, подавляет самонадеянность, возбуждает надежду на Промысл Божий, и вообще — весьма спасительно. Прп. Сарра говорила о себе: “Когда поднимаю ногу свою, чтобы взойти на лестницу, я представляю себе перед очами смерть и потом восхожу на лестницу” (Достопамятные сказания. С. 381, 6). Вот как поступали святые.

Мы ежедневно, можно сказать, предаем себя в объятия смерти и, к удивлению, не чувствуем ее присутствия. “Сон — образ смерти!” — говорили языческие мудрецы, а христианство учит, что сама смерть не что иное, как успление. Будем же всегда отходить ко сну с такими святыми чувствованиями, с какими нам не страшно было бы и умереть.

Всегда назидательно и спасительно помнить смерть, но мы должны стараться на собственном опыте познать, как спасительно это благодатное созерцание. Поэтому постараемся представлять смерть перед очами

преимущественно в то время, когда только начинает разгораться в нас какая-либо страсть. Тогда мы ощутим непременно, как при виде и представлении грозной смерти умолкает всякое буйство страстей, и при созерцании геенского огня охладевает всякий жар похоти. “Случающееся в мире неблагополучие,— поучает нас святитель Тихон Задонский,— есть некая тень и образ будущего и вечного неблагополучия. Тяжело здесь быть причтенным к злодеям и причисленным к злым и бесчестным людям, но гораздо тяжелее будет в будущем быть причтенным к дьяволу и злым ангелам его, и к этому роду принадлежать вечно. Тяжело здесь у некоего мучителя быть под властью и от него терпеть поругание, посмеяние и всякое насилие и озлобление; но гораздо тяжелее будет у сатаны — противника Божия — быть во власти, и от него вечно терпеть поругание, посмеяние и озлобление.

Тяжело здесь терпеть биение, страдание, болезнь, жар, лихорадку, зубную боль и расслабление тела; но гораздо тяжелее будет терпеть вечное жжение огня геенского, болезнь лютую и несносную, скрежет зубов, червя неусыпающего, и душой и телом во всем этом страдать. Тяжело здесь сидеть в темнице, быть лишенным света и не чувствовать никакого утешения, но гораздо тяжелее сидеть в адской темнице и никогда не видеть

света, и вечно лишиться всякого утешения. Тяжело здесь терпеть жажду и желать, но не иметь прохладения, но еще тяжелее будет — вечно! Словом, тяжело всякое временное страдание души или тела, это знает каждый; но несравненно более тяжелое — вечное по величине и по продолжительности как бесконечное, которое душой и телом будут терпеть осужденные. Временное страдание есть тень вечного страдания. Тень есть ничто в сравнении с истиной, и временное страдание — ничто в сравнении с вечным! Отличай вечное страдание от временного, и берегись, да не впадешь в него. Сейчас сходи умом в ад, чтобы потом не сойти душой и телом! Как стерпишь огонь жгущий, но не сжигающий, червя грызущего, но не поедающего, скрежет зубов, тьму кромешную, мерзкий вид демонов, плач, стенание, рыдание и прочие ужасы? Размышляй об этом, сравнивай временное страдание с вечным, и прогонится этим размышлением, как бичом, суета от сердца твоего” (Творения свт. Тихона Воронежского. Т 5. Письмо 26).

III. ПОКАЯННЫЙ ПЛАЧ

*Блаженны плачущи, ибо они
утешатся (Мф. 5, 4).*

Памятование смерти неизбежно рождает плач о грехопадениях и о страшной участи, ожидающей грешника за гробом. “Как всякому слову предшествует мысль, — говорит св. Иоанн Лествичник, — так плачу и пролитию слез предшествует памятование смерти” (Сл. 6, 1). И потому плач служит яснейшим выражением истинного памятования смерти и как бы совершеннейшим его плодом.

1. Что разумеется в деятельном христианском благочестии под именем покаянного плача

“Плач по Богу, — учит св. Иоанн Лествичник, — есть сетование души и такое расположение болезнующего сердца, при котором оно непрестанно с жаром ищет того, чего оно жаждет, и не находя его, неутомимо за ним стремится и громко рыдает вслед его”

(Сл. 7, 1). Из такого понятия о плаче открывается, что это не случайная скорбь сердца, изливающаяся в слезах, а непрестанное, и притом постоянно возрастающее томление кающейся души, доходящее до самозабвения и как бы истощения в муках раскаяния.

“Сокрушение сердца, — объясняет святой Иоанн Лествичник, — есть непрекращающееся истязание совести” (Сл. 7, 2), “есть некичащееся болезнование души, в котором она не дает себе никакого успокоения, но ежечасно воображает только свое разрешение (смерть), и, как прохладной воды, ожидает себе утешения от Бога, утешающего смиренных и сокрушенных сердцем (Сл. 7, 27). “Плач — укоренившаяся скорбь кающейся души, которая ежедневно прилагает скорбь к скорби, по подобию рождающей и страждущей жены” (Сл. 7, 60).

2. Необходимость плача для преуспевания в деятельном благочестии

Слезы, по учению Св. Отцов Церкви, должны сопровождать подвижника Христова от начала его исхода во след Подвигоположника Христа до конца жизни; это его пища и питье в сей юдоли плача и изгнания; это доля падшего человека, неизбежная и неминуемая, если не в сей жизни, то за гробом — на

целую вечность. “Кто здесь не плачет о себе,— говорил св. авва Пимен,— тот будет вечно плакать там. Итак, необходимо плакать или здесь — добровольно, или там — от мучений” (Достопамятные сказания. С. 36, 41). “Восплачем, братия,— увещевал прп. Макарий Великий,— очи наши да проливают слезы прежде, нежели отойдем туда, где наши слезы будут жечь тела наши!” (Там же. С. 216, 33). Покаянный плач равно необходим и для очищения души, и для преуспевания в добродетели. “Где нет плача, там нельзя уберечься от искушения”,— сознавался св. авва Петр (Там же. С. 331, 2). А прп. Пимен Великий вообще утверждает: “Кто хочет очистить себя от грехов своих, очищает себя слезами, и желающий стяжать добродетели стяжает их слезами. Ибо плач — путь, указанный нам Писанием и Отцами нашими, которые говорили: «Плачьте! Кроме сего пути нет другого!»” (Там же, С. 304, 119).

3. Отчего рождается истинное умиление?

Истинное умиление, т. е. плач, не мучительный, а срастворенный отрадной надеждой на милость Божию, не иначе может родиться в душе, как при глубоком сознании своей виновности перед беспредельной любовью Отца Небесного. “Бог не требует,— го-

ворит св. Иоанн Лествичник,— и неуютно Ему, чтобы человек плакал от болезни сердечной, но хочет, чтобы из любви к Нему веселился он душевным смехом. Отними грех — и излишни будут болезненные слезы чувственным очам. У Адама до преступления не было слез, как не будет их и по воскресении, когда упразднится грех” (Сл. 7, 45).

“Младенец, как скоро начинает узнавать отца своего, весь исполняется радости. Если же отец по делам своим отлучится на время и потом опять возвратится, то отрок бывает полон и радости и печали: радости, потому что видит любимого; печали, потому что столько времени лишен был ласк доброго отца” (Сл. 7, 59). “Так и душа,— объясняет прп. Ефрем Сирийский,— после долговременной разлуки с Богом возбуждается к пролитию слез; от того, что наконец увидела Родителя, проливает она слезы и преклоняет к себе Бога, ибо любит Отеческое благословение, и, таким образом, очищается от всего” (Сл. 99. О покаянии). Поэтому, слезы умиления текут из очей при благоговейном взоре обратившейся души на любвеобильное лицо Отца Небесного.

“Слезы в молитве,— говорит св. Исаак Сирийский,— признак милости Божией, которой сподобилась душа своим покаянием, и признак того, что молитва принята, и слезами начала входить на поле чистоты. Ибо, если в людях помыслы не отторгнутся от предметов

преходящих, не отвергнут они от себя надежды на этот мир; если не возбудится в них презрение к нему, и не начнут они готовить добрых напутствий к исходу своему; если не начнут действовать в душе помышления о предметах, принадлежащих будущему веку, то очи не смогут произвести слез” (Сл. 30). “Когда проливаешь слезы в молитве твоей,— свидетельствует прп. Марк Подвижник,— то Христос коснулся очей твоих, и ты получил умное зрение” (Добротолюбие. Т. 1. С. 521. О законах духовных. Гл. 15). “У кого текут слезы умиления,— открывает наш российский подвижник, прп. Серафим Саровский,— сердце такого озаряют лучи Солнца правды — Христа Бога” (Сказания о жизни старца Серафима. 1844 г. С. 60). Итак, “сокрушение — дар Божий,— говорит свт. Василий Великий,— подаваемый или для возбуждения вожделения, чтобы душа, вкусив сладость подобной скорби, старалась полюбить эту скорбь, или в доказательство того, что душа при тщательнейшем попечении может быть в постоянном сокрушении и что отвергшие его по нерадению не могут быть извиненными” (Краткие православные вопросы. Вопрос 16. Т. 5. С. 221).

4. Плач бывает различный

“Значение слез,— говорит св. Иоанн Лествичник,— по определению многих из От-

цов, несколько темно и неудобопостижно, особенно же у новоначальных, у которых происхождение слез имеет много различных причин, а именно: бывают слезы от природы, от Бога, от скорби предосудительной и похвальной, от тщеславия, от блудной страсти, от любви, памятования смерти и от многого другого” (Сл. 7, 32). “Исследовав страхом Божиим все эти виды слез,— продолжает св. отец,— усвоим себе чистые и нелестные слезы о нашем разрешении (смерти); ибо в них нет подлога или самомнения, напротив того, очищение, преуспевание в любви к Богу, омовение от греха и освобождение от страстей” (Сл. 7, 33).

Весьма утешительно, что всякие слезы, при посредстве страха Божия можно обращать в слезы чисто духовные и спасительные. “Слезы — порождение мыслей, а мысли рождает рассудок и ум” (Сл. 7, 17), но умственными способностями мы пользуемся совершенно свободно, и потому “к слезам предосудительным, или естественным можем прививать слезы духовные. Это ясно знают люди, склонные к тщеславию”, — говорит св. Иоанн Лествичник.

Впрочем, хотя “никто не спорит,— как замечает прп. Иоанн,— что полезны нам всякие слезы по Богу” (Там же, 36), однако и между самыми полезными или спасительными слезами есть великое различие: “Не тот

достиг совершенства плача, кто плачет, когда хочет, но кто плачет, о чем хочет. Даже и тот еще не достиг совершенства плача, кто плачет о чем хочет, но кто плачет, как Бог хочет” (Там же, 26). Поэтому нужно знать, что:

“Часто к плачу по Богу примешиваются ненавистные слезы тщеславия,— замечает св. Иоанн Лествичник,— это же благочестно узнаем на опыте, когда заметим в себе, что и плачем, и предаемся гневливости” (Слово 7, 26).

“Когда мы плачем в молитве, и тут же вмешивается смех, то это от диавольской хитрости”,— открывает прп. Серафим Саровский (Сказания о жизни прп. старца Серафима. 1844 г. С. 60).

“Есть сокрушение сердца правильное и полезное, от которого оно смиряется,— говорит прп. Марк Подвижник,— и другое, неправильное и вредное, которое мучит его. Бдение, молитва и терпение в напастях составляет для сердца сокрушение безвредное и полезное, если только излишеством не нарушим соразмерности в их смешении” (Добротолюбие. Т. 1. О законах духовных. Гл. 18 и 19. С. 521).

“Безмерное и безвременное сокрушение сердца о чем-либо чувственном,— говорит прп. Симеон Новый Богослов,— омрачает и возмущает ум. Оно изгоняет из души чистую молитву и умиление, а насаждает в нее болезненное сердечное томление. Отсюда оже-

сточение и крайнее ослепление, а через это демоны наводят отчаяние на взявшихся жить духовно” (Деятельные главы. 46. С. 520).

Плачем, достойным вечного блаженства (см. Мф. 5, 4), свт. Василий Великий признает тот плач, “когда плачем о грехах или по причине оскорбления Божией чести (потому что человек преступлением закона бесчестит Бога), или по причине бедствующих во грехе, ибо сказано: *душа согрешающая, та умрет* (Иез. 18, 4), в чем подражаем сказавшему: *чтобы не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде* (2 Кор. 12, 21)” (Т. 5. Краткие нравственные вопросы. Вопрос 194. С. 307).

Есть святые слезы страха и — слезы любви. “Слезы от страха сами собой производят трепет и осторожность,— говорит св. Иоанн Лествичник,— слезы же от любви, если любовь не достигла еще совершенства, у некоторых могут быть удобно похищены. И, удивительно,— замечает св. отец, — что смиреннейшее в свое время бывает тверже” (Сл. 7, 66).

Бывает некий чудный, сокровенный в глубине смирения плач, незаметный для самих плачущих. “У некоторых видел я плач,— свидетельствует прп. Иоанн Лествичник,— а у других видел сомнение в плаче; имея плач, они думают, что не имеют его, и от сего-то прекрасного неведения пребывают в безопасности, и о них-то сказано: *Господь умудряет слепцы* (Пс. 145, 8)” (Сл. 7, 46).

“Бывают слезы сжигающие и бывают слезы утучняющие,— говорит прп. Исаак Сирин.— Все те слезы, которые исходят из сущности сердца от сокрушения о грехах, иссушают и сжигают тело, а нередко и самое владычественное (ум) в душе во время изливания слез ощущает от них вред. И сперва человек по необходимости вступает на эту степень слез, но ими отверзается ему дверь войти на вторую ступень, лучшую первой, и это страна радости, в которой человек приемлет милость. Это уже слезы, проливаемые по благоразумию: они и украшают, и утучняют тело, и исходят непринужденно сами собой; и не только, как сказано, утучняют тело человеческое, но и вид человека изменяется. Ибо сказано: *Сердце веселящееся делает лицо цветущим, а находясь в печали, сетует*” (Притч. 15, 13) (Сл. 21).

5. Признаки истинного сокрушения сердца

“Отличительное свойство преуспевающих еще в блаженном плаче,— говорит св. Иоанн Лествичник,— есть воздержание и молчание уст, а преуспевших — негневливость и непамятозлобие; совершенных же — смиренномудрие, жажда бесчестий, произвольная алчба невольных скорбей, неосуждение согрешающих, сострадание — даже

превыше силы. Достойны одобрения первые, достохвальны вторые, блаженны же алчущие скорби и жаждущие поруганий, потому что насытятся они пищей непресыщающею” (Сл. 7, 4). Поэтому, “когда в думающих о себе, что плачут по Богу, увидим гнев и гордость, тогда слезы их признаем неправильными, ибо *что общего у света с тьмой* (2 Кор. 6, 14)” (Сл. 7, 29).

“Прекрасна молитва с воздыханиями и слезами, особенно если слезы проливаем безмолвно,— говорит прп. Ефрем Сирин.— Вопиять же во всеуслышание — знак человекоугодия; а кто молится с ведением и с верою, тот зрит перед собой Господа, так как мы *Им живем, и движемся, и существуем* (Деян. 17, 28). (Т. 5. О праведной жизни. С. 173).

Очевидный и самый верный признак истинного сокрушения кающийся может видеть в строгом образе своей жизни и в возненавидении всякого телесного утешения. “Те,— говорит св. Иоанн Лествичник,— которые могут плакать от глубины сердца, возненавидели и саму жизнь свою, а тела же своего отвращают как врага” (Сл. 7, 28). “Как сказал некто из любящих Бога: «клялся я, что умираю всякий день»”. “Тем и отличаются сыны Божии от прочих,— описывает прп. Исаак Сирин,— что живут они в скорбях, а мир гордится роскошью и покоем. Ибо не благоволил Бог, чтобы возлюбленные Его

покоились, пока они в теле, но более восхотел, чтобы они, пока в мире, пребывали в скорби, в тяготе, в трудах, в скудости, в нагоде, в одиночестве, в нужде, болезни, унижении, в оскорблениях, в сердечном сокрушении, в утружденном теле, в отречении от сродников, в печальных мыслях, имели иной вид, чем у всей твари, место жительства, не похожее на обыкновенное человеческое: жилище иноческое, которое безмолвно, невзрачно для человеческого взгляда, не заключает в себе ничего такого, что веселит здесь человека.

Иноки плачут, а мир смеется. Они воздыхают, а мир веселится. Они постятся, а мир роскошествует. Трудятся они днем, и ночью предаются подвигам в тесноте и трудах. Некоторые из них пребывают в добровольных скорбях; другие в трудах, борясь со своими страстями; иные гонимы людьми, а иные бедствуют от страстей, от демонов и от прочего. Христос Спаситель наш, любовь Которого превозмогает телесные смерти, да явит нам крепость любви Своей!” (Сл. 36. С. 156).

6. Средства, возбуждающие сердечное сокрушение

Несомненно, что истинное умиление есть дар Божий, но и Господь подает Свои дары только просящим, и отворяет стучащим, и только *употребляющие усилия восхи-*

щают царствие Божие (Мф. 7, 7 и 11; 12). Посему желающий приобрести высокий дар слез должен со своей стороны употребить немалое усилие и всевозможные к этому средства, указываемые Св. Отцами.

Поскольку слезы рождаются, возрастают и умножаются вместе с памятованием смерти, то св. Иоанн Лествичник прежде всего внушает подвижнику: “Не переставай запечатлевать в уме и содержать в мыслях бездну темного огня, немилостивых служителей, Судию немилосердного и неумолимого, бесконечную глубину преисподнего пламени, тесные сходы в подземные места, ужасные пропасти и другое тому подобное, чтобы гнездящаяся в нашей душе похотливость истребилась великим страхом, душа соединилась с нетленной чистотой и приняла в себя сияние невещественного света, блистающего ярче всякого огня. Ложась на постель, воображай твоё возлежание во гробе. Когда сидишь за столом, приводи себе на память плачевную трапезу червей. Когда пьешь воду, не забывай о жажде в пламени неугасающем” (Сл. 7, 10, 18).

Сама обстановка жизни скорбной, одинокой, безутешной, может и должна располагать к пролитию слез. “Спрашиваешь о занятии и размышлении, т. е. как человеку стать мертвым в келье своей? — обращается к подвижнику прп. Исаак Сирий. — Разве

человек рачительный и трезвенный душой имеет нужду спрашивать, как ему вести себя, когда бывает он один сам с собой? Какое иное занятие у монаха в келье его, кроме плача? Разве бывает у него время от плача обратиться к другому помыслу? И какое занятие лучше этого? Само пребывание монаха и одиночество его, уподобляясь пребыванию во гробе, далекому от радости человеческой, учат его, что деятельность его — плач. И само значение имени его призывает и убеждает к тому же, потому что называется он сетующим, т. е. исполненным горести в сердце.

И все святые переселялись из сей жизни в плаче. Если же святые плакали, то кто же тогда не будет плакать? Утешение монаху порождается плачем его. И если совершенные и победоносные здесь плакали, то как стерпит исполненный язв, чтобы перестать ему плакать? Кто имеет лежащего перед собой мертвеца и видит, что сам он умерщвлен грехами, нужно ли того учить, с какой мыслью пользоваться ему слезами? Душа твоя, которая для тебя дороже целого мира, умерщвлена грехами и лежит перед тобой: неужели же она не требует плача?” (Сл. 21. С. 97).

“Пусть сама одежда твоя,— прибавляет св. Иоанн Лествичник,— возбуждает тебя к деланию плача, потому что все, оплакивающие умерших, облакаются в черное! Если не имеешь плача, то плачь об этом самом. Если

же имеешь плач, то плачь еще больше о том, что своими согрешениями из состояния беспрудного низвел ты себя в состояние труда и печали” (Сл. 7, 22).

Но весьма нередко бывает, что никакие размышления, никакие прискорбные обстоятельства не могут исторгнуть спасительной слезы из убитого и окаменелого сердца. “И таковые,— замечает св. Иоанн Лествичник,— стараясь снискать слезы и не находя их, оказывают себя, осуждают, и мучают себя воздыханиями и сетованиями, печалью души, глубоким сокрушением и недоумением.

Но все это,— уверяет св. отец,— безопасно заменяет для них слезы, хотя они ко благу своему вменяют это ни во что. Так как слезы нередко надмевают легкомысленных, поэтому они некоторым и не даются” (Сл. 7, 47). Но и таких, убитых иссушающею печалью, ободряет святой Геннадий, патриарх Константинопольский: “Нет у тебя слез? Не отчаивайся, но воздыхай часто и тяжело от всего сердца. Слезы — дар Божий; мало-помалу воздыханием и умилением ты испросишь их у Бога. Ибо написано: *просящий получает, всякий ищущий находит, и стучащему отворят*” (Мф. 7, 8) (Прибавление к творениям Св. Отцов. 1845 г. Правило 50. С. 8).

Святые Отцы предлагают еще и иные, более внешние и потому более свободно употребляемые, средства к возбуждению плача:

а) “Человек достигает плача трудом,— говорит прп. Варсонофий Великий,— посредством многого поучения в Писании, терпения и через самоотвержение” (Поучения преподобного Дорофея. Ответ 6. С. 217).

б) “Если человек,— учит св. Иоанн Пророк,— находясь среди других, отсекает свою волю и не обращает внимания на чужие грехи, то приобретает плач. Ибо через это собираются его помыслы и, собираясь таким образом, рождают в сердце *печаль ради Бога* (2 Кор. 7, 10), а печаль эта — слезы” (Там же. Ответ 34. С. 238);

в) “Если сохранишь язык твой,— уверяет прп. Исаак,— то от Бога дастся тебе благодать сердечного умиления” (Сл. 85. С. 412);

г) “Сердце сокрушается от трех родов воздержания,— говорит прп. Марк Подвижник,— т. е. от воздержания во сне, пище и телесном покое. Никто не может иметь скорби и печали ради Бога, если не возлюбит прежде указанных причин. Страх Божий и обличение допускают к себе печаль, а воздержание и бдение сообщаются со скорбью” (Добротолубие. Т. 1. Гл. 210, 218 и 219. С. 559–560).

7. Отчего теряется плач?

“Достигнув плача,— предостерегает св. Иоанн Лествичник,— всей силой храни его, ибо прежде совершенного усвоения он весь-

ма легко теряется. И как воск тает от огня, так и он легко истребляется от молвы, телесных попечений и наслаждения, в особенности же от многословия и смехотворства” (Сл. 7, 5). Ибо, “если смиренномудрию ничто так не содействует, как плач, то, без сомнения, ничто так не противодействует, как смех” (Сл. 7, 8). “Кто иногда плачет, а иногда наслаждается и смеется, тот походит на человека, который во пса сластолюбия кидает вместо камня хлебом; по видимости он гонит его прочь, а на самом деле манит к себе” (Сл. 7, 14).

“Не будь подобен,— продолжает святой отец,— погребаящим мертвых, которые то плачут о них, то ради них упиваются; но будь подобен узникам в рудниках, которые ежедневно терпят побои от приставленных слугителей” (Сл. 7, 13).

“Есть вещи,— замечает он же,— которыми иссушаются у нас источники слез, и другие вещи, от которых рождается в них тина и гады. От первых Лот впал в незаконный союз с дочерьми своими; а от последних диавол пал с неба” (Сл. 7, 67).

“Кто надмевается в душе слезами своими и сам в себе осуждает тех, кто не плачет, тот подобен человеку, который испросил у царя оружие на врага своего и убивает им самого себя” (Сл. 7, 44). “Получив слезы.— убеждает также св. патриарх Геннадий,— храни их

всей твоей силой. Берегись объядения и пьянства, более же всего осуждения всякого человека. Порицай свои дела, а человека, которого создал Бог, не суди” (Прибавление к Творениям Св. Отцов. 1845 г. Правило 51. С. 9).

“Плачущие,— утверждает св. Иоанн Лествичник,— никогда не будут петь и громко восклицать в песнях; потому что этим истребляется плач” (Сл. 7, 52). Часто одно слово прекращало плач; но было бы чудно, если бы одно же слово и возвращало его” (Сл. 7, 69).

“Плачущим,— утверждает он же,— неприлично богословствование, ибо оно обыкновенно полагает конец плачу. Богословствующий уподобляется сидящему на кафедре, а плачущий подобен проводящему дни свои на гноище и во вретище” (Сл. 7, 24).

Святой авва Исаия подробно перечисляет признаки отсутствия страха Божия и истинного сокрушения в сердце христианина: “Если, быв оскорблен, ты приходишь в негодование, то не творишь истинного покаяния. Если скорбишь о похищенных у тебя вещах, то нет в тебе страха Божия. Если возмущаешься, когда кто-либо оклеветает тебя, то нет в тебе страха Божия. Если охотно слушаешь похвалы себе, то нет в тебе страха Божия. Если в разговорах с другими хочешь, чтоб слова твои взяли перевес, то нет в тебе страха Божия. Если огорчаешься, что сло-

вами твоими пренебрегают, то нет в тебе страха Божия. Ибо все это означает, что ветхий человек еще силен в тебе, и что нет там внутри того, кто изгнал бы его, и нет истинного и богоугодного плача.

Надобно открыть очи ума, чтобы нам познать самих себя и понять, что враг Бога— тот, кто следует своей воле. Если будешь хранить заповеди Божии и направлять по воле Его свои дела; если уразумеешь, что не можешь сам по себе благоугодить Богу соответственно Его величию; если непрестанно будешь иметь грехи свои перед глазами, то найдешь защиту против врага твоего, старающегося сразить тебя гордостью, чтобы считал ты себя праведным, и сохранишь в целости здание, созидаемое плачем покаяния. Тогда поймешь, что ты познал самого себя и то, где ты находишься, и сердце твое не будет превозноситься, как будто оно одержало победу. Ибо до тех пор, пока человек не предстанет на Суд и не услышит определения и не познает своего места, он не может знать, угоден ли он Богу, или нет.

Человек никогда не должен доверять себе, а напротив, должен быть в страхе и беспокойстве, пока находится в теле. Блаженны те, которые никогда не полагаются на дела свои, но, всегда объемлемые страхом, не дерзают перед Богом и, познав Его величие и собственную немощь, стараются покоряться

Его воле, как Сам Он хочет, и в таком прирепетном чувстве оплакивают самих себя, а других не судят, но предоставляют суд Богу Судии!” (Добротолубие. Т. 1. Сл. 23, 9–11. С. 392–393)

Вот сколько существует по видимости, неопасных случаев потерять плач, добытый иногда с великим трудом! Поэтому нельзя предаваться беспечности, и уже обладая этим драгоценным сокровищем. “Неопустительно храни в себе блаженную и веселящую печаль святого умиления,— возбуждает св. Иоанн Лествичник,— и не прекращай упражняться в этом делании, пока оно тебя, превознесенного над здешним, не представит чистым Христу” (Сл. 7, 9).

Для сохранения и удержания благодарованного дара слез Св. Отцы повелевают пребывать в том делании, в котором приходят слезы, а не изменять произвольно подвиги деятельного благочестия. Прп. Феодор Енатский сказывал, что он “знал инока, безмолвствовавшего в келье и имевшего рукоделием плетение веревок. Когда этот инок сидел и плел веревку, занимаясь умной молитвой, то приходили к нему слезы. Тогда он вставал для молитвословия; но при этом слезы прекращались. Брат садился и принимался за веревку, сосредоточивая в себе мысли, и слезы опять приходили. Равным образом, когда он сидел и читал, приходили слезы; он

вставал на молитву — и слезы немедленно прекращались. Только он снова принимался за книгу— слезы возвращались”. По поводу этого прп. Феодор заключает: “Справедливо наставление Св. Отцов, что плач — учитель: он учит всякого человека тому, что ему полезно” (См. Алфавитный патерик. Феодор Енатский).

8. Испытания подвижающихся в покаянном плаче

Воздержание более всего располагает к плачу, а пресыщение и смехотворство более всего удаляют плач, как выше сказано. “Но демоны,— как говорит св. Иоанн Лествичник,— часто над нами горько насмеются. Ибо когда пресытимся, возбуждают в нас сокрушение, а когда постимся, делают сердце наше жестоким, чтобы, обольстившись ложными слезами, предались мы наслаждению матери страстей. Но их не должно слушаться, а лучше делать противное” (Сл. 7, 48).

“У наших врагов много злобы,— продолжает прп. Иоанн,— так что и мать добродетелей обращают в мать пороков и то, что приводит к смирению, делают поводом к гордости. Случалось видеть, что нередко и в городах среди молвы возбуждаются слезы, чтобы, предавшись мысли, будто бы можно не терпеть никакого вреда от мирской молвы, сблизилась

мы с миром, ибо такая цель у лукавых демонов. Но пусть само местоположение и вид жилищ наших призывают мысль нашу к сокрушению, в чем да убедит тебя пример Иисуса, Илии и Иоанна, молившихся наедине” (Сл. 7, 68).

С другой стороны, подвизающимся в общезжитиях и все молитвы совершающим в обществе братьев демоны внушают никогда не обнаруживать слез, дабы другие не соблазнились. Против этого искушения прп. Симеон Новый Богослов заповедует: “Стоя в собрании, т. е. в храме, непрестанно со умилением проливай горячие слезы, не обращая внимания на то, что другие тем соблазняются или даже смеются. Держи в уме своем, что те, которые видят меня плачущим, думают обо мне, что я многогрешен, и молятся о моем спасении. Если же ты видишь, что сам ты от этого впадаешь в тщеславие, то выйди из церкви, втайне это сделай, и тотчас опять стань на свое место” (Подвижническое слово старца Симеона благоговейного. Гл. 4. С. 513).

Обыкновенное коварство искушителя — в том, что он представляет бесплодность сердечных стенаний и скорбей и неумолимость Судии, Бога. Поэтому св. Иоанн Лествичник предостерегает: “Гони от себя пса, который приходит во время самого глубокого плача и внушает, что Бог немилостив и неумолим” (Сл. 7, 62). Для отражения этого искушения Св. Отцы убеждают подвижника христианства

в крайней необходимости и высоком достоинстве всякого рода скорбей. “Помни,— говорит свт. Василий Великий,— что *много скорбей у праведного, и от всех их избавит его Господь* (Пс. 33, 20). А утверждающий, что скорбь неприлична праведнику, говорит не что иное, как одно с утверждающим то, будто бы борцу неприличен противоборник. Но борец, не выходящий на подвиг, будет ли иметь предлог к получению венцов!” (Беседа на Псалом 33. Ч. 1. Стих 20. С. 310).

“Не думай, возлюбленный,— ободряет прп. Ефрем Сирий,— что ты один больше всякого терпишь скорбей, ибо *всякая голова — в болезни, и всякое сердце — в печали* (Ис. 1, 5).

Как живущему на земле невозможно избежать этого воздуха, так человеку, живущему в этом мире, невозможно не быть искушенным скорбями и болезнями. Развлекаемые земным от земного и испытывают скорби, а стремящиеся к духовному о духовном и болеют. Но последние будут блаженны, потому что плод их обилен о Господе” (Ч. 1. Поучение 4. О добре). “Христиане,— говорит св. Макарий Великий,— должны переносить как внешние скорби, так и внутренние брани, чтобы посредством терпения в самом поражении быть победителями. Ибо таков путь христианства: где Дух Святой, там, как тень, следуют гонение и брань” (Беседа 15, 11. С. 115). “К душе скорбящего,—

уверяет прп. Исаак Сирийский, — Господь являет великое человеколюбие, соразмерно с жестокостью страданий в скорби его” (Слово 91. С. 433).

Тяжесть и продолжительность сердечных скорбей подает искусителю повод внушать подвижнику преждевременную ложную радость. Поэтому св. Иоанн Лествичник предостерегает: “Рукой смирения, как недостойный, отклоняй от себя находящую радость, чтобы не обольститься ей и вместо пастыря не принять волка” (Сл. 7, 57). А прп. Исаак утверждает: “Кто уходит от скорбей, тот, несомненно, разлучается и с добродетелью. Кто же без скорби пребывает в своей добродетели, тому отворена дверь гордости. А когда человек пребывает в гордости, тогда удаляется от него промыслительный Ангел, который близ него и возбуждает в нем попечение о праведности” (Сл. 34. С. 149).

Наконец, Св. Отцы предостерегают от опасного преждевременного желания духовных созерцаний. “Не спеши к созерцанию, — говорит св. Иоанн Лествичник, — когда не время созерцанию; пусть лучше само оно, привлеченное красотой твоего смирения, придет к тебе, обнимет тебя и соединится с тобой чистейшим браком навеки” (Сл. 7, 58).

9. Различные степени подвига в покаянном плаче

Слезы имеют неодинаковую заслугу перед Богом: подвиг плача постепенно возрастает и возвышается. “С течением времени оскудевает море, — говорит Иов (14, 11), — так и сказанное о плаче, — замечает св. Иоанн Лествичник, — в нас появляется и совершенствуется постепенно, со временем и при терпении” (Сл. 7, 20). Заслуга подвига в плаче, по указанию Св. Отцов, зависит не от обилия изливаемых слез, но от большего или меньшего величия внутренних скорбей, порождающих слезы. “Видал я, — свидетельствует прп. Иоанн, — что и малые капли слез, как кровавые, источались с трудом; и видал также источники слез, проливаемые без труда. И о трудящихся судил я более по труду, нежели по количеству слез. Думаю, что также судит и Бог. Ибо Благим и праведным Судией нашим, как во всем прочем, так и в слезах, без сомнения, принимается в рассмотрение сила естества” (Сл. 7, 23).

Слезы бывают:

Наружные и внутренние, или душевные. “Кто приобрел душевные слезы, — говорит св. Иоанн Лествичник, — тому всякое место удобно для плача. А кто плачет только наружно, тот не перестает разбирать места и обычаи. Как безопаснее от похищения сокровище спрятанное, нежели положенное

среди торжища, так будем разуметь о душевных и наружных слезах” (Сл. 7, 12). “Итак, пусть сердце сохраняет плач, лицо же и слово — благоприличную веселость!” — советует прп. Иоанн Пророк (Руководство к духовной жизни. Ответ 737).

Слезы страха, радости и любви. “Слезы об исходе души рождают страх,— говорит св. Иоанн Лествичник,— а когда страх породит небоязненность, т. е. упование, тогда воссияет радость; когда же достается в удел нескончаемая радость, тогда прозябает цвет святой любви” (Сл. 7, 56). “Воздыхания и сетования наши вопиют ко Господу. Слезы, проливаемые от страха, ходатайствуют о нас; а слезы святой любви показывают нам, что моление наше принято” (Сл. 7, 7).

Слезы вынуждаемые и свободно изливаемые. “Слезы начинаются от первой обители сокровенного жития,— говорит прп. Исаак,— и возводят человека к совершенству любви Божией. Ибо, когда человек начнет оставлять телесное настоящего века, тогда скоро достигает благодати слез. А пока не примет человек этого дарования, его дело совершается еще только во внешнем человеке и еще вовсе не ощутил он действительности того, что сокрыто в духовном человеке. Но когда кто-либо сподобится благодати многих слез, проливаемых без понуждения, тогда начал он видеть в себе плод, скрытый в душе. И чем

далее преуспеваает он, тем более обогащается сей благодатью, пока от продолжительного излияния слез не начнет пить их и в пище своей и в питии своем” (Сл. 21. С. 93). Вот к какому состоянию следует стремиться: “Будь как царь в сердце своем, сидя на высоком престоле смирения,— побуждает св. Иоанн Лествичник,— и повелевай смеху: *иди, и идет*; и сладостному плачу: *приди, и приходит*; и телу, этому рабу и мучителю нашему — *сделай то, и делает* (Мф. 8, 9)” (Сл. 7, 39).

Неожиданные благодатные слезы. “Когда душа и без нашего страдания и попечения,— возвещает св. Иоанн Лествичник,— бывает склонна к слезам, мягка и проникнута умилением, тогда поспешим, потому что Господь пришел незванный и дает нам губу боголюбивой печали и прохладную воду благочестивых слез для изглаждения рукописания согрешений.— Храни эти слезы, как зеницу ока, пока не пройдут: велика сила такого плача, несравненно она выше того плача, который бывает следствием нашего старания и умышления” (Сл. 7, 25).

Наконец,— в собственном смысле кровавые слезы. “Видел я некоторых — уверяет св. Иоанн Лествичник,— достигших крайней степени плача; ибо примечал, что чувственным образом, устами своими проливали они кровь из болезнующего и уязвленного сердца, и тогда приходило мне на мысль слово

сказавшего: *Я подсечен, как трава, и иссохло сердце мое!* (Пс. 101, 5)” (Сл. 7, 65).

Удивительный образец скорбных подвигов в плаче представляет сам св. Иоанн Лествичник. Жизнеописатель его, Даниил, монах раифский, повествует, что “прп. Иоанн любил проливать слезы в уединении и потому, избрав отдаленную, весьма тесную пещеру, возносил в ней к небу свои рыдания и вопли, подобные тем, которые обыкновенно испускают страдающие люди, которых или режут оружием, или жгут огнем или у которых вырывают глаза!” (Житие аввы Иоанна Лествичника).

10. Достоинство и высота покаянного плача

“Прежде сетования и слез,— говорит прп. Симеон Новый Богослов,— пусть никто пустыми словами нас не обольщает и сами себя не будем обманывать в успехе благочестия. Нет в нас покаяния, нет истинного раскаяния, нет страха Божия в сердцах наших, и мы не познали еще самих себя, и душа наша еще не проникнута чувствованием будущего Суда и вечных мучений. Ибо, если бы мы осудили себя и снискали такие добродетели и были ими проникнуты, то тотчас проливали бы слезы. А без слез ни жестокость сердца нашего смягчиться не может, ни душа наша — стя-

жать духовного смирения, и сделаться смиренными не найдем сил. Но кто так себя не устроил, тот не может соединиться с Духом Святым, а не соединившись с Ним чистою, не может поставить себя и в созерцание и познание Бога, и недостоин таинственно научиться добродетелям смирения” (Деятельные главы. Гл. 71. С. 530).

Сердечная скорбь со слезами, по учению Св. Отцов, возвышает или, лучше, исключительно составляет заслугу всяких подвигов благочестия. “Какие бы великие подвиги ни проходили мы в жизни нашей,— говорит св. Иоанн Лествичник,— но если не имеем болезнующего сердца, они лживы и ни к чему негодны (Сл. 7, 64).

“Сердце, исполненное печали о немощи и бессилии в делах телесных, явных,— утверждает прп. Исаак,— заменяет собою все телесные дела. Дела телесные без печали ума — то же, что и тело неодушевленное. Печаль ума — драгоценное Божие даяние. Кто переносит ее, как должно, тот подобен человеку, у которого члены его исполнены святости” (Сл. 89. С. 419).

“Малая скорбь ради Бога лучше великого дела, совершаемого без скорби, потому что произвольная скорбь показывает опыт веры в любви” (Сл. 74. С. 365). “Слеза, проливаемая от великой скорби и сердечной тесноты, при видении истины и с разжением

внутренности,— уверяет прп. Макарий Великий,— подлинно есть пища души, подаваемая от небесного хлеба, которого, сев у ног Господних и плача, более всего причащалась Мария, по свидетельству Самого Спасителя; ибо Он говорит: *Мария же избрала благуя часть, которая не отыметя у нее* (Лк. 10, 42). О, какие многоценные это бисеры в излиянии блаженных слез!” (Беседа 25; 8. С. 189). “Кто плачет о грехах своих,— заключает прп. Пимен Великий,— делает вдвое: он и работает, и стоит на своей страже” (Достопамятные сказания. С. 280, 39).

“Источник слезный по Крещении выше самого Крещения,— утверждает св. Иоанн Лествичник,— хотя и несколько дерзко сказать это. Ибо Крещение — очищение от прежде бывших в нас зол, а слезами очищаются грехи, соделанные и после Крещения; принимая Крещение в младенчестве, все мы осквернили его, а слезами снова очищаем его. И если бы Богом, по человеколюбию, не дарованы были людям слезы, то подлинно бы редки были и едва обретались где спасаемые” (Сл. 7, 6). “*Всякий грех, какой делает человек есть вне тела, а блудник против собственного тела грешит* (1 Кор. 6, 18), потому что из тела исходит скверна, оскверняющая его,— богословствует прп. Феодор Енатский,— так и всякая добродетель *есть вне тела*, а ежедневно плачущий очищает и тело,

потому что слеза, истекающая сверху, омывает тела от нечистот его” (Алфавитный патерик. прп. Феодор Енатский). “Итак,— заключает св. Иоанн Лествичник,— необходимо, непременно необходимо, чтобы мы, по омовении снова осквернившиеся, руки свои очищали неослабным сердечным огнем и елеем Божиего милосердия” (Сл. 7, 64).

Подвиг сердечных скорбей приравнивается к мученичеству. “Как мученики,— говорит прп. Макарий Великий,— перенеся многие мучения и показав терпение свое до смерти, соделались таким образом достойными венцов славы, и чем более тяжкие совершили труды, тем более приобрели у Бога славы и дерзновения, так и души, предаваемые различным скорбям, которые или извне приходят от людей, или в уме происходят от нелепых помыслов, или бывают от телесных болезней, если до конца постоянно претерпят таковые, то получают те же венцы и то же дерзновение, что и мученики, потому что, как мученики терпели от людей, так они терпят от действия злых духов, и также чем больше будут переносить оскорблений от противника, тем не только большую получают от Бога славу в будущей жизни, но и здесь удостоятся утешений Святого Духа (Сл. 7, 15).

11. Действия и плоды благодатного плача

Плач не только омывает, но совершенно истребляет всякие греховные скверны. “Желая омыть скверны, омой их слезами,— говорит прп. Варсонофий Великий,— ибо они чисто омывают всякую скверну. Пока не умолкнет гортань твоя, взывай ко Иисусу: *Наставник, спаси нас, погибаем* (Лк. 8, 24; Мф. 8, 25). Очисти сердце свое от пепла и воспламени тот огонь, который Господь пришел ввергнуть на землю: он истребит все сие и сделает золото твое чистым” (Руководство к духовной жизни. Ответ 77).

“Как огонь пожигает хворост,— подтверждает св. Иоанн Лествичник,— так и чистые слезы истребляют всякие внешние и внутренние скверны” (Сл. 7, 31).

Скорбные слезы — великое приношение Царю Небесному, и как бы вынуждают у Него милость. “Случалось видеть,— говорит прп. Иоанн,— бедных и нищих в добродетели, которые не красными, а скорее какими-то смиренными, темными и несмелыми словами, из глубины отчаянного сердца, неотступно и терпеливо взывали к Небесному Царю и усилием своим как бы вынуждали к милосердию Того, естество Которого не подвержено никакому понуждению (Сл. 7, 43).

“Кто от всякой напасти, находящей на него,— подтверждает прп. Нил Сорский,— и против всякого вражеского помысла плачет перед благостью Божией, чтобы она помогла ему, тот скоро обретет покой, если молится в духовном разуме” (Сл. 8). “И как иной, принеся великий дар царю,— заключает вообще прп. Исаак Сирин,— награждается от него ласковым взором, так и тому, кто имеет в молитве своей слезы, Великий Царь веков, Бог, прощает всякую меру грехопадений и награждает его благоволительным взором” (Сл. 51. С. 229).

“В бездне плача находится утешение,— говорит св. Иоанн Лествичник,— а чистота сердца получает просвещение” (Сл. 7, 55). “Плач и так называемая печаль заключает в себе радость и веселие, подобно меду в восковой ячейке” (Сл. 7, 49). “На земле нет радости сладостнее той, какая бывает от умиления,— уверяет прп. Ефрем Сирин.— Озарялся ли кто из вас этою радостью слез по Богу? Если кто из вас, испытал это и усладившись этим, во время усердной молитвы возносился над землю, то в этот час бывал он весь вне тела своего, вне целого этого века и уже не на земле. Такой с Богом беседует, во Христе просвещается!” (Слово 33. *О Суде и об умилении*. Ч. 2. С. 169).

Такое постепенное изменение покаянного плача в благодатные слезы радости о Духе

Святом, прекрасно изображает наш российский святой Нил Сорский: “Слезы, проливаемые о грехах, сначала бывают горьки, изливаются при болезни и томлении духа, которые дух сообщает и телу. Мало-помалу начинает соединяться со слезами утешение, состоящее в особенном спокойствии, в ощущении кротости и смирения. Вместе с этим слезы, соразмерно и сообразно доставляемому утешению, сами изменяются, утрачивают в значительной степени горечь, истекают безболезненно или с меньшей болезнью. Сначала они бывают скудны и приходят редко; потом мало-помалу начинают приходить чаще и становятся обильнее. Когда же слезный дар усилится в нас Божией милостью, тогда укрощается внутренняя борьба, утихают помыслы, начинает действовать обильно умная молитва, или молитва духа, насыщая и увеселяя внутреннего человека. Тогда слезы претворяются из горьких в сладостные. Тогда начинает действовать духовное утешение, которому нет ничего подобного между земными радостями и которое известно только упражняющимся в молитвенном плаче и имеющим дар слез” (Сл. 8).

“Тогда сбывается обетование Господа: *Блаженны плачущии, ибо они утешатся* (Мф. 5, 4). Тогда приветствует себя подвижник по внушению и удостоверению Святаго Духа: *хранит младенцев Господь. Я смирился, и Он*

спас меня. Возвратись, душа моя, в покой твой, ибо Господь благоденствует тебе: ибо Он избавил душу мою от смерти, очи мои от слез и ноги мои от преткновения (Пс. 114; 5–7). Тогда подвижник, усматривая бессилие над собою греховных помыслов и ощущений, тщетно усиливающих подчинить его своему влиянию, дерзновенно говорит им: *Отступите от меня все, делающие беззаконие, ибо услышал Господь голос плача моего. Услышал Господь моление мое, Господь принял мою молитву* (Пс. 6, 9, 10)” (Сочинения епископа Игнатия. Т 1. С. 227 и 228).

“Непрестанно плачущий,— говорит прп. Исаак,— не может быть тревожим страстями. И если слезы временно плачущего и сетующего могут не только путеводить его к бесстрастию, но и совершенно очистить и освободить его ум от памятования страстей, то что скажем о тех, которые с ведением день и ночь упражняются в сем делании?” (Сл. 24. С. 99).

“Тот поистине безопасен от падения,— отвечает св. Иоанн Лествичник,— кто вследствие памятования смерти и грехопадений своих всегда орошает ланиты свои живыми водами чувственных очей” (Сл. 7, 42). “Имеющий непрестанный плач,— подтверждает прп. Варсонофий Великий,— вовсе не уязвляется бранью, если он будет и среди людей и даже с блудницами” (Руководство к духовной жизни. Ответ 458).

“Поэтому,— заключает прп. Исаак,— если приобретем сию благодать, лучшую и превосходнейшую прочих дарований, то при помощи ее достигнем чистоты. Ибо от плача приходит человек к духовной чистоте. А как скоро достигнем ее, не отнимется уже у нас чистота до самого исхода нашего из жизни сей. Посему, *блаженны чистые сердцем*, потому что нет времени, когда бы не услаждались они этой сладостью слез, и в ней “всегда зрят они Господа” (Мф. 5, 8). Пока еще слезы у них на глазах, они сподобляются видения откровений Его на высоте молитвы своей” (Сл. 21. С. 48).

“Умиление вселяет в нас Единородного Сына, когда вожделеваем Его,— уверяет прп. Ефрем Сирин,— умиление привлекает на душу Духа Святаго” (Сл. 33; 2. С. 168). А прп. Исаак подробнее объясняет, как подвижник через скорбный плач достигает последнего предела своих стремлений — теснейшего единения с Богом. “Скорбь ума,— говорит он,— достаточна, чтобы заменить всякое телесное делание. Святитель Григорий Богослов говорит: “Тот храм благодати, кто в единении с Богом и всегда озабочен мыслью о Суде Его”.

Что же значит иметь попечение о Суде Его, как не искать всегда упокоения Его, как не печалиться и не заботиться непрестанно о том, что не можем достигнуть совершенства

по немощи естества нашего? Иметь непрестанную печаль об этом — значит непрестанно носить в душе своей памятование о Боге, как сказал блаженный Василий Великий. Нерассеянная молитва производит в душе ясную мысль о Боге, и водружение нами в себе памятования о Боге — вселение в нас Бога. Так соделываемся мы храмом Божиим. Вот это и есть попечение и сердце сокрушенное — уготовления Ему! Ему слава во веки! Аминь” (Сл. 89. С. 427).

12. Необходимость покаянного плача для всех, ищущих спасения, и средства, возбуждающие такой спасительный плач

Неизбежность внутренних и внешних скорбей для достижения спасения возвещается во многих местах Св. Писания. *Многими скорбями надлежит нам войти в царствие Божие*,— говорит ап. Павел (Деян. 14, 22). *Как Христос пострадал за нас Плотию, то и вы вооружитесь той же мыслью*,— убеждает ап. Петр (1 Пет. 4, 1). *Потому что и Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его* (1 Пет. 2, 21). *Если с Ним терпим, с Ним и царствовать будем* (2 Тим. 2, 12),— заключает ап. Павел; следовательно, неминуемо, если не терпим, то и не воцаримся (см. Рим. 8, 17).

Внутренние скорби и внешние гонения Слово Божие представляет отличительным признаком истинно благочестивых христиан: *все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы* (2 Тим. 3, 12). С другой стороны, вечное горе возвещается тем, которые проводят настоящую жизнь в удовольствиях и утехах: *Горе вам, смеющиеся ныне, ибо восплачете и возрыдаете!* (Лк. 6, 25) — вразумляет Господь Иисус. *Вспомни,* — сказано будет в загробной жизни всякому сластолюбцу, — *что ты получил уже доброе твое в жизни твоей: сего ради здесь страдаешь!* (Лк. 16, 25) И напротив, — *блаженны плачущии, ибо они утешатся,* — обещает Господь Иисус (Мф. 5, 4). Итак, не одним отшельникам приличны плач и сетование, но и всем христианам, искренно ищущим царствия небесного.

Для возбуждения спасительного плача нужно употреблять те же средства, какие испытаны древними и новыми великими подвижниками христианства и указаны выше, а именно: бдения, пост, усиленные труды, чтение Писания, терпение всяких обид, молчание, самоуглубление, особенно — представление смерти и вечных мучений и всегдашнее принуждение себя к плачу, т. е. частые воздыхания, скорби и сокрушения кающейся души во время уединенной молитвы. Все эти средства всякому доступны и удобно

могут быть употребляемы, если не везде и не во всякое время, то, по крайней мере, в домашней жизни и особенно в ночное время, свободное от общественных занятий. Поэтому никто не может извинять себя в бесчувственности и ожесточенности своего сердца.

В мире еще чаще встречаются невольные скорби, нежели в отшельнической жизни. В мирской суете со всех сторон угрожают человеку несчастья: болезни и смерть родных, потеря богатства и довольства, бесчестия и обиды, — все это неминуемые бедствия. Едва ли найдется человек, который бы в каждую минуту своей жизни не стонал под одним из поименованных или подобных бедствий. Подвиг христианина не в том, чтобы хладнокровно, с бесчувственностью, встречал он подобные невольные страдания, но в том, чтобы с терпением и крепкой верою в Промысл Божий переносил их. А существенная заслуга — в том, чтобы принимал он от карающей десницы Божией всякие бедствия как заслуженное наказание за свои грехи и умудрялся ими во спасение свое: *Всякое наказание,* — говорит апостол, — *в настоящее время кажется не радостью, а печалью; но после наученным через него доставляется мирный плод праведности* (Евр. 12, 11).

В мире тщеславятся бесчувственностью сердца, как бы всегдашним присутствием и величием духа. Но кто из благоразумных

людей безутешную скорбь сироты, слезы отца или матери о потере дорогих детей или что-либо подобное назовет малодушною слезливостью? Без всякого сомнения, плач украшается стыдливостью и уединением, но он не должен быть подавляем бездушными мирскими приличиями и каким-то бесчувственным, мнимым великодушием. Христианин и эти слезы чувствительности самой природы может и должен обращать в спасительный плач через молитвенное посвящение их Богу — Спасителю. Изливай свою безутешную скорбь души о потере дорогих тебе людей, но изливай ее горячими слезами в молитвенных воззваниях к Богу — Утешителю, и ты незаметно утвердишься в отрадной преданности премудрому и всеблагодарному Промыслу Божию и скоро получишь облегчение и утешение в своей горести! *В день скорби моей воззвал к Тебе,* — исповедует Псалмопевец, — *и Ты услышал меня!* (Пс. 85, 7)

Есть иного рода скорби, редко вызывающие слезы, но весьма часто подавляющие собой самый пламенный дух. Это непредвиденные неудачи в житейских делах, несчастия и гонения по службе, неудобства и скудость содержания при самых усиленных трудах, а иногда — неблагодарность и преследования от злых людей за самые благонамеренные дела. Как принимать такие скорби, сопровождающие честный труд и самую беско-

рыстную добродетель? О! Это — святые страдания, уготовляющие нетленный венец вечной жизни праведнику! *Но если страдаете за правду, то вы блаженны* (1 Пет. 3, 14), — говорит Слово Божие, — *ибо Дух Славы, Дух Божий почивает на вас* (1 Пет. 4, 14).

Радуйтесь и веселитесь, — взывает к такому страдальцам Господь Иисус, — *ибо велика ваша награда на небесах* (Мф. 5, 12)! Не забудем учения Св. Отцов, которые утверждают, что достоинство и заслуга всякой добродетели заключается не в благотворности последствий доброго дела, ни даже в святом услаждении совести, а единственно в величии той скорби, с какою совершается какая-либо добродетель (см. Рим. 5, 3—5).

Молитвенные слезы, по учению Св. Отцов, служат самым верным и очевидным для каждого признаком исправления жизни. “Начало доброго жития, — говорит прп. Ефрем, — слезы во время молитвы” (Ч. 1. Сл. 6. С. 120). То же утверждают прпп. Симеон, Исаак Сирий и многие другие, как сказано выше. Поэтому пусть никто не обольщает себя и других не вводит в обман своим, как кажется ему, чистосердечным раскаянием, пусть не ожидает достойных плодов покаяния, пока не оросит его молитвенными слезами! В постах, в говении, в молитвах добивайся слез: без них труды, изнурения, обеты, клятвы — все тщетно, все — обман!

В свете люди чаще всего страдают и погибают от самообольщения: ищут блаженства там, где его нет и не может быть, и *боятся страха там, где не было страха* (Пс. 13, 5). Досужие поэты и романисты, погруженные в корыстные расчеты экономисты, купцы-миллионеры, богачи-миролюбцы и мнимые философы-материалисты наполнили наш плачевный мир райскими призраками, и большая часть одаренного разумом человечества целую жизнь гоняется повсюду за этими призраками блаженства, которое еще с первых дней мира навсегда улетело с земли на небо! Но кто из нас, сколько-нибудь испытал мирские наслаждения, не познал собственным опытом, что в мире каждое наслаждение отравлено горечью? Поверим же Соломону, который испытал почти все возможные удовольствия в мире и сознается, что *все — суета и крушение духа* (Еккл. 2, 11)!

Где же та святая радость, то истинно райское блаженство, которое повсюду с жадной ищет наш бессмертный дух? К изумлению нашему,— в скорби, в страданиях, в непрестанном сокрушении сердца, в молитвенных слезах! Кто из миролюбцев может поверить этому! Но неужели не достойны доверия *те, которых весь мир не был достоин* (Евр. 11, 38) — великие Василии, Антонию, Макарии, Златоусты, Ефремы, Исааки и бесчисленный сонм святых подвижников христианства?

Неужели не по собственному опыту говорит богодухновенный царь-пророк: *По множеству болезней моих в сердце моем утешения Твои возвеселили душу мою* (Пс. 93, 19), и восхищенный до третьего неба апостол: *Радуюсь в страданиях моих* (Кол. 1, 24), *ибо по мере, как умножаются в нас страдания Христовы, умножается Христом и утешение наше* (2 Кор. 1, 5)?

Итак, кто хочет искать святой радости и блаженства на земле, тот ищи их в молитвенных слезах!

Говорят, почему в самом устройстве не дано нам безгрешности, чтобы нельзя было согрешить, хотя бы и хотели? Потому же, почему и ты не признаешь слуг достойными, если держишь их связанными, но когда видишь, что добровольно выполняют перед тобою свои обязанности. Поэтому и Богу угодно не вынужденное, но совершаемое добровольно; добродетель же происходит от свободной воли, а не от необходимости, а свобода воли зависит от того, что в нас; и что в нас, то свободно. Поэтому кто порицает Творца, что не устроил нас безгрешными, тот не что иное делает, как предпочитает природу неразумную, неподвижную и не имеющую никаких стремлений, природе, одаренной произволением и самодеятельностью.

Святитель Василий Великий

IV. ВОЗДЕРЖАНИЕ

1. Что такое порок чревоугодия по учению Св. Отцов?

Одно из условий стяжания покаянного плача — это воздержание, которое более всего располагает душу к плачу, равно как противоположное ему чревоугодие удаляет плач. Потребность в пище и питье естественна для нашей телесной природы, и умеренное удовлетворение этой потребности законно и необходимо. “Каким образом стараетесь разлучиться со мной? — вопиет у св. Иоанна Лествичника чревоугодие.— Я связано с вами естеством. Мне дверь — свойство снедей; причина моей ненасытности — привычка; основание моей страсти — долговременный навык, бесчувствие души и забвение смерти” (Сл. 14; 35). Таким образом, имея основание в самом естестве и преступая пределы умеренности, чревоугодие обра-

щается в страшный и унижительный порок, имея несколько видов, по указанию св. Иоанна Лествичника:

Ничем ненасыщающееся обжорство. “Чревоугодие есть лицемерие чрева; потому что и пресыщенное оно жалуется на скудость; а переполненное и едва не расторгаемое вопиет, что оно голодно” (Сл. 14, 2).

Прихотливое и многоизобретательное сластолюбие. “Чревоугодие — изобретатель приправ, источник сластей. Преградил ты струю— возникает в другом месте; пресек и эту— иная одолевает тебя” (Сл. 14, 3).

Неудержимая и завистливая жадность в любимой пище. “Когда видишь,— объясняет прп. Иоанн Пророк,— что помысел твой услаждается представлением снедей и понуждает тебя непременно всех опережать, или придвинуть к себе какую-нибудь снедь, это порок чревообъядения” (Руководство к духовной жизни. Ответ 88). “Чревоугодие,— как характеризует его в этом отношении св. Иоанн Лествичник,— есть обман для глаз: принимаем в меру, а оно подстрекает нас проглотить все разом” (Сл. 14, 4).

Неукротимое, более и более свирепеющее чревонеистовство. “Приласкавший льва,— говорит св. Иоанн Лествичник,— нередко укрощал его: а угодивший телу (чреву) сделал его еще более свирепым” (Сл. 14, 6).

2. Предлоги к чревоугодию

Страсть чревоугодия, низкая и безобразная в настоящем своем виде, любит прикрывать себя благовидными предлогами. Но богомудрые Отцы-подвижники обнаруживают ее под всяким благовидным покровом и учат нас, неопытных, удаляться от приманок чревоугодия.

Обыкновенный предлог к чревоугодию — воображаемая слабость тела и малодушное опасение относительно своего здоровья. Против этого предлога св. Иоанн Лествичник предостерегает: “Пока плоть еще во всей силе,— будем укрощать ее воздержанием во всякое время и на всяком месте, когда же она усмирится (чего не считаю возможным до гроба), тогда будем скрывать свое воздержание” (Сл. 14, 10). “Возобладай над чревом, пока оно над тобой не возоблададо, иначе и воздержание кончится стыдом” (Сл. 14, 11).

Нередко чревоугодие оправдывает себя примером и благословением неопытных пастырей и духовников. “Видал я,— говорит прп. Иоанн,— престарелых иереев, вовлеченных в обман демонами, и они юным, которые у них были под руководством, на пиршествах благословением разрешали на вино и на прочее. Если разрешающие имеют доброе свидетельство о Господе,— советует на этот случай св. отец,— то и мы разрешим в

меру. Если же они нерадивы, то не будем домогаться их благословения, особенно же когда плотская брань наша в самом пылу” (Сл. 14, 11).

Часто гостеприимство и странноприимство служат благовидным предлогом к чревоугодию. “Если пришел странник,— говорит св. Иоанн Лествичник,— то чревоугодник весь подвигнут к любви из чревоугодия, и разрешение для себя почитает утешением брату. Пришествие других считает он предлогом, разрешающим пить вино и, думая скрыть добродетель, делается рабом страсти” (Сл. 14, 8).

Почти всегда христианские праздники и дни всеобщего духовного веселья чревоугодие ставит как будто в законное извинение себе. “Иудей радуется субботе и празднику,— описывает св. Иоанн Лествичник,— а христианин-чревоугодник — субботе и дню воскресному; заранее вычисляет день Пасхи и за несколько дней готовит уже снеди. Раб чрева высчитывает, какими снедями почтить праздник, а раб Божий — какими бы дарованиями ему обогатиться” (Сл. 14, 7). “Время веселья и утешения пищей совершенному — отложение всякого попечения; подвижнику — время борьбы; рабу страстей — праздник праздников и торжество торжеств” (Сл. 14, 15).

Иногда является несвоевременный и неестественный позыв на пищу, который, как

бы некоторая необыкновенная болезнь, требует непременно удовлетворения. “Хотеть прежде времени — явный признак страсти чревообъядения”, — уверяет прп. Иоанн Пророк” (Ответ 88). Отчего же бывает этот болезненный голод?

“Знай,— отвечает св. Иоанн Лествичник,— что часто демон вселяется в желудок и делает так, что человек не насыщается, хотя бы объел весь Египет и выпил реку Нил. Но, по принятии пищи, сей нечистый дух удаляется” (Сл. 14, 27)”. Посмейся ухищрению беса, который по вечерам внушает тебе мысль впредь позднее принимать пищу; ибо на следующий же день, при наступлении девятого часа (т. е. 3-го пополудни), он отречется от распоряжений, которые давал тебе в предыдущий день” (Сл. 14, 13).

“Нередко тщеславие объявляет вражду чревоугодию,— открывает св. Иоанн Лествичник,— и ссорятся они между собой за бедного подвижника, как за купленного раба. Одно принуждает разрешить, а другое предполагает выставить на вид свою добродетель” (Сл. 14, 9). Как поступать в таком опасном положении? “Когда тщеславие сильно восстает против нас,— учит блаженный Диадок,— находя случай к обнаружению своего злого свойства в прибытии некоторых братьев или какого-нибудь странника, тогда полезно делать в определенной мере

послабление обыкновенной диете. Ибо через это и демона заставим отойти без успеха и даже жалеть о своем покушении, и исполним закон любви в точности, и через послабление не откроем тайны воздержания” (Добротолюбие. Т. 3. Гл. 46. С. 34).

3. Гибельные в нравственном отношении следствия чревоугодия

Святые Отцы-подвижники признают страсть чревоугодия самой главной из страстей и источником всего мерзкого и унижающего природу богоподобного существа. “Князь демонов — падший денница,— говорит св. Иоанн Лествичник,— а глава страстей — алчность чрева” (Сл. 14, 30). “Началом всему худому,— утверждает прп. Исаак,— служат упокоение чрева и расслабление себя сном, возжигающее блудную похоть” (Сл. 21. С. 96).

Страшно читать у св. Иоанна Лествичника одно перечисление пороков, вытекающих из этой страсти. “Домогайтесь узнать имена моих исчадий? — восклицает у него чревоугодие.— Перечислю их и превзойдут числом песок. Выслушайте, по крайней мере, как именуются мои первенцы и любимые чада. Первородный сын мой — приспешник блуда, второй за ним — жестокосердие, а третий — сонливость; от меня происходят море злых помыслов, волны скверн, бездна

неведанных и неименуемых нечистот. Дочери мои — леность, многословие, вольность в речах, смехотворство, кощунство, прекословие, жестоковыйность, упрямство, бесчувственность, пленение ума, высокомерие, дерзость, любовь к миру, за которой следует нечистая молитва, парение помыслов, нередко же неожиданные и внезапные несчастья, с которыми тесно связано отчаяние — самая злая из всех страстей” (Сл. 14, 36).

С особенной подробностью описывают Св. Отцы лютую брань плотской похоти, неминуемо возникающую от чревоугодия. “Как от семени пота постов произрастает колос целомудрия,— говорит прп. Исаак,— так от сытости — распутство, и от пресыщения — нечистота. Всякая поглощаемая снедь прибавляет собою влагу и делается естественной в нас крепостью. И когда орудные члены, от происшедшего в них напряжения целого тела, делаются полными, и при этом случится увидеть что-либо телесное или в сердце невольно возбудится что-либо вместе с помыслом, тогда от помысла внезапно приходит в движение что-то приятное и распространяется по всему телу.

Хотя ум целомудренного и непорочного крепок в своих помыслах, однако же таким ощущением, происшедшим в членах, тотчас возмущается его рассудок, и как бы с высокого какого места нисходит он со своего ме-

ста, на котором стоит; и святость его помыслов колеблется, и светлое целомудрие оскверняется мятежом страстей, вошедших в сердце при распалении членов. Тогда половина силы его изнемогает, и поэтому можно сказать, что забывает он и первую цель надежды своей и, прежде чем вступит в борьбу, без борьбы оказывается пленником, без усилия врагов своих делается подчиненным похоти немощной плоти. Ко всему этому понуждает волю доброго человека сильное вожеление непрестанного насыщения. Хотя бы и твердо пребывал он в пристани целомудрия, однако же пресыщение склоняет его предаться тому, чего никогда не хотел бы он допустить в свое сердце.

И как скоро уснет один помысел, окружает его сборище помыслов, заключающих в себе пустые и срамные мечты, и делает это его чистое ложе притоном блуда и позорищем видений. Когда же в упоении помыслов приобщится беседе с ними, то осквернит свои преподобные члены без приближения жены. Какое море так волнуется и кипит от бури, как мятется ум, подвергшийся силе волн, возбуждаемых на него морем его плоти от пресыщения чрева” (Сл. 43. С. 183). “Иные,— добавляет св. Иоанн Лествичник,— будучи послушными чреву, напоследок урезывали у себя члены и умирали сугубой смертью. Если станем разыскивать, то непременно найдем,

что одно чрево доводит нас до крушений, бывающих с нами” (Сл. 14, 18).

Поэтому-то, убеждает Св. Отец, “изо всех сил борись с чревом и со всей трезвенностью воздерживай его. Если ты потрудишься хоть немного, то Господь вскоре будет твоим Помощником” (Сл. 14, 24).

4. Необходимость и значение поста в деятельном христианском благочестии

Пост, по учению Св. Отцов, — необходимое условие благочестивой подвижнической жизни; так что аскет-христианин, нарушая его, отрекается тем от самого подвижничества, которое на языке Св. Отцов вообще называется постничеством. “Если дал ты обет Христу идти путем тесным и узким,— говорит прп. Иоанн Лествичник,— то утесняй чрево, потому что, угождая ему и расширяя его, нарушаешь свои обеты. Вникни и услышишь Говорящего: «Пространен и широк путь чревоугодия, ведущий в погибель блуда, и многие идут им; потому что узки врата и тесен путь поста, ведущий в жизнь непорочности, и немногие входят им!» (Мф. 7, 14)” (Сл. 14, 29).

Неизбежная необходимость поста в деятельном христианском благочестии открывается из следующих опытов Св. Отцов-по-

движников: “Плоть и дух противоборствуют друг другу,— говорит свт. Василий Великий.— Из грубой пищи, наподобие густого облака, выходят как бы дымные испарения и преграждают путь озарениям Святого Духа, осиявающим ум. Поэтому, если хочешь сделать крепким ум, обуздай плоть постом. Это и значит то самое, что сказал Апостол: ”В какой мере *внешний человек тлеет*, в такой *внутренний обновляется*” (2 Кор. 4, 16), и еще: *Когда я немощен, тогда силен* (2 Кор. 12, 10) (Первая беседа о посте).

Еще осязательнее доказывает необходимость поста блаженный Диадок. “Поскольку сатана,— говорит он,— не может по причине присутствия благодати вогнездиться, как прежде, до Крещения, в уме подвизающихся, то влетает во влажную часть человека и поселяется в теле, чтобы уловлять душу через его удобопослушность. Поэтому следует иссушать тело в должной мере, чтобы по его влажности ум не мог поскользнуться и не падал в приманчивые удовольствия” (Добротолюбие. Т. 3. Гл. 82. С. 79).

После всего этого неизбежно заключение св. Иоанна Лествичника: “Не вводи себя в обман! Не освободишься от мысленного фараона, и не узришь горней Пасхи, если не будешь всю жизнь вкушать горькие зелья и опресноки. Горькие зелья — это понуждение и труд поста; а опресноки — это ненадмевающеесяя

мудрование. Да сольется с дыханием твоим слово Псалмопевца: *Я же, когда досаждали мне демоны, облачался во вретнице, и смирял душу мою постом, и молитва моя в недру души моей возвращалась* (Пс. 34, 13)(Сл. 14, 32).

Пост, по учению Св. Отцов, имеет значение самого необходимого и могущественного средства в деятельной благочестивой жизни. “Пост похвален сам в себе,— говорит блаженный Диадок,— но не у Бога. Он как бы орудие, настраивающее желающих к трезвости. Итак, подвижники благочестия не должны много полагаться на него, но в вере Божией ожидать совершения обета нашего. Ибо и сведущие в искусствах, каких бы то ни было, никогда не хвалятся успешностью своего занятия из-за орудия, но каждый из них ожидает, когда на самом деле явится его произведение, чтобы из него открыть точность искусства” (Добротолубие. Т. 3. Гл. 47. С. 34). Но это орудие — основное и всеобъемлющее.

“Все́м известно,— говорит прп. Исаак,— что началом всякой борьбы со грехом и возделением служит труд бдения и поста. Пост — основание всех добродетелей. Пост с рассудительностью — обширная обитель для всякого добра. А кто не радит о посте, тот приводит в колебание все доброе, потому что пост был заповедью, данною вначале нашему естеству, как необходимость остерегаться при вкушении пищи, и нарушением поста пало начало

нашего создания. Но в чем состояло первое уничтожение, с того начинают подвижники преуспевать в страхе Божиим. С сего начал и Спаситель. Подобно и все исходящие во след Спасителя на этом основании утверждают начало своего подвига, потому что пост есть орудие, уготованное Богом. До поста род человеческий не знал победы, и диавол никогда не испытывал своего поражения от нашего естества; но от этого оружия изнемог в самом начале. И Господь наш был Вождем и Первенцем этой победы, чтобы на главу естества нашего возложить первый победный венец. И как скоро диавол видит такое оружие на ком-нибудь из людей, тотчас приходит в страх этот противник и мучитель, немедленно помышляет и вспоминает о своем поражении в пустыне Спасителем, и сила его сокрушается, и воззрение на оружие, данное нам Началовождем нашим, попадает его.

Какое оружие сильнее этого? И что придает столько смелости сердцу в борьбе с духами злобы, как алчба ради Христа? Ибо в какой мере утруждается и злостраждет тело в то время, как окружает человека полк демонский, в такой мере сердце исполняется упованием. Облеченный в оружие поста во всякое время распаляется ревностью. Кто пребывает в нем, у того ум непоколебим и готов встретить и отразить все лютые страсти” (Сл. 21. С. 90—91).

Преподобный Иоанн Колов объясняет видимым подобием такое могущественное действие поста. “Если царь,— говорит он,— захочет взять неприятельский город, то прежде всего удерживает воду и съестные припасы, и, таким образом, неприятели, погибая от голода, покоряются ему. Так бывает и с плотскими страстями. Если человек будет жить в посте и голоде, то враги, ослабев, оставят душу его” (Достопамятные сказания о подвижничестве Св. Отцов. С. 143). “А кто угождает чреву своему,— прибавляет св. Иоанн Лествичник,— и намерен преодолеть дух блуда, тот подобен старающемуся потушить пожар маслом” (Сл. 14, 21).

Наконец, пост как умерщвление в себе ветхого человека имеет, по учению Св. Отцов, заслугу бескровного мученичества. “Если хочешь ликовать вместе с умученными за Христа,— призывает св. Геннадий, патриарх Константинопольский,— то предай тело твое посту, волю отдай на поправление перед волей Божией, утробу — на алчбу, сердце — на крепость, кровь — на пролитие, если не на внешнее, то на внутреннее, т. е. иссуши ее сухоядением, да примешь обещанные блага” (Прибавление к Творениям Св. Отцов. 1845 г. Правило 42. С. 7).

5. В чем именно состоит пост, по учению Св. Отцов, и как проходить поприще его?

“Пост,— определяет св. Иоанн Лествичник,— есть принуждение естества и отвержение всего, что услаждает вкус” (Сл. 14, 33).

Надлежащий пост, по учению прп. Фалассия, то, когда едим мало, употребляем простую пищу и удаляемся человекоугодия. “Постись до самого вечера,— говорит святой отец,— и не пресыщайся потом, чтобы не разрушать того, что созидаете. Не пей вина, но не пресыщайся и водой, иначе то же вещество доставляешь блуду” (Добротолубие. Т. 3. Сотня 4. С. 312).

Из этого открывается, что пост в деятельном благочестии — непрерывное, никогда неослабевающее, но постепенное и благоразумное умерщвление самых вопиющих потребностей нашего бренного естества!

Чтобы благочестивый христианин приучил себя к такому непрерывному посту, для этого Св. Отцы-подвижники предлагают следующие способы:

Соблюдать благоразумную постепенность в выборе и в количестве снедей. “Когда душа наша желает разных снедей,— рассуждает св. Иоанн Лествичник,— то она ищет свойственного своему естеству. Поэтому против хитрого врага нашего — чрева,

употребим и мы благоразумную осторожность, в противном случае предстоит нам самая тяжкая брань или падение. Будем устранять от себя прежде всего утучняющую пищу, потом разжигающую, а после уже и услаждающую. Если можно, давай чреву своему пищу достаточную и удобоваримую, чтобы насыщением удовлетворить ненасытной его алчности, а через скорое переваривание пищи избавиться нам от разжжения, как от бича. Если обратим внимание, то найдем, что многие из яств, которые пучат живот, возбуждают и движение похоти” (Сл. 14, 12).

“За обедом ешь довольно, а за ужином — повоздержись”, — советует прп. Серафим Саровский (Сказания о жизни старца Серафима. С. 88).

“Принимать пищу можно и дважды в день, — позволяет Варсонофий Великий, — вкушай ее благочинно и со страхом Божиим, и, без сомнения, не будешь осужден. Это значит, что ничего не следует вкушать по похотению, но имеешь чего требует естество, и притом так, чтобы после пищи и питья чувствовать позыв на пищу” (Ответ 508). Это довольство без излишества — начало святого поста.

Сообразовать пост с телесными силами. “Воздержание для каждого должно быть определяемо по его телесной силе, — утверждает свт. Василий Великий, — чтобы не оста-

навливаться на том, что ниже силы, какая в человеке, и не простираться до того, что выше силы” (Подвижнический устав. Гл. 4). “Если, получив достаточную пищу, тело не может послужить в трудах благочестия, — говорит прп. Иоанн Пророк, — а не напитав его, боишься немощи, то держись среднего, ни восходя слишком высоко и не спускаясь слишком низко, и исполнится Писание, которое говорит: *не уклоняйся ни направо, ни налево* (Притч. 4, 27).

“Давай телу несколько менее против требования его, ибо путь отеческий состоит в том, чтобы, вообще, в пребывании своем не отягощаться ни питием, ни пищей” (Руководство к духовной жизни. Ответ 139). “Делать по силе своей, — объясняет вообще Варсонофий Великий, — значит употреблять несколько менее надлежащего и пищи, и питья, и сна” (Ответ 84).

Но насколько конкретно следует сокращать прием обыкновенной пищи? Это определяет прп. Иоанн Пророк: “Всякий должен определить себе меру, как в вареной пище, так и в вине и в питии. Например, если кто-нибудь постоянно пьет воды по три чаши в день и ест по одной литре (3/4 фунта) хлеба, то должен из трех чаш отказать себе в половине одной, а также в пище; вместо целой литры, употребить литру без одной унции” (Ответ 83). Так приучался к посту блаженный

Досифей. Именно сократив обыкновенный, очень достаточный, прием пищи восьмой долей, а пития — шестой, он употреблял эту сокращенную порцию до тех пор, пока не привыкал к ней и находил себя совершенно довольным ею; потом опять сокращал в прежней пропорции, и привыкал; пока, наконец, остановился на 1/4 фунта хлеба (Предисловие к поучениям прп. Дорофея).

Усиливать обычное воздержание при возбуждении плотских страстей. “Когда страсть высится,— советует прп. Ефрем,— тогда да будет усилен божественный голод, т. е. пост. Но да соразмеряется он с силами объятого страстью; потому что такую страсть исцелит только продолжительный труд” (Ч. 5. Сл. 136. С. 142). “Когда борет тебя страсть чревоугодия,— предостерегает прп. Иоанн Пророк,— то всеми силами подвижайся Бога ради не давать телу столько, сколько оно требует” (Варсонофий Великий, Ответ 499). Именно: “Когда чувствуешь брань, должен уменьшить количество пищи на одну унцию, и в питье также ограничить себя” (Ответ 85).

Избегать чрезмерного, расслабляющего поста, даже во время плотской брани. “Остерегайся,— говорит прп. Исаак,— чтобы слишком не изнемогло твое тело и от того не усилилось против тебя нерадение и не охладило душу твою. Всякому следует как бы на весах

взвешивать житие свое. В то время, когда насыщаешься, остерегайся давать себе и в малом свободу. Да будет целомудренно сидение твое во время удовлетворения потребностей. Особенно же, во время своего сна будь целомудрен и чист, строго наблюдай не только за помыслами, но и за членами своими” (Сл. 40. С. 169). “До крайности доведенный пост, как и пресыщение пищей, предосудительны,— говорит прп. Ефрем,— потому что и далеко простертое воздержание, и наполнение себя пищей одинаково худы. Поэтому следует в меру все соединять, чтобы совершенной неумеренностью не поколебать ревности.

В плотском воспламенении не всякое движение происходит от злокозненности демона, но бывает иногда, что при крайнем воздержании происходит движение, когда сухие и горячие дыхания возбуждают естества. Поэтому следует в меру удовлетворять потребности тела принятием пищи, чтобы при совершенной неумеренности подвижнику не терпеть насилий от движений плоти” (Ч. 5. Сл. 136. С. 140). “Коварные демоны,— уверяет прп. Нил, подвижник Синайский,— внушают не только чревоугодие, но и чрезмерные посты; ибо они знают, что пресыщенный ими впадет в гордость от мысли, что он совершеннее сподвижников своих, или так расслабнет телом, что будет

бесполезен и для себя, и для других. И когда болезнь от времени усилится, то отпадет от веры, предастся отчаянью и начнет богохульствовать” (46 письмо к Геласию монаху. Христианское чтение. 1814 г. Ч. 1. С. 37).

Принимать пищу ежедневно. Великий подвижник авва Пимен советует: “Надо, по моему мнению, есть каждый день, но немного, не досыта. Отцы постились и по три дня, и по четыре, и даже по неделе; но, испытав все это, как сильные в добродетели, нашли, что лучше есть каждый день понемногу, и показали нам путь царский; ибо он удобнее для нас” (Достопамятные сказания, С. 178, 31).

А прп. Феодор Студит доказывает, что такой пост несколько не унижает величия подвига: “Может быть, кто-то скажет, что каждодневное принятие пищи есть ущерб для совершенства поста. Никак. Ибо если бы было так, то Господь в молитве “Отче наш” не повелел бы нам просить ежедневно себе хлеба насущного; и пророка Илию не питал бы ежедневно ворон в пустыне; и св. Павел Фивейский, прежде прп. Антония живший в пустыне, не получал бы ежедневно хлеба свыше; и сам Антоний Великий не предпочел бы ежедневного вкушения пищи недельному посту или посту более одного дня. Итак, ежедневное вкушение пищи допускается не только немощным, но дается и для

совершенных, по переданному нам отеческому правилу. Видите теперь, что у нас все установления отеческие” (Добротолубие. Т. 4. Оглашение 272, 273).

Находясь в обществе и пользуясь гостеприимством, принимать все предлагаемое. “Вкушать с благодарением Богу от всех предлагаемых снедей и всех родов питания,— рассуждает блж. Диадок,— несколько не противно правилу ведения, ибо *все хорошо весьма* (Быт. 1, 31). Впрочем, охотно воздерживаться от многой и приятной пищи и рассудительнее, и разумнее. Но невозможно нам с охотой презреть настоящие приятности, если не вкусим сладости Божией со всем чувством и уверенностью” (Добротолубие. Т. 3. Гл. 44. С. 33). Как должен добрый христианин есть и пить все во славу Божию в случаях общего торжества, или радушного гостеприимства? “Когда кто славит Бога памятованием о Благодетеле,— отвечает Василий Великий,— то делает это с таким душевным расположением, при котором и телесное положение свидетельствует о том, что человек вкушает не беззаботно, но как бы имея пред собою Всевидящего Бога; а равно и целью вкушения — есть не для удовольствия, как раб чрева, но как делатель Божий, для бодрости в делах, совершаемых по заповеди Христовой” (Краткие правила свт. Василия Великого. Ч. 5. Вопрос 196).

При случайных излишествах и неосторожном невоздержании не скорбеть о нарушении поста, а стараться вознаградить его. “Следует снисходить душе своей в ее немощах и несовершенствах,— рассуждает прп. Серафим Саровский,— и терпеть свои недостатки, как терпим других, но не облениться, а побуждать себя к лучшему. Употребил ли пищи много или что другое подобное этому, сродное слабости человеческой, сделал, не возмущайся этим и не прилагай ко вреду вред, но мужественно подвигни себя к исправлению, а между тем старайся сохранить мир душевный, по слову апостола: *блажен, кто не осуждает себя в том, что избирает* (Рим. 14, 22) (Сказания о жизни прп. Серафима Саровского).

Авва Силуан и ученик его Захария пришли в один монастырь, где их упросили вкушать немного пищи на дорогу. Когда вышли они из монастыря, ученик увидел воду на дороге и хотел пить. Старец говорит ему: “Захария, ныне пост!” “Разве мы, отец, не ели?” — отвечал ученик. “Ели, но это было дело любви,— сказал старец,— а теперь, сын мой, должны мы соблюсти пост свой” (Достопамятные сказания. С. 367, 1). Когда авве Макарию случалось быть с братией, он полагал себе за правило: если будут пить вино, выпей для братии; но за один стакан вина целый день не пей воды! Поэтому, когда братия для

подкрепления давали ему вина, старец с радостью принимал его, чтобы после мучить себя” (Там же. С. 204, 10). Вот как поступали великие постники!

При расслаблении тела от подвигов либо от болезни вовсе не держать поста. “Тело, изможденное подвигами или болезнями,— учит прп. Серафим Саровский,— следует подкреплять умеренным сном, пищей и питьем, не наблюдая даже и времени. Иисус Христос, по воскресении дочери Иаировой от смерти, тут же повелел *дать ей есть* (Лк. 8, 55)” (Сказания о жизни прп. Серафима Саровского).

“Что такое пост,— рассуждает прп. Варсонофий Великий,— как не наказание тела для того, чтобы усмирить тело здоровое и сделать его немощным для страстей, по слову апостола: *Когда я немощен, тогда силен* (2 Кор. 12, 10).

А болезнь — более этого наказания и вменяется вместо поста и даже более тому, кто переносит ее с терпением, благодарит Бога и через терпение получает плод своего спасения; ибо, вместо того, чтобы ему ослаблять тело постом, оно уже и без того болезненно. Благодарю Бога, что ты болезнью освободился от труда поститься. Если и десять раз в день будешь есть, не печалься, ты не будешь осужден за это, ибо поступаешь так не по внушению демонскому и не по расслабле-

нию помысла, но случается это с нами к испытанию нашему и к душевной пользе” (Ответ 169).

Укращению чрева способствуют, по указанию св. Иоанна Лествичника, труды, бдение и памятование смерти. “Когда тело победит тебя, наставляет он,— укрощай его трудами; если же невозможно это по немощи, борись с ним бдением. Если глаза отяжелели, берись за рукоделие; но если нет сна,— не касайся рукоделия, потому что невозможно занять ум Богом, и маммоною, т. е. и Богом, и рукоделием” (Сл. 14, 25). “Садясь за трапезу, наполненную яствами, представляй перед мысленными очами твоими смерть и суд: ибо едва и таким образом несколько остановишь страсть объедения. Вкушая питье, не переставай представлять оцет и желчь Владыки твоего; и, без сомнения, или воздержишься, или, восстенав, смиришь свой помысел” (Сл. 14, 31).

При таком прохождении подвига поста, нужно помнить, что поскольку потребность в пище есть самая необходимая потребность нашего бренного естества, то, как говорит св. Иоанн Лествичник, “ничто совершенно не истребляет чревоугодия в людях. Кто стяжал Утешителя, тот молится Ему против него; и Утешитель, будучи умолен таким человеком, не попускает чреву действовать страстно” (Сл. 14, 36). “Никто не освобождается от чре-

воугодия,— подтверждает прп. Варсонофий Великий,— кроме пришедшего в меру того, который сказал: *Я забыл съестъ хлеб мой. От громкого стона моего плоть моя пристала к костям моим* (Пс. 101, 5–6). Такой скоро достигает уменьшения пищи и питья, ибо слезы служат ему хлебом, и, наконец, доходит до того, что питается Духом Святым. И тогда плоть сия последует помыслу по Богу и является радость Духа в сердце, питая ту душу и утучняя тело, и укрепляя их обоих, и такой человек уже не ослабевает и не унывает, ибо Иисус с этого времени бывает Ходатаем о нем и ставит его близ преддверия там, *откуда отойдет всякая болезнь, печаль и въздыхание* (Ис. 51, 11), и исполняется на нем слово Писания: *Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше* (Мф. 6, 21)” (Ответ 96 и 97).

6. Свойства и плоды истинного поста

Истинный пост полагает свою печать на все внешнее и внутреннее поведение подвижника. “Мера воздержания,— говорит прп. Иоанн Пророк,— не ограничивается только пищей и питьем, но простирается и на разговоры, и на сон, и на одежду, и на все чувства; во всем этом должна быть мера воздержания” (Ответ 81).

“Как скоро начнет кто поститься,— описывает прп. Исаак,— желает уже с этого

времени умом своим прийти в вожделение собеседования с Богом. Ибо тело постящееся не терпит того, чтобы целую ночь проспять на постели своей. Когда на уста человеку налагается печать постов, тогда помысл его поучается в умилении, сердце его источает молитву, на лице у него грусть, и срамные помыслы далеки от него; не видно веселости в очах его, он враг похотений и суетных бесед. Никто никогда не видел, чтобы рассудительный постник стал рабом худого вожделения” (Сл. 21. С. 89). “Кто старается быть чистым во всех членах своего тела,— говорит прп. Антоний Великий,— кто истинно благочестив и удаляется от всего, что оскверняет тело, тот может сказать с пророком Давидом: *Все кости мои говорят: “Господи, Господи, кто подобен Тебе?”*” (Пс. 34, 10).

Такой человек обуздывает все свои чувства, не позволяет им господствовать над собой и возлагает на них иго Господне. Он не позволяет своим взорам обращаться ко злу и не смотрит на женщину с похотью; не обращает слуха своего к клевете, к внушениям диавола и ко всем его мыслям, которые он влагает в душу; напротив, он всегда внимателен к спасительным наставлениям Иисуса Христа и приносит собой приятное благоухание Ему. На уста свои он налагает печать молчания и не позволяет им произносить слова безрассудные. Руки свои он обращает

на дела милосердия и истины. Его ноги не ходят для пролития крови, но для исполнения заповеди Господней: *И кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два* (Мф. 5, 41). Он не обращает внимания на свое чрево и грудь, чтобы они не унизили его до земли и чтобы ему не ходить по земле на чреве и груди своей, подобно змию” (Письмо 17. Христианское чтение. 1829 г. Ч. 35. С. 19).

Правильный пост совершенно чужд тщеславия и расслабления. “Касательно поста скажу,— учит прп. Варсонофий Великий,— рассмотри сердце твое, не окрадено ли оно тщеславием, и если не окрадено, рассмотри вторично, не делает ли тебя пост такой немощным в исполнении дел, ибо немощи этой не должно быть; и если и в том не повреждает тебя, пост твой правильный” (Ответ 841).

Испытывая расслабление от поста, нужно помнить, что немощь бывает и естественная, и от демонов. “Если тело, принимая повседневную пищу, расслабевает,— учит прп. Варсонофий,— это от демонов; в противном случае, это немощь естественная” (Ответ 98). О тщеславии же в посте вот что говорит прп. Исидор: “Если подвизаетесь в посте как должно, не гордитесь. Если же тщеславитесь этим, то лучше ешьте мясо, ибо не так вредно для человека мясо, как гордиться и надмеваться” (Достопамятные сказания о подвижничестве Св. Отцов. С. 137, 4).

В посте следует мужественно и благоразумно удаляться от всякого человекоугодия. Прекрасные наставления об этом предлагает прп. Иоанн Пророк: “Ходя в премудрости, принимай всех, не подавая никому соблазна, по примеру апостола, сказавшего, что он был угоден и *иудеям, и эллинам, и Церкви Божией* (1 Кор. 10, 32). Время наше уклонило людей к телесному покою и к насыщению чрева, которые рождают все страсти; храни же себя от приходящих по такому поводу, будут ли то мирские, или братия, или отцы. Когда случится прийти им, то не слишком угощай их и не совсем отвергай. Когда же то будет человек, приходящий собственно с этой целью, то устранись от него; полезнее тебе, чтобы назвали тебя скупым, когда ты не таков, нежели чтобы назвали сластолюбцем. Итак, принимай всех с приличной приветливостью, показывая лишь вид, что вкушаешь наравне со всеми, вкушая, однако же, менее предложенного. А если кто будет принуждать тебя, скажи ему: “Апостол говорит: *Не упивайтесь вином, от которого бывает распутство* (Еф. 5, 18).

Отцы говорят: “Молим всякого человека, хотящего спастись и принести покаяние Богу, сохранять себя от излишнего употребления вина, которое рождает все страсти!” Сохраняй себя от тех, которые говорят: “Если ты не пьешь, то и я не стану пить, и если ты не ешь, то и я не стану есть!”

И со всяким смиренномудрием проси такого, говоря: “Апостол сказал: *Кто ест, не уничижай того, кто не ест, ибо для Господа не ест, и кто не ест, не осуждай того, кто ест, ибо для Господа ест и благодарит Бога* (Рим. 14, 3–6), и так как и то и другое делается во славу Божию, то оба они и честны у Бога. А потому пусть каждый, ради любви Божией, вкушает и пьет, сколько ему угодно, а меня, сделайте милость, не принуждайте, ибо я немогущ и не могу более”. Итак, будь благоразумен в отношении приходящих; тебе надобно иметь разумение и мудрость, чтобы о каждом познать, для чего и как пришел он: ради ли Бога, или ради пищи” (Руководство к духовной жизни. Ответ 590).

В посте всячески должно избегать осуждения непостящихся, равно как и вкушающие не должны порицать постящихся. Тот же прп. Иоанн Провидец наставляет вкушающих: “Почему вы о братиях постящихся не думаете хорошего, в назидание свое, говоря себе: “Мы не радим, а братия наша воздерживаются”; равно как и братия, ранее встающие из-за трапезы, должны помышлять о вас хорошее, говоря: “Горе нам! Мы встаем по немощи, а братия наши хотя и более нас едят, но от сего не получают вреда, ибо все делают с рассуждением”. Таким образом, и те и другие избегают угрозы, заключающейся в изречении Господнем: *Не судите, да не*

судимы будете (Мф. 7, 1), и не нарушают слов апостола: *Кто ест, не уничижай того, кто не ест*, и проч. (Рим. 14, 3) (Варсонофий Великий, Ответ 543).

При прохождении подвига поста нужно, кроме видимых подвигов, прилежать и к внутреннему деланию, ибо телесный пост облегчается постепенным навыком к воздержанию, но он не имеет никакой заслуги без поста внутреннего — духовного. “Кто обременяет чрево свое пищей, — говорит св. Иоанн Лествичник, — тот расширяет свои внутренности; а кто борется с чревом, тот сжимает их. Когда же внутренности сжаты, тогда немного будут принимать в себя, и, естественно, уже мы делаемся постниками (Сл. 14, 24). “Но, если внутреннее делание по Богу не поможет человеку, — уверяет прп. Варсонофий Великий, — то напрасно он трудится во внешнем посте! Потому-то и Господь сказал: *не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст* (Мф. 15, 11). Ибо внутреннее делание с болезнью сердечной производит истинное безмолвие сердца” (Ответ 210). Поэтому советует св. отец: “Что касается внешнего поста, то преклони шею твою, вспоминая жизнь Отцов и их бдения, смирись сердцем, и, если можешь, потерпи до девятого часа (т. е. до 3 пополудни), а если не можешь, то не заботься; старайся же сохранять пост внутреннего человека, испол-

няя заповедь: *не ешь от дерева* (Быт. 2, 17), и предохранять себя от других страстей. Этот пост внутреннего человека приятен будет Богу и вознаградит для тебя недостаток телесного поста (Ответ 509).

Многие и разнообразные блага доставляет подвижнику святой, благоразумный, истинный пост. Отцы Церкви не находили достаточно слов для подробного описания всех его благотворных действий. “Возлюби прекраснейший пост — дело досточестное и богоугодное! — побуждает прп. Ефрем. — Пост — колесница, возносящая на небо. Пост отражает искушения, делает удобным путь на подвиг благочестия; он — сожитель трезвости, виновник целомудрия. Пост возводит молитву на небо. Пост — мать здравия. У постящихся тело честно и душа драгоценна. Пост — мир в домах. Пост — попечитель и предохранение девства. Пост — путь к покаянию. Пост — виновник слез” (Сл. 66. О посте. Ч. 3. С. 290).

“Пост — пресечение телесного разжжения, — продолжает св. Иоанн Лествичник, — искоренение лукавых мыслей, освобождение от скверных сновидений, чистота молитвы, светильник души, хранение ума, истребление сердечной бесчувственности, дверь умиления, смиренное воздыхание, радостное сокрушение, удержание многословия, повод к безмолвию, страж послушания,

облегчение сна, здоровье тела, виновник бесстрастия, отпущение грехов и райская дверь и утеха” (Сл. 14, 33).

“Трапеза пребывающего всегда в посте,— дополняет прп. Исаак,— сладостнее всякого благоухания от мускуса и благовоения от мира. На трапезе среди постящихся, освящая их, возлежит Возлюбленный, и горечь злострадания их претворяет в неисповедимую сладость Свою; духовные же и небесные служители Его осеняют их и святые их яства. И я знаю одного из братьев, который ясно видел это собственными своими глазами. Блажен, кто заградил себе уста от всякого сластолюбия, отлучающего его от Создателя! Блажен, кому пища — Хлеб, сшедший с неба и даровавший жизнь миру! Блажен, кто на поле своем узрел Орошение жизни, по милосердию исходящее из недр Отчих, и к Нему возвел око! Ибо, когда испиет Его, возвеселится и процветет сердце его, и будет в веселии и радости. Кто в пище своей узрел Господа своего, тот укрывается от всех, и один причащается Его, не вступая в общение с недостойными, чтобы не стать их сопричастником и не остаться без озарения лучом Господним. Итак, блажен, кто ради Бога пребывает в безмолвии и один ест хлеб свой, потому что всегда он беседует с Богом” (Сл. 8. С. 43—44).

У. МИЛОСЕРДИЕ

1. Что такое милосердие, по учению Св. Отцов?

“Милосердие,— как определяет прп. Исаак Сирин,— есть печаль, возбуждаемая благодатью, оно ко всем сострадательно преклоняется: кто достоин худого с ним обращения, тому не воздаст злом, а кто достоин доброго воздаяния, того преисполняет с избытком” (Сл. 89. С. 420). Из такого понятия о милосердии открывается, что сущность его состоит в сострадании и жалости сердца ко всем созданиям Божиим, а заслуга и достоинство — в самопожертвовании для других.

2. Основные христианские побуждения к делам милосердия

Чувство милосердия, как и всякая добродетель, очищается и возвышается постепенно, от самопринуждения до навыка, и, наконец, до чистейшей бескорыстной любви.

“Если человек сам принуждает себя к сострадательности и к деланию добра,— говорит свт. Афанасий Великий,— то приобретает добрый навык охотно подавать милостыню. Делать добро постоянно, с веселым лицом, свойственно совершенным. Но и принуждающие себя к исполнению заповеди о нищих, благоприятны перед Богом, Который сказал: *Употребляющие усилие восхищают царство небесное* (Мф. 11, 12) (Послание к князю Антиоху. Христианское чтение. 1842 г. Ч. 2. С. 357). Поэтому Св. Отцы советуют возбуждать и возгревать это чувство следующими побуждениями:

Представлением и чаянием наград, обещанных в слове Божиим для милосердных. “Желающий привыкнуть подавать милостыню,— говорит прп. Иоанн Пророк,— должен напоминать самому себе воздаяние, обещанное за то Богом и начинать с самых последних вещей, всегда вразумляя себя, что подающий мало мало и получает, а подающий много и сам много получает, по сказанному: *Кто сеет скупо, скупо и пожнет; а кто сеет щедро, щедро и пожнет* (2 Кор. 9, 6). Итак, мало-помалу в нем будет усиливаться желание получить воздаяние за многое, и он будет всегда преуспевать в сей добродетели. Он может достигнуть той меры совершенства, чтобы обнажиться от земных вещей и быть духом с небесными” (Варсонофий Великий.

Ответ 629). “*Приобретайте себе друзей богатством неправедным* (Лк. 16, 9),— убеждает прп. Ефрем Сирин.— Приобретем себе в свидетели много бедных; у них купим елея и пошлем вперед себя: ибо вот продающие елей для светильников: вдовы, сироты, немощные, увечные, хромые, слепые, прокаженные и все нищие, которые сидят у дверей церковных. Их преклоним на свою сторону: они примирят с нами Судию. От проходящих к нам не будем отвращаться, но станем встречать их весело, а те, которые не имеют сил прийти, к ним будем сами посылать: это важнее первого. Каждый да разведает в церквях, нет ли бедного или странника, и, найдя, постарается принять в дом и упокоить. Каждый да приложит старание пригласить к себе бедного прежде всех желающих это сделать; потому что вместе с бедным входит в дом Христос, нас ради обнищавший. *Благотворящий нищему, дает взаймы Богу* (Притч. 19, 17), сказавшему: *так как сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне* (Мф. 25, 40) (Сл. 65. О любви к бедным. Ч. 3. С. 288).

Убеждением, что дары милосердия — благоприятнейшая жертва Богу. “Бог принимает приносимое людьми, как величайший дар”,— уверяет прп. Макарий Великий (Сл. 7. Гл. 8. С. 448). “Бог ни в чем не имеет нужды,— рассуждает прп. Исаак,— но увеселяется, когда

видит, что человек упокоевает образ Его (т. е. всякого человека) и чтит таковой ради Него. Когда попросит кто у тебя того, что ты имеешь, не говори в сердце своем: “Оставляю это душе моей, чтобы упокоиться в этом; Бог из другого места подаст ему потребное для него”. Такие слова приличны людям неправедным и не знающим Бога. Человек справедливый и добрый не уступает чести своей иному и не попустит, чтобы время благодати проходило без дела. Человек нищий и нуждающийся снабжается от Бога, потому что Господь никого не оставляет. Но ты, отослав от себя убогого, уклонился от чести, данной тебе Богом, и удалил от себя благодать Его. Поэтому, когда даешь, веселись и говори: “Слава Тебе, Боже, что сподобил меня найти, кого упокоить!” Если же нечего тебе дать, тем более радуйся и, благодаря Бога, говори: “Благодарю Тебя, Боже мой, что дал мне благодать эту и честь — обнищать ради имени Твоего, и сподобил меня вкусить скорби, положенной на пути заповедей Твоих, в недуге и нищете, как вкушали святые Твои, шествовавшие путем сим!” (Сл. 57. С. 297–298).

Живейшей, одушевленной любовью и благоговением, верой, что в лице нищих просит и принимает милостыню Сам Господь наш Иисус Христос, обнищавший нас ради. “Любви к брату твоему,— убеждает прп. Исаак,— не заменяй любовью к какой-

либо вещи, потому что брат твой тайно приобрел внутри себя Того, Кто всего драгоценнее” (Сл. 5. С. 33). “Когда видишь бедного,— наставляет свт. Иоанн Златоуст,— припоминай слова, в которых Господь дал тебе понять, что питаемый тобой — Он Сам. Хотя видимый тобой и не Христос, но в этом образе Сам Он и просит, и принимает. Поэтому стыдись не дать Ему просящему: это и стыдно, и достойно наказания. Если Он просит, то по благодати Своей, и нам следует хвалиться сим. А не подать — знак твоей жестокости. Если не веришь теперь, что, проходя мимо верного нищего, проходишь мимо Самого Христа, то поверишь, когда изведет тебя перед нищими и скажет: *Так как вы не сделали это одному из сих меньших, то не сделали Мне* (Мф. 25, 45).

Христос сделал тебя наследником неба, а ты не даешь Ему и земного. Он тебя, не сделавшего ничего доброго, даже врага Божию, примирил с Богом, а ты не хочешь воздать Другу и Благодетелю, хотя, не говоря уже о царствии и обо всем прочем, обязан воздавать Ему благодарность за то самое, что даешь. Он прежде ввел тебя в дом Свой, а ты не хочешь сделать этого и после? Он прикрыл твою наготу, а ты и после этого не даешь приюта Ему, Страннику? Он первый напоил тебя из чаши Своей, а ты не даешь Ему и студеной воды? Он преподал тебе Духа

Святого, а ты не утоляешь и телесной жаж-ды, хотя должен употребить на это Его же да-ния? Неужели маловажным считаешь дер-жать ту чашу, которую поднесешь к устам, из которой будет пить Христос? Представь, ко-му ты предлагаешь питье и трепещи! Хрис-тос прославил тебя на небесах, а ты защити Его от голода, наготы и беславия. Он сделал тебя сожителем Ангелов, а ты прими Его только под кров свой, дай Ему пристанище, как бы служителю. Какой достойны мы геен-ны, когда дарованные нам блага так велики, а требуемое от нас так легко, но мы не испол-няем и этого!” (Прибавление к Творениям Св. Отцов. 1856 г. С. 391–392).

“Подлинно, если бы увидели Самого Христа,— продолжает великий учитель,— то, конечно, каждый истощил бы все свое. Но и ныне Он Тот же, ибо сказал, что Я есмь. Итак, для чего же ты не все отдаешь. И ныне слышим, как говорит Он: *Мне сделали!* Ника-кого нет различия — Ему ли, или другому ты подаешь. И ты сделаешь не менее тех жен, которые тогда Его питали, напротив — еще более. Не смущайтесь! Не одно и то же — пи-тать Его Самого, когда Он являлся во всей славе, и служить в исполнение только Его за-поведи бедному, убогому, калеке. Там в твоей любви участвует уважение к Лицу и достоин-ству Присутствующего. Здесь — вся честь принадлежит твоему человеколюбию; здесь

больше показываешь ты уважения к Нему, когда только по заповеди Его служишь по-добному тебе рабу Его и угождаешь сему во всем. Итак, угождай, веруя Принимающему и Говорящему: “Мне дал! Если бы ты не Ему давал, Он не удостоил бы тебя Своего царст-вия. Если бы ты не Его отвращался, Он не послал бы тебя в геенну; не осудил бы на му-чения, если бы ты просто презрел человека. Но поскольку Он Сам Тот, Кем ты пренебре-гаешь, то это и составляет великое прегреше-ние твое. Так и Павел Его гнал, поэтому и сказал Он: *Что ты гонишь Меня?* (Деян. 9, 4). Итак, будем столько же усердны, когда пода-ем ближним, как если бы мы Ему Самому подавали; поскольку слова Его, без сомне-ния, более заслуживают наше доверие, неже-ли глаза наши!” (Беседа 88 на евангелиста Матфея).

3. Кому и чем следует благотворить

Святые Отцы убеждают простирать щед-рую руку помощи ко всякому нуждающему-ся, по заповеди Господней: *Всякому просяще-му у тебя дай и хотящего занять у тебя не от-вращайся* (Мф. 5, 42). Поэтому “если имеешь что лишнее сверх дневной потребности,— убеждает прп. Исаак, раздай это нищим. Ес-ли кто, сидя на коне, протянет к тебе руку, чтобы принять милостыню, не откажи ему,

потому что в это время он, без сомнения, скуден, как один из нищих. Не отделяй богатого от бедного и не старайся распознавать, кто достоин, а кто не достоин; пусть все люди будут для тебя равны для доброго дела. Ибо таким способом можешь и недостойных привлечь к доброму, потому что душа посредством телесного благодеяния скоро привлекается в страх Божий. И Господь разделял трапезу с мытарями и блудницами, и не отлучал от Себя недостойных, чтобы этим способом всех привлечь в страх Божий, и чтобы посредством телесного приблизились к духовному.

Поэтому благотворением и честью уравнивай всех людей, будет ли кто иудей, или неверный, или убийца, тем более, что и он брат тебе, одной с тобой природы, и заблудился от истины, не ведая того” (Сл. 56. С. 286). “Тот милостив, кто в мысли своей не отличает одного от другого, но милует всех” (Сл. 58. С. 309).

Подавай милостыню не ради достоинств просящих лиц, но ради бедности и нужды их, подавай даже явным грешникам. “Но, говорят,— описывает своих современников св. Иоанн Златоуст. — “Дай нам таких бедных, каковы Илия и Елисей, и со всем усердием примем их!” Что ищешь Илию? — отвечает великий учитель. — Даю тебе Владыку Илию — и не питаешь Его; если же найдешь Илию, то как примешь его?” (Прибав-

ление к Творениям Св. Отцов. 1856 г. С. 396). “Истинный благотворитель подает нищему не ради его достоинств, но ради того, что он человек, брат ему по крови и духу, и притом брат бедствующий; сам же он не судья, а раздаятель милостыни, которая есть дело не правосудия, а милосердия.

Если нищий не пророк и не праведник, то он человек, живет с тобою в одном мире, видит одно и то же солнце, имеет такую же душу, одного и того же Владыку, причащается одних и тех же с тобой Таинств, призывается к тому же небу и имеет для себя великим оправданием бедность и потребность в необходимой пище” (Там же).

“Оказывающему милость следует не требовать отчета в жизни, но помочь бедности, удовлетворить нужде. У бедного одна защита,— недостаток и нужда; ничего более не раз узнавай о нем; если он и порочный человек, но не имеет необходимого пропитания,— утолим голод его. Так повелел поступать и Христос, говоря: будьте подобны *Отцу вашему Небесному, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми, и посылает дождь на праведных и на неправедных* (Мф. 5, 45).

Милостивый есть пристань для нуждающихся; а пристань принимает к себе всех потерпевших кораблекрушение, злы они или добры. Поэтому и ты, видя, что человек под-

вергся на земле крушению бедности, не рассуждай, не требуй отчета, но прекрати бедствие. Иное — судия, а иное — раздаятель милостыни. Милостыня потому и называется милостыней, что подаем ее и недостойным. Все достоинство нищего — его нужда. Кто придет к нам с ней, ни о чем больше не будем разуживать; потому что подаем не нраву, а человеку, — сожалеем о нем не за добродетель, но по причине несчастья” (Там же. С. 397). “Если в подобных нам рабах станем разуживать их достоинство и входить в исследование этого, то Бог сделает то же и с нами; и мы, требуя отчета у подобных нам, сами лишимся высшего человеколюбия. Ибо сказано: *ибо каким судом судите, таким будете судимы* (Мф. 7, 2) (Там же. С. 400—401).

Отличай просящих друг от друга единственно по различию их нужд и средств. “Из двух нищих — утверждает прп. Иоанн Пророк, — следует предпочесть того, который более немощен” (Руководство к духовной жизни. Ответ 631). “Всех, явно принимающих милостыню, считай в одном разряде, исключая из них того, кто немощен и страдает чем-либо; ибо такому нужно несколько прибавить. Тех же, которые стыдятся явно и перед народом принимать милостыню, и лежащих в болезнях, считай в другом разряде, подавая им более, смотря по нужде их, *как может рука твоя* (Еккл. 9, 10) и как им при-

лично” (Ответ 636). “И тем нищим, которые ходят по домам, подавай, — что предназначает рука твоя: или немного хлеба, или вина, или две малых медных монеты, или одну большую, только подай без скорби, со страхом Божиим, ибо через это прославляется Человеколюбивый Бог” (Ответ 641).

Всякий имеет много средств благотворить ближнему. “Никто не может сказать: “Я нищ, и мне не из чего подавать милостыню!” — рассуждает прп. Дорофей, — ибо, если ты не можешь дать столько, сколько упомянутые богачи, влагавшие дары свои в сокровищницу, то дай две лепты, подобно убогой вдовице, и Бог примет это от тебя лучше, чем дары тех богатых (Мк. 12, 42; Лк. 21, 2).

Если и того не имеешь, а имеешь силу, то можешь служением оказать милость немощному брату. Не можешь и того? Тогда сможешь словом утешить брата своего. Итак, окажи ему милосердие словом и услышь сказанное: *Доброе слово больше даяния* (Сир. 18, 17).

Если же и словом не можешь помочь ему, то тогда, когда огорчится на тебя брат твой, окажи ему милость и потерпи его во время его смущения (гнева), видя его искушаемым от общего врага. И вместо того, чтобы сказать ему противное слово и тем более смутить его, ты можешь промолчать: этим окажешь ему милость, избавляя его душу от врага. Можешь

также, когда согрешит перед тобою брат твой, помиловать его и простить ему грех его, чтобы и ты получил прощение от Бога; ибо сказано: *Прощайте и прощены будете* (Лк. 6, 37). Так ты окажешь милость душе брата своего, прощая его, в чем он согрешил против тебя, и, не имея чем оказать милосердие к телу, милуешь душу. А какая милость более той, чтобы помиловать душу? И как душа драгоценнее тела, так и милость, оказанная душе, больше оказанной телу” (Поучение 14. С. 168).

“Всякий должен сострадать всем, находящимся в общежитии,— говорит прп. Иоанн Пророк,— ибо исполняет через это заповеди апостола, т. е. если кто скорбит, поскорби с ним, увещай его, утешь его (см. Рим. 12, 15; Сол. 5, 11, 14). В этом-то и состоит сострадание” (Ответ 312). “Тот милостив,— подтверждает прп. Исаак,— кто, когда услышит или увидит что-либо опечаливающее брата его, возгорится сердцем; а равно и тот, кто, будучи оскорблен братом своим, не возымел столько бесстыдства, чтобы отвечать и опечалить сердце его. Милостивый не только дает людям милостыню, но и с радостью терпит от других неправду и милует их” (Сл. 56). “И потому,— заключает св. Дорофей,— никто не может сказать: “Я не могу оказать милости!” Ибо каждый, по силе своей и по состоянию души своей может оказывать милость” (Поучение 14. С. 169).

Преподобный Иоанн Пророк внушает: “Не сомневайся подать нищему даже то, что благословлено отцами (т. е. все получаемое в благословение от достоуважаемых отцов), ибо это милостыня; не сомневайся подать это даже иноплеменнику, ибо благословение не терпит никакого вреда от иноплеменника, а скорее сообщает ему самому благословение, и может случиться, что и он через это благословение, имеющее силу Божию, придет в познание истины. Один музыкант, по имени Филимон, намереваясь принести жертву идолам вместо св. мученика Аполлония и вместе с тем желая утаиться от зрителей, надел на себя его одежду, но силой ее изменился внутренне, и сам сделался мучеником” (Ответ 759).

4. С каким расположением духа должно подавать милостыню

“Когда подаешь милостыню,— наставляет прп. Исаак,— подавай с великодушием, с ласковостью на лице и снабди просящего в большей мере, чем тот просил” (Сл. 56. С. 287). “Пусть веселость твоего лица предваряет даяние твое, и добрым словом утешь скорбь просящего. Когда сделаешь это, тогда твоя ласковость в его уме будет дороже такого твоего даяния, которое было бы даже сверх потребностей тела” (Сл. 89. С. 414).

Подавай без всяких подозрений, упреков и обвинений в праздности. “Если придет бедный, имеющий нужду в хлебе,— замечает св. Иоанн Златоуст,— то у тебя найдутся тысячи упреков и клевет, обвинений в праздности, злословий, оскорблений и насмешек, а не подумаешь о себе, что и ты живешь в праздности, однако же Бог дает тебе Свои блага” (Беседа 45 на евангелиста Матфея). Говоришь: “У меня отцовское наследство”? Но скажи мне: неужели нищий должен погибнуть, потому что он беден, от бедных родился и не имеет обеспеченных предков? Поэтому-то особенно и достоин он сострадания и милосердия людей богатых.

Сам ты, часто проводя день на зрелищах или в собраниях и разговорах, от которых нет никакой пользы, и о многих говоря худо, думаешь, что не сделал ничего плохого и не погубил времени в праздности; а этого жалкого и несчастного, который весь день провел в просьбах, в слезах, в неисчетных бедствованиях, осуждаешь, влечешь в судилище, и требуешь от него отчета? Человеческие ли это чувства?” (Прибавление к Творениям Св. Отцов. 1856. С. 398—399). “Не говори мне, что ты и сам что-нибудь делаешь; но покажи, необходимо ли ты делаешь и нужным ли занимаешься. Если же скажешь, что занимаешься домашним устройством, корчемничеством, попечением о сбережении и умножении

имущества, то и я скажу тебе, что не это называется делами, а — милостыня, молитвы, защищение обиженных, и другие добродетели, в которых мы вовсе не упражняемся. Поэтому, когда видишь бедного и говоришь: “Досадно, что человек молодой, здоровый ничего не имеет и хочет прокормиться, живя праздно; а, может быть, он беглый слуга, оставивший своего господина?” — повтори все тобой сказанное самому себе и лучше позволь бедному со всей смелостью сказать что-либо тебе, и он с большей справедливостью скажет: “Досадно, что ты, человек здоровый, живешь в праздности, не делаешь ничего повелеваемого тебе Богом, а, бежав от дел Господина своего, бродишь, как бы по чужой стороне, проводя жизнь в пороках: упиваясь, бесчинствуя, похищая чужое, грабя и разоряя дома других! Ты обвиняешь меня в праздности, а я обвиняю тебя в худых делах!”

Не в защиту праздности говорю это, а умоляю только не быть немилосердными и жестокими. Мы же не только не оказываем нищему милосердия, но еще обращаемся к нему с жестокими словами: “Не подано ли тебе раз и два?” Что же? Разве не нужно ему снова есть, потому что ел уже однажды? Свое чрево наполняешь через меру и отвращаешься от нищего, который просит у тебя в меру, когда следует оказать ему милость за то, что вынужден ходить к тебе каждый день. Ибо

крайняя нищета заставляет его делать это. В нем нужда преодолевает стыд; а ты не только не имеешь к нему жалости, но еще позоришь его, и хотя Бог повелел подавать милостыню тайно, поносишь его всенародно. Если не хочешь подать, для чего обвиняешь и сокрушаешь бедное, огорченное сердце? Пришел бы он, если бы ожидал услышать такие слова?” (Беседа 45 на евангелиста Матфея). “Это ли заповедано тебе, человек? Господь повелел тебе не в праздности укорять, но помогать в нищете; поставил тебя не обвинителем порока, но врачом бедствующего; ты должен не в лености упрекать, а подавать руку помощи; не нравы осуждать, а утолять голод” (Прибавление к Творениям Св. Отцов. 1856 . С. 400).

Подавай охотно и щедро, без всяких оправданий своей скупости и немилосердия. “К великому стыду вижу,— замечал в свое время св. Иоанн Златоуст,— что многие богатые, которые ездят на златоуздых конях, в сопровождении слуг, одетых в золото, имеют у себя серебряные ложа и показывают большую пышность, когда следует подать нищему, представляются беднее и самих нищих. Что же приводят они в основание? Говорят: “На это есть церковное имущество (богадельные и богоугодные заведения)!” Но что из этого! Если я подаю, то ты не спасешься через это; если Церковь или общество снаб-

жает, то ты не загладишь грехов своих. Если не подаешь потому, что Церковь должна подавать нуждающимся, то неужели никогда не станешь молиться потому, что молятся иереи; будешь всегда упиваться потому, что постанут другие? Или не знаешь, что Бог дал закон о милостыне не столько ради нищих, сколько ради подающих? Делай все сам — и получишь сугубую награду. По вашей скупости, Церковь вынуждена иметь то, чем владеет ныне” (Там же. С. 395). “Разве при апостолах невозможно было оставаться у христиан домам и полям? Почему же они продавали и раздавали? Потому что это было лучше. А ныне, когда вы до безумия заняты житейским и только собираете, а не расточаете, страх объял Отцов ваших, что сонмы вдов, сирот и дев погибнут от голода, и поэтому вынуждены были устроить богадельни” (Беседа 45 на евангелиста Матфея.).

Подавай с состраданием к несчастной участи бедствующего человечества. “Явное безумие и помешательство ума — наполнять сундуки одеждой, — угрожает великий учитель. — А как того, кто создан по образу и по подобию Божию, оставлять без всякого призора, когда он дрожит от холода, едва может стоять на ногах? Скажешь: “Притворно он представляется дрожащим и слабым!” Неужели не боишься ты, что от слова этого возгорится небесная молния и поразит тебя?

Не могу удержаться от гнева! Сам пресыщаешься, утучняешь плоть, продолжаешь упиваться до глубокого вечера, нежишься на мягком ложе и не считаешь себя достойным наказания за такое незаконное употребление даров Божиих. А нищего, который бедствует, ничем не лучше мертвеца, подвергаешь строгому суду, не боишься страшного и грозного Судилица Христова.

Если и лицемерит нищий, то лицемерит от нужды и бедности. Его лицемерие провозглашает повсюду твое бесчеловечие. Целый день он ходит, просит, умоляет, возбуждает жалость, рыдает, проливает слезы — и не может добыть себе необходимой пищи; поэтому, может быть, выдумал эту хитрость, которая стыдит и обвиняет более тебя, нежели его.

Его пожалеть требует сама справедливость, потому что дошел он до такой нужды; а мы заслуживаем тысячи наказаний, потому что принуждаем нищих к таким делам. Если бы нас легко было преклонить на милость, они никогда не решились бы на что-либо подобное. Что говорю о наготе, оцепенении на стуже? Скажу еще более ужасное: иные вынуждены были ослеплять малолетних детей, чтобы тронуть нашу бесчувственность, думая, что лучше быть лишенным солнечного света, нежели бороться непрерывно с голодом и претерпеть мучительную смерть” (Там же. С. 400).

Страшись обидеть нищего, которого посылает к тебе Сам Бог. “Если не хочешь оказать милость,— продолжает свт. Иоанн Златоуст,— то для чего обижаешь? Но иначе он не отойдет! Поэтому делай, как повелел Мудрый: *отвечай ему ласково с кротостью* (Сир. 4, 8). “Нет человека бесстыднее нищего”,— говоришь ты. Но если разберем свои поступки и сравним с поступками нищих, то не признаем нищих несносными. Не будь жестоким судьей. Если ты и чист от всякого греха, то и в таком случае закон Божий не позволяет тебе быть строгим истязателем чужих проступков. Не знаешь разве, как одно слово может восставить и низложить? Не рассудишь, что на себя поднимаешь меч, себе наносишь жестокую рану, когда поруганный тобой нищий пойдет от тебя, безмолвно вздыхая и заливаясь слезами? Он Богом к тебе посылается. Подумай же, Кого оскорбляешь, оскорбляя нищего, когда Бог посылает его к тебе и повелевает подать ему!” (Там же).

Подавай милостыню с радостью, как бы сам получая милость. “Бог установил подавать милостыню не только для того,— заключает великий учитель Церкви,— чтобы нуждающиеся имели пропитание, но чтобы для снабжающих это было благодеянием, и даже большим для них, нежели для первых. Смотри, апостол более всего предписывает, чтобы подающие милостыню подавали

радуясь и благодушествуя, и говорит: *Каждый уделай по расположению сердца, не с огорчением и не с принуждением, ибо доброхотно дающего любит Бог* (2 Кор. 9, 7), — не того, кто только подает, но кто делает это с удовольствием. Вот истинная милостыня, когда, подавая, радуешься и думаешь, что сам получаешь больше того, сколько ты даешь. Что пользы, если, будучи богатым, подаешь как бы одну чашу из целого моря? Как скажешь: *Господи, помилуй мя по велицей милости Твоей и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое* (Пс. 50, 1), не милуя сам не только *по велицей*, но и *по малой милости!*” (Беседа 21 на 1 Послание ап. Павла к коринфянам).

5. Сколько и в какой мере раздавать

На сей вопрос прп. Иоанн Пророк отвечает: “Меры добродетели благотворительности различны, и каждый делает по своей мере. Один человек может дать немного из своего дохода, другой дает десятую часть своего имения, иной — четвертую, другой — третью часть, а иной — половину, — каждый по своей мере. Желаящий же прийти в совершенную меру да вопрошает не меня, последнего, но Учителя и Врача душ наших Господа нашего Иисуса Христа, сказавшего богатому юноше: *Если хочешь быть со-*

вершенным, пойди, продай имение твое, и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах: и приходи и следуй за Мною (Мф. 19, 21)” (Ответ 628).

Крайне необходимого для себя не раздавать. “Если кто имеет только необходимо-нужное для него самого, — предостерегает св. отец, — то этого не должен издерживать на милостыню по случаю, чтобы после, при собственном недостатке, не стал он скорбеть, будучи не в силах понести скудости. А когда просящий будет докучать ему, и он скажет: “Прости меня, мне нечего дать тебе”, — то это не будет ложь, потому что тот, у кого только необходимо-нужное для него самого, не имеет что дать другому. Пусть он скажет просящему: “Прости меня, я имею только то, что необходимо нужно мне самому”.

Вспомни пять дев, которые, когда другие просили их дать им елей для светильников, отвечали им: *чтобы не случилось недостатка и у нас, и у вас* и проч. (Мф. 25, 9). И апостол Павел, обращаясь к коринфянам, говорит: *Да будет ваш избыток в восполнение их недостатка* (2 Кор. 8, 14), и: *Не требуется, чтобы другим было облегчение, а вам тяжесть* (2 Кор. 8, 13) (Ответ 626). “Но если кто, увлекшись безрассудно, издержит на благотворение и то, что ему самому нужно, а после раскается, то прежде всего да укорит он себя за нерассудительность и да воззовет помысл свой из

печали, говоря: “Так как это издержано на доброе дело, то Человеколюбивый Бог силен помиловать меня и устроить по воле Своей” (Ответ 630).

Сначала нужно раздавать худшее и малоценное. “Если мы еще не достигли того,— советует прп. Иоанн Пророк,— чтобы считать всех нищих равными и любить ближнего, как самих себя, то, зная свою немощь, сделай, что можешь, и дай им то, что менее ценно” (Ответ 642). “Но при этом испытай свой помысл, и если найдешь, что он делает так по скупости, то дай и еще несколько более того, что следует дать, например, одну медную монету, и это вменится тебе в милостыню” (Ответ 632).

Раздавать должно не сверх силы и средств. “Все следует делать с рассуждением,— заключает св. отец,— а умерять себя — дело рассуждения, и это утверждает помысел, чтобы не смущаться впоследствии. Делать же милостыню или что-либо другое сверх силы нерассудительно, потому что впоследствии это делающего приводит к смущению, унынию и ропоту. Хорошо и весьма хорошо, подобно евангельской вдовице, подавать нуждающемуся, и в этом нет ничего худого; но если человек благо делает сверх силы, то он не может понести сего. Да и Бог требует того, что по силе человеку. Поэтому и богатый имеет нужду в рассудительности, чтобы не

следовать сверх силы своему помыслу и после не раскаиваться в том, что сделал. Поэтому и Павел сказал: *не с огорчением, не с принуждением ибо доброхотно дающего любит Бог* (2 Кор. 9, 7). Ибо совершенное прилично совершенным, недостаточное же — недостаточным” (Ответ 627 и 628).

Решившимся оставить все мирское и вступить в монашество блаженный Диадок весьма благоразумно советует разом раздать все свое имение. “Господь потребует от нас отчета в милостыне,— рассуждает он,— без сомнения, сообразуясь с тем, что имеем, а не с тем, чего не имеем. Итак, если я то, что мог давать в продолжение многих лет, расточу из страха Божия в короткое время, ревностно исполняя благое повеление, то за что еще буду осужден, когда не буду иметь ничего?

Итак, при самом познании истины, со вступлением в благое служение, полезно оставить безрассудное тщеславие и не хвалиться богатством, возненавидев свои пожелания (ибо это значит возненавидеть свою душу), чтобы нам не радоваться расточению имения и через то еще больше уничивать душу свою так, как бы мы ничего доброго не делали. Ибо, пока мы изобилуем богатством и если действует в нас сила добродетели, то весьма увеселяемся расточением его, как свидетельством нашего усердного повиновения

Божию повелению; а когда все издержим, постигает нас скорбь безмерная и уничтожение, ибо нам представляется, что мы не делаем ничего достойного правды. Поэтому душа обращается тогда с великим смирением к себе самой, дабы то, чего не может приобрести себе каждодневно милостыней, стяжать посредством прилежной молитвы, терпения и смирения. Ибо сказано: *нищий и убогий восхваляют имя Твое, Господи* (Пс. 73, 21)” (Добротолюбие. Т.3. Гл. 66. С. 46). “Если у тебя имя, — советует иноку прп. Исаак, — расходи его вдруг; если же ничего не имеешь, и не желай иметь” (Сл. 56. С. 287).

“Некто из святых сказал, — говорит прп. Исаак, — слеп милостивый, если не бывает справедлив; разумею же, что должен давать другому из добытого собственными усилиями и трудами, а не из добытого ложью, неправдой, ухищрениями. Если угодно сеять в нищих, то сей из собственного. А если вознамеришься сеять из чужого, то знай, это — самые горькие плевелы” (Там же. С. 277). “Но если возложишь на свою душу правило нищеты, — прибавляет св. отец, — и, по благодати Божией, освободишься от попечений и своей нищетой станешь выше мира, то смотри, не возлюби стяжания по нищелюбию, для подавания милостыни. Не ввергни души своей в смятение тем, что будешь брать у одного и давать другому; не уничтожь чести

своей подчиненностью людям и, прося у них, не утрать свободы и благородства своего ума в попечении о житейском, потому что степень твоя выше степени милостивых” (Там же. С. 286). “Когда кто-нибудь просит другого подать ему то, чего тот не имеет, — объясняет прп. Иоанн Пророк, — то он не будет осужден, если не подаст ему, потому что и апостол Петр, когда хромым просил у него милостыни, сказал: *Серебра и золота нет у меня* (Деян. 3, 6), — и не взял займы, чтобы подать ему” (Ответ 626).

6. Достоинство и степени добродетели милосердия

В большей степени достоинство милостыни зависит от цели, с какой она подается. “В цели милостыни великое различие, — рассуждает прп. Дорофей. — Иной подает милостыню для того, чтобы благословило поле его, и Бог благословляет его поле. Другой подает милостыню для того, чтобы спасся его корабль, и Бог спасет корабль его. Иной подает ее за детей своих, и Бог спасает и хранит детей его. Другой подает ее для того, чтобы прославиться, и Бог прославляет его. Ибо Бог не отвергает никого, но каждому подает то, чего он желает, если только это не вредит его душе. Но все эти уже получили награду свою, и Бог ничего не должен им, потому что

они ничего не искали себе у Него и цель, которую они имели в виду, не имела отношения к их душевной пользе” (Поучение 14. С. 166). Впрочем, прп. Сарра утверждала: “Хорошо подавать милостыню и для людей, ибо хотя подается она и по человекоугодию, но после может послужить к умилоствлению Бога” (Достопамятные сказания. С. 382,). При раздаче милостыни, не нужно страшиться огласки и прикрываться ложным смиренномудрием: “Бог судит помышления человека,— рассуждает свт. Афанасий Великий,— поэтому кто хотя бы при тысяче людей делал добро, не осудится, если только делает его для Бога, а не по человекоугодничеству” (Послание к князю Антиоху. Христианское чтение. 1842. С. 356. Вопрос 69).

“Иной подает милостыню для того,— продолжает прп. Дорофей,— чтобы избавиться от будущего мучения, для пользы души своей. Этот подает ради Бога, однако же и он не таков, как хочет Бог, ибо он еще находится в состоянии раба, а раб не добровольно исполняет волю господина своего, но боясь быть наказанным, и Бог избавляет его от мучения. Другой подает милостыню для того, чтобы получить награду — это выше первого, но и этот не таков, как хочет Бог: ибо он еще не находится в состоянии сына, но, как наемник, исполняет волю господина своего, чтобы получить от него плату и прибыль, так-

же и этот подает милостыню для того, чтобы приобрести и получить награду от Бога. Но когда делаем добро ради самого добра, тогда находимся на степени сына: ибо сын исполняет волю отца не из страха и не потому, что хочет получить от него награду, но желая угождать ему, почтить и успокоить его. Так и мы должны подавать милостыню ради самого добра, сострадая друг другу, как своим членам, и так угождать другим, как бы мы сами принимали от них услуги; подавать так, как будто бы мы сами получаем. И вот это и есть разумная милостыня; так приходим мы в состояние сына!” (Поучение 14. С. 166–167).

Различается милосердие по обстоятельствам и способу совершения самого доброго дела. “Случается,— объясняет прп. Дорофей,— что кто-нибудь находит сироту, убогую и красивую собой; она нравится ему по красоте своей, и он берет ее и воспитывает, как сироту убогую, но вместе с тем, как и красивую собой. Вот это воля Божия — благая, но не благоугодная. А благоугодная — та, когда кто делает милостыню не по какому-нибудь побуждению человеческому, но ради самого добра, из одного сострадания; это благоугодно Богу. Совершенная же воля Божия — та, когда кто творит милостыню не со скупостью, не с леностью, не с понуждением, но всей силой и всем произволением, подавая так, как будто бы сам принимал

благодаяния; тогда исполняется совершенная воля Божия!” (Поучение 14. С. 165–166).

Достоинство милосердия увеличивается по мере самопожертвования благодетеля, и по степени терпения неправд. “Истинно-милостивый,— говорит прп. Исаак,— не только дает людям милостыню из своего собственного, но и с радостью терпит от других неправду и милует их. А когда победит справедливость милостыней, тогда увенчивается не подзаконными венцами праведников, но Евангельскими венцами совершенных. Ибо подавать нищим из своей собственности, одеть нагого, любить ближнего, как себя самого,— провозглашал и ветхий закон; совершенство же Евангельского домостроительства повелевает так: *Всякому, просящему у тебя, давай, а от взявшего твое не требуй назад* (Лк. 6, 30). И следует с радостью терпеть не только несправедливое отъятие какой-либо вещи и прочее внешнее, но и саму душу полагать за брата” (Сл. 56. С. 278).

В высочайшей степени чувство милосердия сливается с чувством безграничной богоподобной любви, когда праведник совершает заповедь Спасителя: *Будьте милосердны, как и Отец ваш милосерд* (Лк. 6, 36). “Что такое сердце милующее? — вопрошает прп. Исаак, и отвечает.— Возгорение сердца у человека о всем творении: о человеках, о птицах, о животных, о демонах и о всякой тва-

ри. При воспоминании о них и при воззрении на них очи у человека источают слезы от великой и сильной жалости, объемлющей сердце. И от великого терпения умиляется его сердце и не может оно вынести, или слышать, или видеть какого-либо вреда или малой печали, претерпеваемых тварью. А поэтому и о бессловесных, и о врагах истины, и о делающих ему вред, ежечасно со слезами он приносит молитву, чтобы они сохранились и были помилованы; а также и об естестве пресмыкающихся молится с великой жалостью, какая без меры возбуждается в его сердце по уподоблению в этом Богу” (Сл. 48. С. 205–206).

7. Плоды и заслуга перед Богом добродетели милосердия

“Кто победил страсть сребролюбия,— уверяет св. Иоанн Лествичник,— тот положил конец попечениям” (Сл. 16, 7). “Это потому,— объясняет прп. Исаак,— что кто милует нищего, тот попечителем о себе имеет Бога. Почитай человеком Божиим того, кто, по великому сердоболию умертвил себя для необходимой потребности” (Сл. 57. С. 295). Напрасно мир соболезнает о тяжелой скудости и крайней нищете расточивших на милостыню свои имения! “Видел я,— свидетельствует св. Иоанн Лествичник,— что скудные

деньгами обогащались духовно житием нищих по духу, и забывали первую свою нищету” (Сл. 16, 9). “Ибо кто ради Бога обнищает,— уверяет прп. Исаак,— тот обретет неоскудевающие сокровища” (Сл. 57. С. 295).

Непреложно и верно обетование Господа нашего, что кто раздает имения во имя Его, тот и в этом веке сторицею примет, и в будущем *жизнь вечную наследует* (Мк. 10, 30).

“В отношении рачительности к добрым делам,— богословствует прп. Макарий Великий,— никто да не представляет предлога, что он не в силах совершить дел, спасающих душу; потому что Бог не повелевает рабам Своим чего-либо невозможного, но явил столько преизобильной и богатой любви и благодати Божества, что каждому дает возможность, по воле Его, сделать что либо доброе, и никто из имеющих рачительность не остается без возможности спастись. *И кто,— сказано,— напоит одного из малых сих чашею холодной воды во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей* (Мф. 10, 42).

Что удобоисполнимее этой заповеди? За чашу студеной воды следует небесная награда! И смотри, какое безмерное человеколюбие. Сказано: *Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне* (Мф. 25, 40). Повелеваемое маловажно, а приобретенное послушанием велико, и богато вознаграждается Богом. Поэтому не тре-

бует Он того, что сверх сил; но, сделаешь ли что малое или великое, награда следует за тобой, соразмерно твоему произволению. Если делаешь во имя Божие, то дар светел и неотъемлем” (Посл. С. 343).

Окружи себя престарелыми, дышащими одним благочестием,— советует свт. Климент Александрийский,— сиротами, сохранившими честность нравов; вдовицами, украшающимися кротостью и терпением; мужами с нежным, любвеобильным сердцем! Тогда и близкий уже к крушению твой корабль снова воспрянет одними святыми молитвами; самая смертельная болезнь прогонится частыми воздеяниями их рук. Видя такое прикрытие, отважнейшие из разбойников не осмелятся повредить тебе; убежат от тебя, наконец, и сами демоны, устрашаемые видом неприступной твердыни добродетелей. Все эти воины будут соперничать в бодрствовании о твоем благополучии. Они будут говорить перед тобой; но их речь обращена к Царю веков, Который в тебе обитает!” (О том, какой богач спасается? Христианское чтение. 1846. Ч. 3. С. 57).

По обетованиям Слова Божия, милостыня оказывает непостижимое действие на очищение и просвещение души. *Горящий огонь угасит вода, и милостыня очистит грехи* (Сир. 3, 30). “Здесь показывается,— изъясняет священномученик Киприан, еп. Карфагенский,—

что как купель Крещения угашает огонь геенский, так милостыня истребляет пламя греховное. И как в крещении однажды дается отпущение грехов, так непрестанное упражнение в благотворительности постоянно низводит на человека благоволение Божие; чему учит нас Господь в Евангелии: *Не Тот ли, Кто сотворил внешнее, сотворил и внутреннее? Подавайте лучше милостыню из того, что у вас есть, тогда все будет у вас чисто* (Лк. 11, 40–41)”.

И у пророка говорится: *Раздели с голодным хлеб твой и скитающихся нищих введи в дом свой; если увидишь нагого, одень его и от единокровного твоего не укрывайся. Тогда откроется, как заря, свет твой, и исцеление твое скоро возсияет; и правда твоя пойдет пред тобой, и слава Божия будет с тобой. Тогда ты воззовешь, и Бог услышит, и еще возопиешь, и Он скажет: “Вот Я!”* (Ис. 58, 7–9). Еще в другом месте сказано: *Милостыню заключи в кладовых твоих, и она избавит тебя от всякого несчастья* (Сир. 29, 15). И еще: *Милостыня от смерти избавляет и очищает всякий грех* (Тов. 12, 9)” (Сл. о милостыне. Христианское чтение. 1835. Ч. 4. С. 5 и 8). “Если милостыня могла оправдать такого нечестивца, каков Навуходоносор,— рассуждает свт. Афанасий Великий,— то, конечно, ей покрываются великие и тяжкие грехи. Послушай, что говорит св. Даниил Навуходоно-

сору: *Царь, да будет совет мой тебе угоден: милостынями грехи твои искупи и беззакония твои — милосердием к бедным* (Дан. 4, 24)” (Послание к Антиоху. Ответ 75. Христианское чтение. 1842. Ч. 2. С. 360). Потому-то прп. Исаак уверяет: “Сердце жестокое и немилосердное никогда не очистится. А человек милостивый — врач своей души, потому что как бы сильным ветром из внутренности своей разгоняет он омрачение страстей” (Сл. 41. С. 172). “Милосердие одно все может,— уверяет святейший патриарх Иеремия.— Ибо кто милосерден и любит бедных ради Господа, тот и освобождается от неоплатного долга грехов, и приобретает весь мир за ничтожную цену, и вдруг становится юным, и делается бессмертным, и царствует в небесном царстве, и, как верный раб, во всем наследует Господу и по царски богатеет по призванию Царя: *Придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира*, и проч. (Мф. 25, 34),— и, свободный от вечного наказания, наслаждается он всякого рода радостями вовеки” (Ответ лютеранам. Христианское чтение. 1842. Ч. 1. С. 248).

Очищая душу от омрачающих ее страстей, милостыня в пламенеющей чистоте любвеобильного чувства приближает сердце человека к Богу и в мире совести открывает его уму живые черты образа Божия. “Ничто не может так приблизить сердца к Богу,—

уверяет прп. Исаак, — как милостыня, и ничто не производит в душе такой тишины, как произвольная нищета” (Сл. 56). “Наше Милосердие, — объясняет в другом месте Св. отец, — пусть будет зеркалом, чтобы видеть нам в себе самих то подобие и тот истинный образ, какой в Божием естестве и в сущности Божией” (Сл. 41).

“И Сам Господь сказал, — добавляет прп. Дорофей: *Будьте милосердны, как и Отец ваш милосерд* (Лк. 6, 36). Не сказал: “Поститесь, как и Отец ваш Небесный постится”. Не сказал: “Будьте нестяжательны, как Отец ваш Небесный нестяжателен”. Но что говорит? *Будьте милосердны, как и Отец ваш милосерд*, ибо эта добродетель особенно делает богоподобным того, в ком она обитает, запечатлевая на нем образ первобытного, нетленного, благого и непостижимого существа” (Поучение 14. С. 166). “Как тот, кто имел бы другом своим Бога, — объясняет святейший патриарх Иеремия, — а через это имел бы друзьями своими и всех святых, так и тот, кто имеет милосердие, имеет уже и все добродетели” (Ответ лютеранам, Христианское чтение. 1842. Ч. 1. С. 246).

В сострадании к бедствующим происходит непосредственное общение человека с Богом. “Хочешь ли умом своим быть в общении с Богом, приравняв в себя ощущение услаждения, непорабощенного чувствам? Послужи милосты-

не, — убеждает прп. Исаак. Когда внутри тебя она обретается, тогда изображается в тебе святая красота, которой уподобляешься Богу. Всеобъемлемость дела милостыни производит в душе общение с Божеством без всякого промедления времени к единению со славою светлости” (Сл. 1. С. 7). Такое таинственное общение милосердной души с вечной любовью так объясняет прп. Ефрем: “Видят ли Бога праведные, когда делают добро? Этому научит тебя Евангелие, говоря: Тому, кто принимает слова Мои, *явлюсь ему Сам, Я и Отец Мой к нему придем и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 21–23). Как же это будет? Об этом говорит ученикам Своим: *Кто принимает вас, принимает Меня; и кто принимает Меня, принимает Пославшего Меня* (Мф. 10, 40).

Итак, когда принимаешь странников ради Христа, тогда видишь Христа; когда ради Него упокоеваешь немощных, тогда Его же видишь; когда что бы то ни было делаешь ради Него, тогда Он у тебя перед глазами, и ты созерцаешь Бога. Сказано: *Бог есть любовь* (1 Ин. 4, 8). Если имеешь любовь, видишь, Кого имеешь в себе. Как же ты видишь? Слушай опять: радуешься ты, делая добро; услаждаешься, творя дела любви; веселишься, исполняя послушание. Итак, любовь — радость и веселие; она содействует тебе в добрых делах; ты видишь Бога, содействующего тебе, ибо всякий знает того, кто с

ним делает одно дело. Любовь невидима плотским очам, но она видима очам душевным. Радуюсь и веселясь о сделанных тобой добрых делах, ты видишь Бога, и не отрицай, что видишь Его: *Бог есть любовь!* Неужели потому, что не видишь целомудрия, не усматриваешь Его и в делах? Так, хотя и не видишь Бога чувственными глазами, однако же видишь Его в любви” (Ч. 4. Сл. 99. С. 172).

Сердоболие к несчастным, особенно к грешникам, имеет в очах Божиих заслугу мученичества. “В тот день,— утверждает прп. Исаак,— в который печалишься о ком-либо страждущем каким-либо недугом, о человеке добром или злом, страждущем телесно или мысленно, почитай себя мучеником и взирай на себя, как на пострадавшего за Христа, и на сподобившегося стать исповедником. Ибо помни, что Христос умер за грешных, а не за праведных. Смотри, сколь великое это дело — печалиться о людях злых и благодетельствовать грешным более праведных! Апостол воспоминает об этом как о деле достойном удивления! (Рим. 5, 6—8)” (Сл. 89. С. 414).

VI. Негневливость и кротость

1. Что такое негневливость и кротость?

Негневливость,— определяет св. Иоанн Лествичник,— есть победа над естеством, нечувствительность к оскорблениям, происходящая от подвигов и трудов”. В дальнейшем своем развитии это спокойное чувство является среди душевных волнений “ненасытимым желанием бесчестия, подобным беспредельному желанию похвал тщеславных” (Сл. 8, 2). А совершенно утвердившись и укрепившись от долговременного навыка, оно становится “кротостью, которая есть неподвижное состояние души, одинаково пребывающее как в бесчестии, так и в чести” (Сл. 8, 3). Негневливости противопоставляется раздражительность.

2. Отчего возбуждается, как растет и до чего доходит раздражительность?

“Горячка в теле сама по себе одна,— замечает св. Иоанн Лествичник,— но имеет не одну,

а многие причины своего воспаления. Так и воспламенение и движение раздражительности имеет многие и различные причины”.

К числу главнейших причин, возбуждающих зверскую раздражительность против ближнего, святой Иоанн Лествичник относит тщеславие, сребролюбие, чревоугодие, а иногда и блуд; но чаще всего — кичение (Сл. 8, 28). Кичение, или надмение перед ближним по какому бы то ни было, даже мнимому, поводу, прп. Дорофей считает ближайшей непосредственной виной раздражительности. “Невозможно кому-либо разгневаться на ближнего,— говорит он,— если сердце его сперва не вознесется над ним, если он не уничтожит его, и не сочтет себя высшим его” (Поучение 19. С. 214).

“Не слова производят в нас огорчение,— подтверждает свт. Василий Великий,— но гордость против укорившего нас и собственное самомнение каждого” (Беседы. Беседа 10. На гневливых). Всякому известно, что страсть гнева, запав в сердце как искра, постепенно, но быстро воспламеняется иногда до неугасимого пламени, а именно: “Эта страсть обнаруживается четырьмя образами,— говорит авва Пимен: во-первых, в сердце, во-вторых, в глазах, в-третьих, на языке, а в-четвертых, в самом делании зла” (Достопамятные сказания. С. 274, 34). “Тяжкий грех,— замечает св. Иоанн Лествич-

ник,— смущать сердечное око раздражительностью, по слову сказавшего: *смутилось от ярости око мое* (Пс. 6, 8); но еще хуже — стремление души обнаруживать душевное неистовство словами; приводить же в действие и руки вовсе уже противно и чуждо житию христианскому” (Сл. 8, 19). Воспламененный в сердце гнев, как искра, может быть легко погашен, пока еще не обнаружится во враждебных взорах; но, разгораясь во взорах и изливаясь в потоках бранных слов, он становится неукротимым в яростных движениях и драке.

Поэтому прп. Пимен советует: “Если можешь очистить свое сердце, то зло не обнаружится во взорах; если обнаруживается во взорах, то берегись, чтобы не высказать зла; если же выскажешь, то скорее подави страсть, чтобы не сделать зла” (Достопамятные сказания. С. 279, 34). А когда дан полный простор гневу, то он может превратиться в безумную ярость, в ослеплении бросающуюся даже на одни представления оскорбивших лиц. “Признак крайней раздражительности человека,— говорит св. Иоанн Лествичник,— когда он один, сам с собой, и словами, и телодвижениями показывает, что он разгорячен оскорбившим его и готов препираться с ним” (Сл. 8, 13).

“Слышал я,— свидетельствует прп. отец,— что безмолвники от досады и раздражитель-

ности, как куропатки в клетке, наедине у себя, злились в келье и представляли, что насакивают на огорчившего их, как будто он тут. И дал я им благочестивый совет не оставаться в уединении, чтобы из людей не сделаться им демонами” (Сл. 8, 18). Итак, гнев приходит от различных причин, но непосредственно порождается кичением сердца, разгорается во взорах, разливается бранными словами, раздражается буйными телодвижениями, воспламеняется злобными представлениями, особенно в уединении, и, наконец, охватывает всю душу и ум адским пламенем безумного бешенства. И на самом деле, как уверяет свт. Василий Великий, “гнев в высшей степени есть кратковременное бешенство” (Беседа 10. На гневливых).

“Есть самопроизвольный демон,— подтверждает свт. Иоанн Златоуст,— добровольное бешенство, сумасшествие. Разгневанный игралищем диавола — раб демонов, достойный служитель их злобы” (Слово о кротости. Христианское чтение. 1839. Ч. 3. С. 32).

3. Последствия необузданного гнева

Даже и случайно воспламененный гнев, но не погашенный в самом начале, нередко производит самые губительные последствия, подобно тому, как иногда искра огня, раздутая в пожар, истребляет целые города. Еще

при самом своем воспламенении гнев оказывает весьма вредное влияние на тело и на душу гневающегося, а именно производит сильное волнение крови, удушливый жар в сердце, смущение и помрачение в мыслях и, наконец, потерю сознания и свободы, и даже ослепление внешних чувств (Поучение 8 прп. Дорофея. С. 114 и далее).

“Справедливо сказано,— говорит свт. Василий Великий,— что *муж во гневе неблагоприятен* (Притч. 11, 25), ибо страсть эта, однажды подавив рассудок и похитив владычество над душою, делает человека совершенным зверем, лишает его рассуждения и не дает ему быть человеком. Гневные сперва терзают самих себя, а потом и всех ближних своих. Как стремительные потоки, низвергаясь в пропасть, увлекают все им встречающееся, так объятые гневом насильственными и неудержимыми порывами устремляются на все без исключения. Ни острое меча, ни огонь, ни другой какой страх не может остановить душу, пришедшую в неистовство от гнева, подобно как и одержимых бесом, от которых гневные не отличаются ни видом, ни душевным состоянием.

Ибо в сердце людей, дышащих мщением, кипит кровь, возмущенная и волнуемая как бы сильным огнем; и, устремившись на поверхность тела, представляет гневного в другом виде, отличном от обыкновенного и

всем известного, изменяя его так, как если бы он был одет в театральную маску. Глаза гневных бывают в неестественном и необыкновенном состоянии: взор дикий и сверкающий подобно огню; зубами они скрежешут, как разъяренные вепри; лицо бледное и багровое; все тело в сотрясении; жилы натянуты от внутренней бури и стремительного дыхания; голос грубый и напряженный; речь сбивчивая, течет с языка без рассуждения, без остановки, без смысла. Когда же они от сильного раздражения вспыхивают, как пламень от прибавки горячего вещества, тогда бывает такое зрелище, какого ни словами выразить, ни на деле вынести невозможно” (Беседа 10. На гневливых).

Дальнейшие порождения раздражительности, вводящие человека в конечную пагубу, по указанию св. Иоанна Лествичника, это памятозлобие, ненависть, вражда, тяжба (Сл. 8, 28). Каждое из этих исчадий ада способно навеки погубить человека, как свидетельствует Слово Божие, например, о ненависти: *Всякий ненавидящий брата своего есть человекоубийца; и вы знаете, что никакой человекоубийца не имеет жизни вечной, в нем пребывающей* (1 Ин. 3, 15).

“Ненавидящий брата своего,— объясняет прп. Кассиан,— называется человекоубийцей. Он убивает его ненавистным расположением к нему своего сердца. Люди не видят, что

кровь его пролита мечом; но что он погублен мысленно ненавистным к нему расположением, это видит Бог, Который не только за дела, но и за мысли и намерения воздает каждому или венцы, или наказания” (Собеседования. Книга 8. О гнев. Гл. 19. С. 112).

Укоренившаяся от частого и долговременного обнаружения гневливость — произвольная болезнь, которая непрестанно мучает одержимого этой губительной страстью. “Раздражительный,— говорит св. Иоанн Лествичник,— по временам произвольно увлекаясь этою страстью, потом уже и от навыка невольно побеждается и сокрушается ею” (Сл. 8, 11). “Гнев — такая болезнь,— уверяет свт. Иоанн Златоуст,— что надо немного времени для того, чтобы погиб одержимый ей. Посему и сказал некто: “Устремление ярости его — падение ему”, — показывая особенно в том ее жестокость, что она в короткое время наносит великую пагубу и не имеет нужды в продолжительном времени; а если бы при ее свирепости она была продолжительна, то была бы болезнь опаснейшая” (Беседа 87 на евангелиста Матфея.ч. 3).

Гневливость почти невольно вовлекает в многообразные и страшные преступления: в ссоры, драки, убийства, поношения, клеветы, обиды и подобное этому. “Во время гнева,— говорит свт. Василий Великий,— язык необуздан, уста не закрываются, руки неудержимы.

Ругательства, укоризны, злословия, и бесчисленное другое зло — порождения гнева и ярости. От гнева и меч изощряется, и человек предается смерти рукою человеческой. От гнева братья не узнают братьев, родители и дети забывают природу. Разгневанные устремляют руки свои на имеющих с ними одно естество и поражают где попало: ногами попирают важнейшие части тела, и все, что ни попадет на глаза, делается орудием их бешенства.

Если же случится им встретить еще равное сопротивление или такой же гнев и такое же неистовство, то, схватившись между собой, столько друг другу наносят и друг от друга терпят зла, сколько только возможно им под влиянием такого беса. И в награду своего бешенства сражающиеся получают или сокрушение членов или и самую смерть. Один напал, другой отразил; тот повторил, этот не уступил; тело раздробляется от ударов, но ярость отнимает чувство болезни: им некогда чувствовать страдание, когда вся душа их занята одним чувством — отомстить за оскорбление” (Беседа 10. На гневливых. С.166—167).

“Жалкое зрелище замечал я в гневливых,— говорит св. Иоанн Лествичник,— какое по сомнению представляли они из себя, сами того не примечая: разгневанные, гневались они еще на то, что побеждены гневом. И я дивился, видя, как одно падение влекло за собой другое; жалел, глядя, как

грех наказывают они грехом же, и, приведенный в ужас коварством демонов, едва не отчаялся в жизни своей” (Сл. 8, 24).

По своей внезапности и неукротимости гнев иногда в одно мгновение может уничтожить плоды самых тяжких и продолжительных подвигов. “Возможно такое возгорание пламени раздражительности,— свидетельствует прп. Иоанн,— вдруг раздуваемое сильным ветром, которое попадает и губит ниву сердца больше, чем продолжительный пожар” (Сл. 8, 8). “Гнев, ежедневно усиливаясь,— говорит прп. Симеон,— пожирает весь успех в добре и крепость несчастной души, и человек тогда живет только для греха и вовсе мертв для правды” (Деятельные главы. Гл. 31. С. 516).

Самое губительное последствие раздражительности, по указанию Св. Отцов, состоит в том, что мрачное смущение души от гнева ставит непроницаемую преграду светоносным лучам благодати Божией и совершенно противно Богу — Отцу мира и любви. “Если Дух Святой (как определяют и как это есть в действительности) — мир душевный,— заключает св. Иоанн Лествичник,— а гнев — смятение сердца, то ничто не полагает такой преграды присутствию в нас Духа Святаго, как раздражительность” (Сл. 8, 14). “Гневливый человек,— уверяет прп. Агафон,— хотя бы и мертвого воскресил, не будет угоден перед Богом” (Достопамятные сказания. С. 45, 19).

4. Средство против раздражительности

Так как раздражительность возбуждается от различных причин, “то и невозможно,— говорит св. Иоанн Лествичник,— предписать против них одинаковое правило. Даю же лучше такое мнение: для каждого из недугующих с особенным тщанием подыскивать свой способ врачевания.

Первым же способом врачевания,— продолжает св. отец,— да будет выяснение причины своих страданий, чтобы, когда причина найдена, получить и надлежащий пластырь от Промысла Божия и от духовных врачей” (Сл. 8, 28).

Всякая страсть, по учению Св. Отцов, проистекает из одного тройственного источника похоти — сластолюбия, сребролюбия и тщеславия. Потому прп. Дорофей советует: “Если не хочешь впасть в раздражительность, то отнюдь не имей пристрастия к вещам” (Поучение 18. С. 185). “Не желай, чтобы все делалось так, как ты хочешь; но желай, чтобы оно было так, как будет, и таким образом будешь мирен со всеми. И веруй, что все случающееся с нами, до самого малейшего, бывает по промыслу Божию, и тогда ты без смущения будешь переносить все находящее на тебя” (Поучение 17. С. 184).

“Каким образом можно не приходить в гнев? — предлагает вопрос свт. Василий Вели-

кий, и отвечает.— Если всегда будешь пребывать в той мысли, что ты — перед очами Бога, сущего близ тебя. Ибо какой подданный в глазах государя отважится на что-нибудь ему неуютное?” (Краткие православные вопросы. Вопрос 29).

Совершенно уничтожает гнев и даже вовсе не допускает его, по учению Отцов, блаженное смирение. Прп. Дорофей говорит: “Смирение ни на кого не гневается, и никого не прогневляет, и считает это совершенно чуждым себе” (Поучение 2. С. 40). “Как с явлением света удаляется тьма,— говорит св. Иоанн Лествичник,— так при благоухании смирения исчезают всякая досада и раздражительность” (Сл. 8, 6). Поэтому свт. Василий Великий советует: “Истреби в себе две мысли: не признавай себя достойным чего-либо великого и не думай, что другой какой человек многим ниже тебя по достоинству” (Беседа 10. На гневливых). “Обучись предварительно смиренномудрию, которое Господь и словом заповедал, и делом показал” (Там же). “Поэтому не ожидай повинования от других, но сам будь готов к повинованию, почитая всех высшими себя” (Краткие православные вопросы. Вопрос 29.).

Когда гнев от одного оскорбительного слова, как искра, возгорится в сердце, “тогда,— говорит прп. Дорофей,— если ты перенесешь оскорбительное слово, то ты и погасил

уголек. Если же будешь думать: “Зачем он мне это сказал? И я ему скажу то и то!” — то ты, подобно разводящему огонь, производишь дым, который есть смущение; однако и его, если хочешь, можешь удобно погасить, пока оно еще ново, молчанием, молитвой, одним поклоном от сердца” (Поучение 8. С. 100). То же советует и прп. Аммон Нитрийский: “Если ты, оскорбленный чем-либо, чувствуешь, что скорбь и гнев объяли тебя, сохраняй молчание, и до тех пор не говори ничего, пока непрестанной молитвой не умирится твое сердце, и тогда можешь говорить с братом” (Прибавление к Творениям Св. Отцов. 1854. Ч. 13. С. 203).

К тому же убеждает и Василий Великий: “Если от оскорбления и страждет несколько душа, удержи прискорбное внутри себя. Ибо сказано: *Во мне смутилось сердце мое* (Пс. 142, 4), т. е. страсть не показалась наружу, но усмирилась подобно волне, разбившейся внутри берегов. Успокой свое лающее и расшвирипевшее сердце. Пусть страсти твои устыдятся присутствия в тебе разума, как резвые дети стыдятся пришествия достопочтенного мужа” (Беседа 10. На гневливых). “Обидел ли кто тебя? — внушает свт. Иоанн Златоуст,— огради крестным знаменем грудь, вспомни, что происходило на Кресте,— и все погаснет. Не думай об одних обидах, но вспомни вместе и о добре, какое ты

когда-нибудь получил от обидевшего, и тотчас сделаешься кротким. Особенно прежде всего приведи себе на мысль страх Божий, и скоро сделаешься умереннее и тише. При этом возьми пример с рабов. Когда бранишься на кого-нибудь из них, а тот молчит, то представь, что можно быть благоразумнее, и укори себя за свирепость. Приучайся не оскорблять другого во время самих обид, и тогда, будучи оскорбляем, не будешь чувствовать скорби. Представь, что обижающий тебя в испуге и не в своем уме, и тогда не будешь досадовать на обиду. Ибо беснующиеся, случается, бьют нас; однако мы не только не гневаемся на них, но и сожалеем о них. Поступай и ты так; пожалей об обижающем тебя, ибо он одержим лютым зверем — яростью, демоном неистовым — гневом. Поспешి освободить того, кого мучает злой демон и который так скоро погибает” (Беседа 8 на евангелиста Матфея. Ч. 3. С. 468).

Иногда обязанность начальствования, или какой-либо другой законный и необходимый долг не позволяют ответить молчанием оскорбившему, а, напротив, требуют непременно выговора. В таком случае св. Иоанн Лествичник советует: “Если хочешь, или вернее сказать, предполагаешь вынуть у другого сучок, то вместо иглы не употреби бревна, которым вонзишь сучок еще глубже. А бревно это — грубые слова, неприличные

телодвижения, игла же — это кроткое вразумление и великодушный выговор. *Обличай*,— говорит апостол,— *запрещай, увещевай* (2 Тим. 4, 2), но не сказал он: “бей”. Если же и это потребуется, то употребляй такую меру редко, и то не сам собою” (Сл. 8, 20). Для предотвращения всегда губительной раздражительности в подобных случаях нужно пользоваться прекрасным обычаем прп. аввы Романа, который, умирая, говорил своим ученикам: “Никому из вас я не поручал никакого дела, если прежде не положил в уме своем не гневаться, когда слово мое не будет исполнено. Таким образом все время наше мы прожили в мире” (Достопамятные сказания. С. 351).

Самым верным средством к подавлению раздражительности служат вера в благотворность оскорблений и благоговейная любовь к братьям во Христе. Поэтому прп. Дорофей убеждает: “Веруй, что бесчестия и укоризны — это лекарства, врачующие гордость твоей души, и молись об укоряющих тебя как об истинных врачах души твоей, будучи уверен, что тот, кто ненавидит бесчестие, ненавидит смирение и кто избегает огорчающих его, тот убегает кротости. Не желай знать пороков ближнего твоего и не принимай на него подозрений, внушаемых тебе врагом. Если же они и возникают в тебе, по порочности природы нашей, то старайся обращать их в добрые помышления о ближнем твоём” (Почтение 17. С. 184).

5. Надлежащее употребление раздражительности

Раздражительность — врожденное свойство сердца, и дана нам, без сомнения, на пользу, а не во вред, подобно тому, как и огнем мы можем пользоваться во благо и злоупотреблять. “Поэтому как избежим вреда, причиняемого нашей гневливостью? — спрашивает свт. Василий Великий, и отвечает.— Так, если внушим своей раздражительности не опережать рассудка, но прежде всего позаботимся, чтобы она никогда не шла впереди мысли. Станем же обходиться с ней, как с конем, который дан нам в управление, как к некоторой узде, чтобы она покорялась разуму, никогда не выступала из собственного своего долга, но шла, куда ей укажет разум.

Раздражительная сила души пригодна нам для многих дел добродетели, когда она, подобно какому-то воину, сложившему оружие перед вождем, с готовностью подает помощь, где приказано, и споборствует разуму против греха. Ибо раздражительность — душевный нерв, сообщающий душе силу к прекрасным предприятиям. И если случится, что душа расслаблена сластолюбием, раздражительность, закалив ее, как железо закаливается погружением, из слабой и весьма изнеженной делает ее мужественной и суровой. Если ты не раздражен против лукавого,

невозможно тебе ненавидеть его, сколько должно. Думаю, что с равной ревностью следует и любить добродетель, и ненавидеть грех. Для этого же весьма полезна раздражительность, когда она, как пес за пастухом, следуя за рассудком, остается кроткой и послушной тем, которые оказывают помощь, скоро бежит на зов рассудка, но приходит в свирепость от чужого голоса и взора, хотя, по-видимому, они и дружелюбны; сжимается же от страха, когда слышит голос знакомого и друга. Таким образом, раздражительность, приводимая в действие, когда следует и сколько следует, производит мужество, терпение и воздержание, а если действует вопреки здравому разуму, обращается в бешенство!” (Беседе 10. На гневливых).

Подробнее описывает употребление раздражительности свт. Иоанн Златоуст: “Мы имеем гнев не для того, чтобы оскорблять ближних, но чтобы обращать согрешающих, чтобы приходиться в себя, чтобы не предаваться беспечности. Гнев нам дан вместо возбудительного средства, чтобы скрежетать зубами против диавола, чтобы усиливаться против этого врага, а не для того, чтобы восставать друг на друга. Владеем этим оружием не для того, чтобы сражаться против самих себя, но чтобы обращать его на своего врага. Ты гневлив? Будь таким против своих грехов, брани душу, бей совесть, будь строгим и непреклонным судьей для своих собственных

проступков. Вот польза от гнева! Вот для чего Бог вложил его в нас!” (Беседа 2 на Послание к Ефесянам. С. 321).

Блаженный Диадок прибавляет: “Мне кажется, что того, кто по ревности к благочестию благоразумно гневается, весы воздаяния непременно найдут достойнее того, кто по причине недвижимости ума своего никогда не приходит в гнев; поскольку у последнего, очевидно, ум, управляющий человеческими мыслями, не образован упражнением, а у первого способен к подвигам на конях добродетели и носится посреди демонских полчищ, всегда упражняя в страхе Божиим четвероконницу воздержания, которую Писание называет колесницею Израилевою” (Добротолюбие. Т. 3. Гл. 62. С. 40).

6. Признаки и степени негневливости и кротости

О негневливости своей мы должны судить не потому, что весьма редко приходим в гнев, ибо в спокойном уединении, окруженные услугами и уважением от всех, мы можем не встречать случаев, возбуждающих нашу раздражительность. Но должны испытывать, с каким расположением сердца мы переносим обиды и бесчестие. Для этого Св. Отцы представляют следующие признаки негневливости:

“Кто будучи подвергнутым бесчестию или обижаемым от других,— замечает прп. Симеон,— сильно скорбит в сердце, тот из этого должен познать, что он внутри себя носит древнего змия. Если же с молчанием перенесет обиду, или с глубоким смирением будет отвечать обидящему, то он тем ослабил и сокрушил сего змия” (Деят. главы. Гл. 31. С. 516).

“Начало негневливости,— говорит св. Лествичник,— есть молчание уст при смятении сердца; середина — молчание помыслов при легком смятении души, а конец — незыблемая тишина при дыхании нечистых ветров” (Сл. 8, 4). Или яснее в другом месте определяет св. отец : “Начало блаженного незлобия — принимать бесчестие с огорчением и с болезнью душевною; середина же — иметь беспечальное расположение духа в бесчестии; а совершенство, если оно возможно,— вменять себе бесчестие в похвалу” (Сл. 8, 23).

“Признак крайней кротости — и в присутствии раздражающего быть к нему расположенным в сердце с миром и любовью” (Сл. 8, 13).

“Видел я,— свидетельствует св. Лествичник,— трех вместе потерпевших бесчестие монахов. Один почувствовал оскорбление, но смолчал; другой радовался о себе, но печалился о злословившем; третий же, вообразив, какой вред потерпел ближний, проливал горячие слезы! Так можно было видеть здесь делателей страха, мзды и любви” (Сл. 8, С. 27).

VII. Целомудрие, или непорочность

“**П**ервое исчадие неистового чревоугодия,— говорит св. Лествичник,— есть плотская брань; и это неудивительно. Этому научает нас древний наш праотец Адам; ибо если бы он не был побежден чревом, то, конечно, не познал бы, что такое жена. Посему соблюдающие первую заповедь — о воздержании — не впадают во второе преступление — нарушение целомудрия — и, хотя пребывают сынами адамовыми, однако не ведают, чем стал Адам по падении, но бывают лишь немногим ниже Ангелов” (Пс. 8, 6) (Предисловие к Сл. 15, 1).

1. Отчего порождается плотская похоть?

“Отец мой — самолюбие,— говорит у св. Лествичника похотливая плоть.— Причина внешнего раздражения — угождение самому себе и, вообще, покой. Причина внутренних

движений — в предшествовавшем покое и в прежних делах” (Сл. 15, 86). Подробнее изображает этот троякий источник плотской похоти прп. Антоний Великий: “Думаю, что в теле есть движение естественное, прирожденное ему. Но оно не действует, когда душа не хочет того и показывает в теле только движение бесстрастное, и другое движение, происходящее от питания и разгорания тела пищей и питьем. Потому-то и говорит апостол: *Не упивайтесь вином, от которого бывает блуд* (Еф. 5, 18). Равно и Господь заповедал ученикам Своим: *Смотрите, чтобы не отягчались сердца ваши объедением и пьянством* (Лк. 21, 34). В подвижниках же бывает еще и новое движение, которое происходит от коварства и зависти демонов” (Достопамятные сказания. С. 11, 22).

“То, что человек искушается своею похотью,— объясняет прп. Варсонофий Великий,— можно узнать из того, что он нерадит о себе и позволяет сердцу своему размышлять о сделанном им прежде, и тогда человек сам собою навлекает на себя страсть через свою похоть. Ум его, мало-помалу ослепляемый страстью, начинает незаметно для него самого обращать внимание на того, к кому чувствует влечение, или говорить с ним и находить повод для того, чтобы с ним побеседовать или посидеть, и всеми средствами старается исполнить свое желание. Если

позволить мысли обращаться в этом, то умножится брань до падения, хотя и не телом, но духом, в согласии с помыслами, и оказывается, что такой человек сам зажигает огонь в своем веществе. А та брань, которая бывает от диавола, происходит так: сердце желающего спастись боится, как бы не принять ему в себя семени вражеского, и в этом случае человек трезвенно хранит себя от злых воспоминаний, чтобы не увлечься страстными помыслами, и от встречи, беседы, и всякого повода к свиданию” (Руководство к духовной жизни. Ответ 253).

На разных степенях духовного совершенства и похоть плоти порождается от разных причин. “У новоначальных,— говорит св. Лествичник,— грехопадения обыкновенно бывают большей частью от наслаждения снедами; у людей среднего духовного возраста — кроме как от того, что доводит до падения новоначальных, еще и от высокоумия; а у приближающихся к совершенству единственно — от осуждения ближнего” (Сл. 15, 20).

“Всего более подвергаются неразумным и неблагоприятным движениям плоти,— говорит св. Лествичник,— покорившиеся демону тщеславия, которые, часто уже не примечая в сердце своем блудных помыслов, преклоняются к тщеславию” (Сл. 15, 78). “Тщеславие — служитель блуда,— уверяет прп. Исаак Сирий.— Оно, по причине

непрестанного мятежа и смущения помышлений, из всего собирает нечистые соко­вища и оскверняет сердце. Оно непотребным взором смотрит на природу вещей и зани­мает ум срамными представлениями” (Прп. Исаак Си­рин. Сл. 56. С. 280). Такое унижение гордой души срамными помыслами допуска­ется для ее исправления. “Ви­дел я,— свидетельствует св. Лествичник,— что гордость приводила к смиренномудрию. И вспомнил сказавшего: *Кто познал ум Господень?* (Рим. 11, 34). Ров и плод кичения — падение. Падение же в желающих спастись нередко бывает поводом к смиренномудрию” (Сл. 15, 38).

Чаще всего по непосредственным поводам страсть рождается либо от помыслов, либо от самих предметов. “Иные говорят,— замечает св. Лествичник,— что от сердечных помыслов страсти входят в тело. А иные утверждают обратное — что от телесных чувств рождаются лукавые помыслы” (Сл. 15, 75). Святой отец утверждает, что бывает и то, и другое. Однако, как прибавляет он, “последнее бывает с живущими в мире, а первое — с ведущими монашескую жизнь — по недостатку внешних возбуждений” (Сл. 15, 76).

2. Тяжесть порока блудодеяния

В кратких, но ужасающих чертах пред­ставляет св. Лествичник важность преступ­

ления против собственного тела. “*Если всякий грех, который делает человек, вне тела, а блудник грешит против собственного тела* (1 Кор. 6, 18–19), то это, без сомнения, потому, что блудом мы оскверняем саму сущность нашей плоти, чего не может быть при другом грехе” (Сл. 15, 43). “Господь, как Нетленный и Бесплотный, радуется о непорочности и не­растлении нашего тела. А демонов, как утвер­ждают некоторые, ничто иное столько не раду­ет, как зловоние блуда, и никакая другая страсть столько не веселит, как осквернение тела” (Сл. 15, 35). “Потому что блудник,— объясняет свт. Афанасий Великий,— из са­мой плоти своей, как некую жертву, свое се­мя приносит сатане” (Послание к князю Ан­тиоху. Вопрос 83. Христианское чтение. 1842. Ч. 2. С. 366).

“Один знающий муж,— рассказывает св. Лествичник,— предложил мне страшный во­прос: “Какой грех самый тяжкий после чело­векоубийства и отречения от Бога?” И когда я сказал: “Впасть в ересь”,— он спросил: “Почему же Соборная Церковь принимает еретиков, если они искренне проклинают свою ересь, и даже удостоивает их Прича­щения Св. Таин, а того, кто впал в блуд, е­сли он и исповедует, и оставит грех, при­нима­я, повелевает, по Апостольским прави­лам, на многие годы отлучать от Причаще­ния Пречистых Таин?” И так как я пришел

в недоумение, то затруднявшее меня осталось неустранимым и нерешенным” (Сл. 15, 49).

“Впрочем,— замечает св. Лествичник,— одно и то же грехопадение часто навлекает на одного во сто крат большее осуждение, нежели на другого, в зависимости от нрава согрешившего, места, где грех был содеян, духовного возраста согрешившего и от многих других причин” (Сл. 15, 58). “Хотя всякий блуд — грех весьма тяжкий,— рассуждает свт. Афанасий Великий,— однако блудник, имеющий жену, подлежит большему осуждению, нежели не имеющий жены. Большему — имеющий добрую жену, нежели злую; большему — блудящий в старости, нежели в крепости сил; большему — блудящий непрестанно, нежели тот, кто только по временам впадает в этот грех; большему — тот, кто, будучи от природы не пылкого, но спокойного нрава, разгорячает себя яствами и воспаляет к удовольствию.

Есть множество других различных наказаний, установленных от Бога для блудников, а именно: один суд над тем, кто грешит со многими, губя многие души вместе с собственной; и другой суд услышит тот, кто, поддаваясь греху, однако стыдится и остерегается его совершить; и третий — тот, кто, поправ стыд, предается ему. Имеющий жену и блудящий с замужнею виновен в сугубом прелюбодействе; но самый страшный суд

ожидает того, кто соблазняет деву, посвященную Богу, равно как и того, кто покровительствуя обижаемой женщине, блудно живет с нею, получая таким образом плату за свое покровительство.

Все это видит и рассматривает праведное око Божие, судя Своим неизреченным и нелицеприятным Судом, взвешивая каждое преступление на весах верных, страшных для насмешников и поругателей” (Послание к князю Антиоху. Вопрос 84. Христианское чтение. 1842. Ч. 2. С. 366). Но во всяком случае, как утверждает прп. Матой, “прелюбодеяние, по естеству своему, уже смерть” (Достопамятные сказания. С. 232, 8).

3. Виды плотской страсти

“Многовиден змий плотоугодия! — восклицает св. Лествичник.— Но я не осмеливаюсь писать о нем подробно, потому что руку мою удерживает сказавший: *о том, что они делают тайно, стыдно и говорить, и писать, и слышать*” (Еф. 5, 12) (Сл. 15, 30). Если благопристойность и высокое благоразумие удерживало Св. Отцов от подробного изображения всех мерзостей плотской похоти, то это же самое благоразумие и отеческая предусмотрительность побуждали их внушать своим духовным чадам тонкое различие духаискусителя, который не менее разнообразно

оскверняет душу подвижника мерзкими помыслами, как оскверняет его тело мерзкими делами.

“Ибо есть блуд, совершаемый телесно,— уверяет св. Макарий Великий,— и блуд души, вступающей в общение с сатаною. Посему, если внешне ты соблюдаешь свое тело от растления и блуда, а внутренне любодействуешь и творишь блуд в помыслах своих, то ты прелюбодей перед Богом и девственное тело твое не принесет тебе пользы. Как если юноша, хитростью обольстив девицу, растлит ее, то мерзкою делается она жениху своему за любодейство, так и бесплотная душа, вступающая в общение с живущим внутри змием — лукавым духом — блудодействует перед Богом. И написано: *Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем* (Мф. 5, 28). Одна и та же душа бывает сообщницей и сестрой или демонов, или Бога и Ангелов и, прелюбодействуя с диаволом, делается уже неблагоприятною для Небесного Жениха” (Беседа 26, 13).

Преподобный Нил Синайский объясняет, как совершается в душе это внутреннее любодеяние. “Когда блудный помысел соединяется с духом твоим,— говорит он,— тогда душа твоя сродняется с обольстительным в ней впечатлением. Демон принимает на себя лицо женское (в воображении по-

движника), чтобы привлечь душу к соединению с ним. Бесплотный демон принимает на себя облик образа, чтобы непотребным помыслом ввести в блуд душу. Поэтому не увлекайся не имеющим существенности призраком, чтобы не сделать чего-либо подобного и плотью. Обольщены были духом блуда все таковые, не отразившие с помощью креста внутреннего прелюбодеяния духов” (Первое Слово к Евлогию. Ч. 1. Гл. 19. С. 248).

Это внутреннее любодеяние души может простираться до крайней степени растления, как заключает св. Лествичник: “Если признак истинной непорочности — не приходить в движение от сонных мечтаний, то, без сомнения, крайняя степень похотливости — подвергаться извержениям от помышлений в бодрственном состоянии” (Сл. 15, 13).

Другие виды внутреннего любодеяния так обозначаются у св. Лествичника: “По определению рассудительных Отцов, одно — прилог, другое — сочетание, третье — сосложение, четвертое — пленение, пятое — борьба и шестое — так называемая страсть в душе. Сии блаженные определяют, что прилог— простое слово или образ какого-нибудь предмета, вновь являющийся уму и вносимый в сердце. Сочетание — собеседование с явившимся образом по страсти или бесстрастно. Сосложение же — согласие души с представившимся помыслом, соединенное с

услаждением. Пленение — насильственное и невольное увлечение сердца или продолжительное мысленное собеседование с предметом, разоряющее наше доброе устройство. Борьбою называют равенство сил борющегося и боримого в брани, где последний произвольно или побеждает, или бывает побеждаем. Страстью называют уже сам порок, с течением времени вогнездившийся в душе и через навык сделавшийся как бы природным ее свойством, так что душа уже произвольно, сама собой, к нему стремится.

Из всех сих первое безгрешно; второе же не совсем без греха, а третье судится по усмотрению подвижающегося: борьба бывает причиною венцов или мучений. Пленение же судится одним образом, если произошло во время молитвы, другим — если произошло в иное время; одним образом — в отношении предметов безразличных, т. е. ни худых, ни добрых, и другим — если было связано с худыми помышлениями. Страсть же, без сомнения, подлечит во всех случаях или соразмерному покаянию, или будущей муке; но кто первое (т. е. прилог в мысли) помышляет бесстрастно, тот одним разом отсекает все последнее” (Сл. 15, 73).

“Просвещеннейшие и рассудительнейшие из Отцов,— продолжает св. Лествичник,— заметили еще иной помысл, утонченнее всех вышепоказанных. Его называют

“набегом мысли”, и он проходит в душе столь быстро, что без времени, без слова и образа мгновенно представляет подвижающемуся страсть. В плотской брани среди духов злобы нет ни одного быстрее и неприятнее сего. Он одним тонким воспоминанием, без сочетания, без продолжения времени, неизъяснимым, а в некоторых случаях даже неведомым образом вдруг является в душе. Кто плачем успел постигнуть такую тонкость помысла, тот может нас научить, каким образом одним оком, простым взглядом, осязанием руки и слышанием пения, без всякой мысли и помысла душа может любодействовать страстно” (Сл. 15, 74).

4. Испытания от духа блуда

Неисчислимы и неизобразимы испытания, наводимые демоном блуда. Он претерпевает тысячи видоизменений, принимает самые благовидные образы, чтобы завлечь несчастную душу в сети вечной гибели. “Лисица притворяется спящею,— говорит св. Лествичник,— а демон целомудренным. Та хочет обмануть птицу, а сей — погубить душу” (Сл. 15, 16). Отцы-подвижники внушают иметь крайнюю бдительность в отношении помыслов и всегдашнее недоверие к собственным силам. “Как царский оруженосец,— говорит прп. Пимен,— всегда стоит

перед царем в готовности, так и душа всегда должна быть готова противостоять демону блуда” (Достопамятные сказания. С. 193, 14). “Не доверяй сему брэнному телу во все время жизни своей,— предостерегает св. Лествичник,— и не полагайся на него, пока не предстанешь Христу” (Сл. 15, 17). Вот некоторые коварства демона блуда, замеченные св. подвижниками.

“Змий сладострастия многообразен. Не вкусившим сласти греха он внушает, чтобы те только однажды вкусили ее и перестали грешить, а вкусивших коварный побуждает воспоминанием опять к совершению греха. Многие из первых, поскольку не знают этого зла, бывают свободны и от борьбы. А из последних многие, как познавшие опытом эту мерзость, терпят угнетение и брани. Впрочем, часто случается и совсем противное этому” (Сл. 15, 67).

“Посмотрим на мысленных врагов наших,— предлагает св. Лествичник.— В их ополчении против нас не так же ли, как и в видимой брани, каждому из них велено исполнять поручение, ему собственно данное? К удивлению своему, замечал я это в искушаемых и видел, что бывают падения, одни тяжелее других” (Сл. 15, 28).

“И бесчеловечный наш враг, наставник блуда, внушает, что Бог человеколюбив и много снисходит к сей страсти, как к естест-

венной. Но вникнем в коварство демонов и найдем, что по совершении греха они же представляют нам Бога праведным и неумолимым Судиею. Первое они утверждали, чтобы вовлечь нас во грех. А второе говорят, уже чтобы повергнуть нас в отчаяние. И пока печаль и отчаяние сильны, мы не можем приносить должного покаяния, ни обвинять себя, ни укорять, хотя в печальном расположении души и не предаемся греху. А когда они угасли, снова приступает к нам мучитель, обольщая нас Божиим человеколюбием” (Сл. 15, 33—34).

“Этот демон тщательнее других выбирает времена, удобные для уловления нас. И когда видит, что мы не можем помолиться против него телесно, тогда этот нечистый старается особенно нападать на нас. Но отвращаясь от врага,— предостерегает св. отец,— когда он по совершении греха препятствует тебе молиться, упражняться в благочестивых делах и пребывать во бдении. Помни сказавшего: *и как утруждает меня душа сия, мучимая порочными навыками, то избавлю ее от врагов ее*” (Лк. 18, 5) (Сл. 15, 75, 83, 85).

“Не оставайся в неведении, юноша! — призывает прп. Иоанн.— Видел я, что иные от души молятся о любимых ими и, движимые блудною мыслью, думают, что вспоминают о них по долгу и исполняют закон любви” (Сл. 15, 49).

“Ощущал я во время искушений, что сей волк (демон блуда) хочет обольстить меня, производя в душе моей неразумную радость, слезы и утешение, и, по младенчеству своему, я думал найти в этом плод благодати, а не вред” (Сл. 15, 42). Потому св. отец открывает нам: “Склонные к сластолюбию часто бывают сострадательны, милостивы, ласковы и готовы плакать с другими. Попечительные же о непорочности не имеют их свойств в такой же мере” (Сл. 15, 46). “Потому, рассуждая об услаждении, ощущаемом нами при псалмопении, будем исследовать, взвешивать и наблюдать, какое услаждение бывает в нас от блудного демона, и какое — от слов Духа и от заключающейся в них благодати и силы” (Сл. 15, 48).

“У демона в обычае — особенно в борьбе с подвижниками и проводящими уединенную жизнь — употреблять вею свою стремительность, все старание, всю хитрость, все коварство и все выдумки, чтобы нападать на людей одним тем, что противоестественно, а не тем, что естественно. — Думаю, что окаянные убийцы наши имеют обычай ввергать нас, бедных, в противоестественные падения, ставя перед собой две цели: чтобы везде у нас было много средств к падению и чтобы мы заслуживали тем большее наказание” (Сл. 15, 29, 30).

“Возлеги на постель, будем особенно трезвиться, потому что тогда ум наш один, без тела, борется с демонами. И если он сластолюбив, то охотно делается предателем. Пусть непременно вместе с тобою засыпают и вместе восстают от сна памятование смерти и мысленная Иисусова молитва. Ведь, кроме сего, ты не найдешь себе иной подобной помощи во время сна” (Сл. 15, 52, 53).

“Извержения во сне бывают от изобилия снедей и от излишнего покоя. Бывают также от гордости, когда мы кичимся тем, что долгое время не были подвержены истечениям. А еще бывают и от осуждения ближнего” (Сл. 15, 54). “Непристойные ночные мечтания, — прибавляет св. Василий Великий, — бывают еще вследствие беспорядочных движений души в продолжение дня. А если душа пребудет чистою, размышляя о судах Божиих, и непрестанно станет поучаться тому, что прекрасно и угодно Богу, то и сновидения будут таковы же” (Краткие православные вопросы. Вопрос 22).

“Если же кто, — заключает св. Лествичник, — по строгом самоиспытании, не найдет в себе ни одной из сказанных выше причин, то блажен делатель такого бесстрастия. Если с ним и случится это, то единственно по зависти демонов, когда Бог на время попустит это, чтобы через безгрешное злоключение доставить ему высочайшее смирение” (Сл. 15, 54).

Общее предохранительное средство против ночных осквернений предлагает прп. Пимен: “Если мы постоянно будем работать и внимательно следить за собою, то не найдем в себе осквернения” (Достопамятные сказания. С. 314, 165). А св. Лествичник предостерегает от последствий: “Никто да не имеет привычки днем размышлять сам с собою о бывших во сне мечтаниях. Ибо это демоны используют с той целью, чтобы сновидениями осквернить нас и в бодрствовании” (Сл. 15, 55).

“Не надейся,— предостерегает св. Лествичник,— что при воздержании не падешь: некто, ничего не вкушавший, был свержен с неба” (Сл. 15, 18). “Когда диавол захочет осквернить ум таких (воздержных) людей блудным воспоминанием,— учит прп. Исаак,— тогда испытывает сперва терпение их любовью к тщеславию, причем начало этого помысла не представляется им страстью. Когда же исторгает человека из твердыни, хранящей его, и он начинает беседовать с первым помыслом — тщеславия — и удаляться от этой твердыни, тогда диавол показывает ему что-либо напоминающее о блуде и совращает его ум на предметы непотребные. Сперва человек смущается их внезапной близостью — тем, что предшествовавшее целомудрие помыслов встретилось с такими предметами, от воззрения на которые далек был правитель — ум. И если диавол не

оскверняет человека совершенно, то, по крайней мере, низводит с прежнего достоинства. Но если ум отступит назад и предупредит приражение тщеславных помыслов, служащее причиною нашествия следующих за ними помыслов блудных, то тогда удобно может, с помощью Божией, преодолеть страсть” (Сл. 58. С. 310).

“Послушаем еще,— призывает св. Лествичник,— о новом коварстве врагов наших. Как вредные телу снеди производят в нас болезнь через некоторое время или через несколько дней, так часто действуют и причины, оскверняющие душу. Видел я наслаждающихся и не сразу обуреваемых, видел, что, иные едят и пребывают вместе с женщинами и в то время не имеют никакой худой мысли. И эти обольстившиеся самонадеянностью в то время, как думают пребывать в мире и безопасности, в собственной келье своей внезапно подвергаются погибели” (Сл. 15, 56).

“Если страсть твоя спокойна при общении с женщинами,— разъясняет прп. Нил Синайский,— не верь сему бесстрастию: и собака, окруженная народом, ласкается, но выйдя вон, обнаруживает злость свою. Если, вспоминая о женщине, ты не ощущаешь в себе страстного движения, то можешь думать, что достиг пределов целомудрия. Но если образ ее возбуждает в тебе мечты и стрелы ее

проникают в твою душу, то знай, что тебе далеко еще от сей добродетели. Не занимай долго свой ум представившимся лицом, чтобы оно не зажгло в тебе пламени страсти и не пожгло гумна души твоей. Ибо как искра, долго таившаяся в плевелах, производит пламя, так продолжительное памятование о женщине возжигает похоть” (О восьми духах зла. Добротолюбие. Т. 2. С. 235).

“Выслушайте еще,— призывает св. Лествичник,— об одной козни и хитрости сего обольстителя — демона блуда,— вы, пожелавшие утвердиться в непорочности, и будьте осторожны! Некто из изведавших опытом лесь рассказывал мне, что демон плотоугодия весьма часто скрывается, наводит на инока крайнее благоговение и производит в нем источники слез, когда он сидит или беседует с женщинами. И влагает в него мысль давать им наставления о памятовании смерти, о Суде, о целомудрии, чтобы бедные женщины, обольстившись словом и притворным благоговением, стекались к сему волку, как к пастырю. И, наконец, когда они познакомятся короче и сделаются свободнее в обращении, подвергает несчастного падению” (Сл. 15, 63).

“Все демоны покушаются сначала помячить ум, а потом уже внушают, что им угодно. Ибо пока ум не смежит ока, не будет похищено сокровище. Демон же блуда гораз-

до более прочих старается о сем. Он нередко, омрачив владычествующий в человеке ум, побуждает и располагает нас при людях делать то, что делают одни лишенные ума. Поэтому, когда со временем ум отрезвится, мы стыдимся не только слышавших и видевших наши неприличные дела, речи и движения, но и самих себя, и удивляемся бывшему с нами ослеплению. Нередко иные, после такого рассуждения, переставали вести себя худо” (Сл. 15, 82).

5. Трудность подвига целомудрия

“Страшное искушение сластолюбия,— говорит прп. Нил Синайский,— на избравшего жизнь девственную воздвигает сильные ветры, жестокою бурю, невыносимые треволения, все переворачивая вверх дном, чтобы силою и стремительностью опрокинуть ладью. Ибо лукавый знает, что монах не имеет права жениться и укрыться в супружеском союзе как в гавани, но что ему необходимо всю жизнь вести брань с демонами, раздражающими душу сладострастием. Посему не будем удивляться, если бываем боримы, и не будем ослабевать в борьбе” (Подвижнические письма. Письмо 218, Т. 2). “Ибо по угольям раскаленным надо так пройти, чтобы не обжечься,— объясняет свт. Златоуст,— и по острым мечам так ступать,

чтобы не израниться. Ведь сила вожделения так же велика, как и сила огня и железа. И если душа без должного приготовления выступит против искушений вожделения, то сейчас же погубит себя. День и ночь нам должно трезвиться мыслями, так чтобы страшились нас бесстыдные похоти. Ведь если мысли хотя немного ослабнут, диавол приступит уже с огнем, чтобы поджечь и испепелить храм Божий.

Девственная душа, не имея, чем погасить огонь, хотя видит, как он разгорается и поднимается вверх, старается о том, чтобы только в борьбе с огнем не быть самой сожженной. И что может быть удивительнее сего — носить очаг внутри себя и не сгорать, питать пламя в тайниках души и сохранить ум не растленным? *Ходящий по углям, не сожжет ли ног?*— взывает Приточник (Притч. 6, 28). Но душа должна ходить и переносить пытку. *Положивший за пазуху огонь не сожжет ли одежду?* (Притч. 6, 27). Но душа, имея огонь внутри себя, должна выносить и скрывать свирепствующее и шумящее в ней пламя!” (Сл. о девстве. Христианское чтение. 1844. Ч. 2. С. 325).

“Это самое жестокое борение,— прибавляет прп. Исаак,— не уступающее человеку даже до крови. В нем испытывается свобода человека в единстве любви его к добродетелям. Это сила, называемая раздражением и

бранью, от действия которых бедная душа изнемогает по причине неизбежной брани, в ней происходящей. Это та сила великости греха, которою враг обыкновенно приводит в смущение души целомудренных и при чистых движениях понуждает испытывать то, чего они никогда не испытывали. Здесь, возлюбленные братия, мы показываем свое терпение, ревность о Господе и рачение. Ибо это время незримого подвига, о котором говорят, что чин иноческий всегда им побеждает. При встрече с сею бранью благочестивый ум скоро приходит в смущение, если не будет должным образом вооружен.

В эти времена — времена мученичества — Ты, Господи, Источник всякой помощи, силен укрепить души, которые с радостью себя уневеличили Тебе, Небесному Жениху, и по искренним, а не по корыстным побуждениям вступили с Тобою в завет святой. Посему даруй им силу с дерзновением разорить укрепленные стены и всякое возношение, поднимающееся против истины, чтобы не остаться им не успевшими в собственном своем намерении от невыносимого и нестерпимого принуждения в такое время, когда борьба идет до крови!” (Сл. 71. С. 361–362).

“В сладострастных,— замечает св. Лествичник,— есть чувство какой-то любви к телу и какой-то бесстыдный и бесчеловечный дух, который явно пребывает в самом чувстве

сердца и действует так, что боримый от телесного томления в сердце словно горит в разожженной печи. И заставляет страждущего не бояться Бога, пренебрегать памятованием мучения, как ничего незначущим, отвращаться от молитвы, уже почти совершать грех на самом деле и на мертвые тела взирать как на бездушные камни. От этого страждущий бывает как бы не в уме и в исступлении, непрестанно услаждаясь вожделением к словесному и бессловесному; и если бы не сокращались дни сего духа, то не спаслась бы ни одна душа, облеченная в это брение, растворенное кровью и мокротами.

И возможно ли было бы спастись? Поскольку все сотворенное ненасытно желает подобного себе: кровь — крови, червь — червя, брение — брения, то как могла бы плоть не желать плоти, хотя мы, обуздывающие в себе естество и чающие царствия небесного, и пытаемся разными ухищрениями обмануть эту обманщицу? Блаженны те, кто не испытал описанной брани! Будем молиться, чтобы навсегда избавиться нам от подобного испытания!” (Сл. 15, 27).

Наконец, св. Лествичник заключает: “Кто вознамерился побороть свою плоть собственными силами, тот тщетно подвизается. Ибо если не разорит Господь дома плотской похоти и не созиждет дома душевного, то напрасно бодрствует и постится разоряющий”

(Сл. 15, 25). “Человек не перестанет терпеть нападения от духа блуда,— уверяет прп. Кассиан,— пока действительно не поверит, что не собственным тщанием и трудом, но под защитою и с помощью Божией избавится от этой болезни и взойдет на высоту чистоты. Попрять раздражения плоти и ее удовольствия — дело сверхъестественное, ставящее человека некоторым образом вне тела. Посему невозможно ему, так сказать, на собственных крыльях взлететь к сей высокой и небесной награде святости и соделаться подобным Ангелам, если благодать Божия не возведет его от земли и брения” (Собеседник. Кн. 5, Гл. 56).

“Мы побеждаем потому только,— подтверждает прп. Нил,— что имеем Великого Защитника — Святаго Духа, при содействии Которого удобно можем угасить все разженные дьявольские стрелы срамных похотей и воспламенений плоти” (Письмо 218).

Наконец, трудность борьбы с собственной плотью увеличивается от того, что плоть — не открытый враг души, которого должно истребить, а вероломный друг и помощник, без которого нельзя обойтись. Прекрасно изображает это брение души между неизбежным долгом и естественною любовью к плоти прп. Иоанн Лествичник. “Не знаю,— говорит он,— какими ограничениями и каким способом связать мне свою плоть, этого

“друга” своего! Прежде, нежели свяжу ее, разрешает она свои узы; прежде, нежели осужу, мирюсь с нею; прежде, нежели накажу, преклонюсь на милость. Как возненавижу ту, которую привык любить по естеству? Как освобожусь от той, с которой я связан навеки? Как истреблю то, что со мною воскреснет? Как соделаю нерастленным то, что приняло тленную природу? Что скажу основательно той, которая имеет благовидные для себя извинения в естестве? Свяжу ли ее постом? Но, осудив ближнего, опять предаюсь во власть ее. Преодолею ли ее, перестав судить о других? Но, превознесшись сердцем, опять впадаю в то же.

Ибо она и сообщница, и враг мой; и помощница, и соперница; и заступница, и наветница. Если угождаю ей, нападает на меня; если изнуряю, изнемогает; если покою, бесчинствует; если бью, не терпит; если огорчу, сам буду в великой беде; если нанесу удар, не будет чем приобрести мне добродетели. Одной и той же и отвращаюсь, и объеблю! Что это за тайна во мне? Как составилось во мне это соединение противоположностей? Как стал я и врагом, и другом себе? Скажи мне ты, скажи, супружница моя, естество мое; ибо чтобы узнать о тебе, не буду спрашивать у кого другого. Как мне сделаться не уязвимым тобою? Как мне избежать естественной беды, когда дал уже я обет Христу враж-

довать против тебя? Как преодолею мучительство твое, когда мне наперед суждено быть притеснителем твоим”? (Сл. 15, 86).

6. Средства против плотской похоти

“И плоть в ответ душе своей,— продолжает св. Лествичник,— сказала: «Не скажу тебе о том, чего ты не знаешь, но скажу то, о чем оба мы ведаем. Если узнал ты явно глубокую мою и свою немощь, то свяжешь мне руки. Если будешь томить голодом гортань, то свяжешь мне ноги и отымешь у меня возможность идти далее. Если вступишь в союз с послушанием, то расторгнешь союз со мною. А если приобретешь смирение — отсечешь мне голову» (Там же). Эти общие и кратко выраженные средства против плотской похоти Св. Отцы рассматривают в частности гораздо подробнее и яснее.

Так как похоть плоти чаще всего возбуждается от внешних впечатлений, то прежде всего требуется обуздание чувств. “Усиленно обуздывай органы чувств твоих: зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания,— внушает св. Варсонофий Великий,— и преуспеешь благодатию Божию. Укрощай коня своего уздою ведения, чтобы он, глядя туда и сюда, не разжигался похотью на женщин и мужчин и не сверг бы тебя, всадника своего, на землю. Молись Богу, чтобы Он отвратил *очи*

твои, чтобы не видеть суеты (Пс. 118, 37)» (Ответ 253). *“Для чистых все чисто (Тит. 1, 15),—* разъясняет прп. Нил Подвижник.— *Неверным же, преданным страстям, грехолюбивым и оскверненным, все кажется нечистым и все их влечет ко греху: пища, питье, одежда, место, время, лицо, действие, беседа, взгляд, осязание, обоняние, вкус, слух, вид, движение; и все их вызывает на беззаконие”* (Подвижнические письма. Кн. 2. Письмо 128. Христианское чтение. 1844. Ч. 4. С. 56).

“Посему не обращай очей туда и сюда,— наставляет прп. Исаак,— *но простирай всегда взор вперед. Ни перед кем не обнажай ни одного члена своего. Не приближайся ни к чьему телу без необходимой причины; не позволяй, чтобы и к твоему телу приближался кто без важной причины. Уклоняйся от вольности в речах, как от смерти. И сну своему приобрети целомудренный чин. Где ты ни спишь, пусть никто, если только можно, не видит тебя. Ничьим лицом не насыщай очей своих. С целомудрием приступай к исполнению необходимой нужды, как благоговеющий к хранящему тебя Ангелу, и совершай дело со страхом Божиим, и принуждай себя до самой смерти, хотя бы и неприятно было это сердцу твоему”* (Сл. 9).

“Через одно прикосновение можно оскверниться телесно,— уверяет св. Лествичник,— *потому что всего опаснее для нас чув-*

ство осязания. Помни того, кто обвил руку свою полою платья, когда нес свою престарелую мать, и ты удерживай чувство руки своей и не прикасайся к тайным и прочим членам собственного своего и чужого тела” (Сл. 15, 50).

К обузданию внешних чувств Св. Отцы преимущественно относят удаление от лицемерия женщин. *“В этой борьбе,—* убеждает прп. Исаак,— *почитай для себя крепким и непреодолимым оружием удаляться от лицемерия женщин, потому что противник, т. е. демон блуда, не может произвести в нас того, что в состоянии сделать природа своею силою. Ибо не думай, что природа забывает о том, что естественно всеяно в нее Богом для чадородия и для испытания пребывающих в сем подвиге. Но удаление от предметов вожделения умерщвляет в членах похоть, производит забвение о ней и истребляет ее”* (Сл. 77. С. 367).

“Посему всеми мерами будем избегать,— внушает св. Лествичник,— *того, чтобы плода, которого дали мы обет более не вкушать, нам не видеть и не слышать о нем, ибо удивительно, если думаем о себе, что мы крепче пророка Давида: ведь это невозможно”* (Сл. 15, 64).

Подробнее в этом отношении Св. Отцы предлагают следующие советы. *“Женщины редко, а лучше никогда не должны посещать твоей странноприимной кельи,—* советует

блж. Иероним.— Не будь часто под одною с ними кровлею и не полагайся на свое прежнее целомудрие: не тебе быть святее Давида и мудрее Соломона. Всегда помни, что житель рая женою доведен был до того, что потерял свою обитель” (Письмо к Негоциану. Христианское чтение. 1836. Ч. 2. С. 260). “Если ты вынужден говорить с женщинами,— наставляет прп. Исаак,— отврати лицо от воззрения на них и так беседуй с ними. А от монахинь, от встречи и разговора с ними и от лицемерия их удаляйся, как от сети дьявольской, чтобы в сердце своем не остудить тебе любви к Богу и не осквернить сердца своего тиною страстей. Если они и сестры тебе по плоти, блюдись от них, как от чужих” (Сл. 9. С. 54).

“К чему такие преувеличенные опасения в обращении с женщинами? — обыкновенно возражают миролюбцы.— Мы живем в кругу женщин и почти никогда не ощущаем при обращении с ними низких возбуждений плоти!” На это прп. Иоанн Лествичник отвечает: “Когда мы бываем в миру по какой-нибудь нужде, нас покрывает рука Господня, и, может быть, всего чаще — по молитве нашего отца, да не хулится нас ради Господь. А иногда спасает нас нечувствительность наша и то, что прежде многократно испытали сие, и даже пресытились всем нами видимым и слышимым, или еще и то, что демоны добро-

вольно удаляются от нас, оставляя с нами одного демона самомнения, который заменяет собою всех” (Сл. 15, 62). Последние два предположения очень удовлетворительно объясняют мнимое бесстрашие миролюбцев.

При обуздании внешних чувств необходимо укрощение или ослабление самого тела. “В это время,— говорит св. Лествичник,— наилучшее для нас пособие — вретисце, пепел, всенощное стояние, голод, палимый жаждою и в меру орошаемый язык, обитание при гробах, прежде же всего смирение сердца и, если можно, духовный отец или степенный брат со старческим разумом и с опытностью для оказания помощи” (Сл. 15, 57).

Относительное достоинство этих средств св. Лествичник определяет так: “Кто телесными трудами и потами ведет брань с сим соперником, тот подобен связавшему врага своего слабой веревкой. Кто воюет против него воздержанием и бдением, тот подобен обложившему врага своего железными оковами; а кто вооружается смиренномудрием, безгневием и жаждою, тот подобен убившему своего супостата и скрывшему его в песке. Под именем песка разумей смирение, потому что в нем не произрастает пажить для страстей, но земля и пепел” (Сл. 15, 14).

“Одного телесного поста,— говорит прп. Кассиан,— недостаточно для приобретения совершенного целомудрия и истинной

чистоты, если в человеке его не превзойдут сокрушение сердца и прилежная молитва к Богу. Но всего более сему способствует смирение души, без которого никто не может победить ни блуда, ни других пороков” (Собеседования. Кн. 6. Гл. 1. С. 73). В чем же состоит это столь необходимое смирение души в борьбе с плотской похотью? В живейшем сознании собственного бессилия, как объясняет св. Лествичник: “Повергни перед Господом немощь естества своего, вполне сознав собственное свое бессилие, и неощутитмо примешь дарование целомудрия” (Сл. 15, 26).

Кто сознал собственное бессилие в борьбе со страстью, тот в одном ищет себе спасения от врагов — в смиренной молитве к Богу Спасителю, как делал это прп. Иоанн Колов. “Я,— говорил он,— подобен человеку, который сидит под большим деревом и видит, что к нему приближается множество зверей и змей. Если он понимает, что не сможет выстоять против них, он взлезает на дерево и так спасается. Так и я: сижу в своей келье и вижу злые помыслы, восстающие на меня, и когда у меня недостает сил против них, прибегаю к Богу посредством молитвы и спасаюсь от врага” (Достопамятные сказания. С. 146, 11).

“А тем, кто не приобрел еще истинной сердечной молитвы,— говорит св. Лествичник,— в телесной молитве способствует подвиг понуждения. Например, распростира-

ние рук, биение в грудь, умиленное взирание на небо, глубокие воздыхания и частое преклонение колен. Но как часто случается, что они в присутствии других людей не могут сего делать, то демоны и стараются тогда на них нападать. А так как те еще не в силах противиться им мужеством ума и невидимую силу молитвы, то, может быть, и уступают по нужде борющимся им. В таком случае, если можно, скорее отойди от людей, скройся на малое время, возри на небо, если можешь, душевным оком, а если нет, то хотя бы телесным; прости крестовидно руки и держи их неподвижно, чтобы и сим образом посрамить и победить мысленного Амалика. Воззови к Могущему спасти и возопий не красноречивыми словами, но смиренными вещаниями, начиная прежде всего сим воззванием: *Помилуй меня, ибо я немощен* (Пс. 6, 3). Тогда опытом познаешь силу Всевышнего и незримую помощью невидимо обратишь в бегство невидимых врагов. Кто обучился таким образом с ними бороться, тот вскоре начнет и одною душою отгонять сих врагов” (Сл. 15, 80).

К внешним средствам, укрощающим плотскую похоть, Св. Отцы относят: безмолвие, послушание и посещение больных. “Земля с росой — мать сладости плодов,— говорит св. Лествичник,— а мать чистоты — безмолвие с послушанием. Приобретенное в безмолвии бесстрастие тела при частом

сближении с миром не пребывает непоколебимо; от послушания же происходящее — везде искусно и незыблемо” (Сл. 15, 37). “Кто победил свое тело? Тот, кто сокрушил свое сердце. А кто сокрушил свое сердце? Тот, кто отвергся себя самого. Ибо как не быть сокрушенным тому, кто умер для своей воли?” — говорит св. Лествичник о послушниках (Сл. 15, 84). “Одним из святых,— говорит прп. Исаак,— сказано: «Ничто не может так избавлять монаха от беса гордыни и помогать ему в сохранении целомудрия при разжении блудной страсти, как посещение лежащих на ложах своих и одержимых скорбью плоти»” (Сл. 55. С. 253).

Кроме внешних раздражений, возбуждающих плотскую страсть, гораздо сильнее, неотвязчивее и бесстыднее внутренние сладострастные помыслы, которыми поражает подвижника демон блуда. “Нам надобно непрестанно молиться,— убеждает прп. Ефрем,— чтобы Господь избавил нас от бесовских козней. Ибо помыслы не только подавляют нас, когда мы в безмолвии и уединении, но сильно восстают на нас и тогда, когда мы собираемся вместе в доме Господнем; действуют так, что и на мужские тела мы смотрим неблагопристойно и нечисто; и до самого срамного дела доводит нас змий мечтательными помыслами. Он сеет в нас какую-то смесь помыслов, чтобы брат пришел

в рассеяние и не мог чистым умом внимать нескверным Тайнам Спасителя нашего Бога” (Ч. 1. Сл. 22. Поучение 3).

Прежде всего заметим, что брань с такими мерзкими помыслами бывает только у истинных подвижников. “Если у тебя нет помыслов,— уверяет прп. Кир Александрийский,— то есть дело” (Достопамятные сказания. С. 186). А это значит: кто не борется с грехом в уме и не восстает против него, тот совершает его телом. Кто имеет дело, на того не нападают помыслы. “Кто в мире со страстями,— подтверждает прп. Ефрем,— тому как вести с ними брань, когда он продал уже себя в рабы удовольствиям и со всею охотою платит дани мучителю? Ибо где вражды, там и брань; а где брань, там и борьба; где же борьба, там и венцы. Если кто хочет освободиться от горького рабства, то вступи в брань с диаволом” (Ч. 1. Сл. 22. Поучение 3).

“Не думай блудного демона низложить рассуждениями и возражениями,— предостерегает св. Лествичник.— У него благовидные предлоги, потому что он борется с нами с помощью нашего естества” (Сл. 15, 24). “Не противоречь помыслам,— советует прп. Иоанн Пророк,— потому что враги сего желают и, видя возражение, не перестанут нападать. Но помолись на них ко Господу, повергая перед Ним немощь свою, и Он может не только отогнать, но и совершенно

упразднить их” (Ответ 91). “Тем более не решайся искушать ум свой непотребными помыслами,— убеждает прп. Исаак,— даже когда думаешь, что не будешь преодолен этим, потому что и мудрые таким образом омрачались и впадали в безрассудство. Не укроешь пламени внутри себя, без сильных скорбей плоти своей” (Сл. 2. С. 14).

“Но случается,— замечает прп. Иоанн Пророк,— что кто-либо беседует с другим или что-то делает, и если враг успеет отвлечь ум от богоугодного трезвения, то, вследствие рассеяния, является в уме человека и блудное вожделение. Это увлечение, которое случилось не по размышлению или воспоминанию, но по забвению. Когда такая брань возникнет, то должно трезвиться, не услаждаться такими помыслами, не медлить в них. Человек должен воззвать к самому себе и скорее прибегнуть ко Владыке Богу, говоря: “Господи! Прости меня, имени ради Твоего святого. За нерадение мое я подвергся сему. Избавь меня от рассеяния и от всякой сети вражией, ибо Твоя слава во веки, аминь” (Ответ 667).

Одно из самых сильных и непреодолимых оружий против лукавых помыслов — крестное знамение. “Если колеблешься в жизни,— убеждает прп. Ефрем,— то знаменуй на себе животворный образ — и брань преодолеется. Всего лучше не отдаваться в плен страстям, т. е. не поддаваться при-

ражениям лукавых помышлений. Если же кто приведен ими как бы в потрясение, то да запечатлеет на себе немедленно животворящий образ креста — и враг будет низложен (Ч. 5. Ст. 136. С. 141). Когда ты совершаешь крестное знамение,— внушает свт. Иоанн Златоуст,— вспомни всю силу Креста — и потушишь ярость и все прочие страсти. Для сего надобно изображать Крест не просто одними перстами, но прежде начертать его в мысли с великою верою. Если таким образом ты изобразишь его на лбу твоём, то ни один из нечистых духов не сможет приблизиться к тебе, видя оружие, которым он претерпел поражение; видя меч, которым нанесен ему смертельный удар” (Беседа 54 на евангелиста Матфея. Ч. 2. С. 417).

“Если ты хочешь истребить непотребные воспоминания, оставшиеся в твоём уме,— советует прп. Нил Подвижник,— и уничтожить разнообразные козни врага, то вооружись воспоминанием Спасителя нашего и усердно призывай день и ночь достопоклоняемое имя Его, часто ограждая чело и грудь знамением креста Господня. Ибо когда упоминается имя Спасителя нашего и знаменуется крестом Господним сердце, лоб и прочие части, то разрушается сила врага и злые демоны с трепетом убегают от нас” (Письмо 287 Филохристу-епископу. Христианское чтение. 1844. Ч. 1. С. 47. Макарий Великий. Беседа 15).

“Непобедима, непостижима и божественна сила Креста Христова!” — воспевают Св. Церковь. Сколько совершилось и совершается непостижимых чудес одним изображением креста Господня! Святое знамение креста — нестерпимое оружие для врагов. Так что и в сонных мечтаниях диавол не может представить образ креста, но трепещет Его и от одного вида его исчезает, как учат Св. Отцы.

“Ни Самого Владыку Христа, — объясняет св. Варсонофий Великий, — ни Св. Причастия диавол не может показать во сне, хотя бы и ложно, а представляет образ какого-либо человека и простого хлеба. Но святого Креста показать не может, ибо не находит средства изобразить его другим образом. Поскольку мы знаем истинное знамение и образ Креста, диавол не смеет употребить его к прельщению нашему, ибо на Кресте разрушена сила его и Крестом нанесена ему смертоносная язва. Владыку Христа мы не можем узнать по плоти, почему диавол и покушается лживо уверить нас, что это Он, чтобы мы, поверив обольщению, как истине, погибли. Итак, когда увидишь во сне образ Креста, знай, что этот сон истинен и от Бога” (Ответ 413).

“Поэтому возьмем жезл Креста, силою которого утверждаются хромые, встают мертвые, которым хвалился Апостол (Гал. 6, 14), которым мы освободились от преда-

тельства, представив себя Распявшемуся за нас. Он Сам упасет сим жезлом нас, овец Своих, и отгонит от нас кровожадных волков” (Ответ 105).

Если кто не успел отразить представленными средствами первого приближения помыслов, то должен бороться с ними представлением тления, смерти, Суда, геенны. “Если в мыслях твоих родится представление красивого лица, — советует свт. Афанасий Великий, — то его должно изгонять следующим образом. Выколи глаза у образа твоего, который в мыслях представляется тебе, отними полноту щек, отрежь и губы, и после смотри на отвратительный состав голых костей. И подумай, наконец: что тут занимательного? Таким образом обезображенное помышление может воспрянуть от пустого очарования. Ибо не было тут ничего привлекательного: кровь смешана с мокротой, что, как и образованный состав, принадлежность животных. Сим образом и сими размышлениями можно прогнать гнусное зло; должно выталкивать демона, как гвоздь гвоздем. Кроме того, должно представить все тело любимого предмета в смердящих ранах и гное — кратко, одним словом, представить его внутренним очам подобным трупу или еще и самого себя представить мертвым” (Жизнь прп. Синклитикии. Христианское чтение. 1824. Ч. 16).

“Ты должен вспомнить,— продолжает прп. Иоанн Пророк,— истление и смрад естества нашего, как изменимся мы, когда будем в гробах. Но что говорить тебе об истлении? Не должен ли ты скорее представить себе будущий Страшный Суд Божий? Каков будет жребий так поступающих? И как сможешь ты понести этот великий стыд при обнаружении дел наших перед Ангелами и Архангелами, перед всеми людьми и перед Праведным Судиею? И как заградятся тогда уста совершающих дела сии? Убоимся того, который сказал: *Не обманывайтесь: ибо ни блудники, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, царствия Божия не наследуют* (1 Кор. 6, 9–10).

Ты должен вспомнить это и призывать святое имя Божие в помощь, говоря: “Владыко Иисусе! Покрой меня и помоги моей немощи!” И не бойся: Он сокрушит лук врагов, ибо от имени Его зло становится бессильным. Если же через это получишь и силу, то не будь смел в отношении врагов твоих, потому что они бесстыдны и хотя и тысячи раз будут побеждены, снова приступают к борьбе. Но Бог Победитель помогает смирению человека, ради которого Он, по собственной воле Своей, восхотел воплотиться” (Ответ 666).

Иные, чисто духовные и более возвышенные средства против лукавых помыслов

предлагают Св. Отцы. Это, как говорит св. Лествичник,— “совершенное вменение их ни во что” (Сл. 15, 85) и непрестанное занятие души высокими помыслами. “Целомудрен не тот,— объясняет прп. Исаак,— кто в труде, во время борьбы и подвига говорит о себе, что прекращаются тогда в нем срамные помыслы, но кто истинностью сердца своего уцеломудривает созерцание ума своего, так что не вникает он бесстыдно непотребным помыслам.

Для отвращения прежних впечатлений, располагающих душу к непотребству, и для устранения восстающих в плоти тревожных воспоминаний, производящих в душе мятежное пламя, ничто не бывает так достаточно, как всепоглощающая любовь к изучению Божественного Писания и постижение глубины его мыслей. Когда помыслы погружаются в услаждение постижением сокровенной в Божественных словах премудрости, тогда человек, благодаря силе, которою извлекает из них просвещение, оставляет позади себя весь мир; забывает все, что в мире, и изглаживает в своей душе все воспоминания, все действительные образы овеществления мира, а нередко и уничтожает саму потребность обычных помыслов, посещающих природу.

Если даже ум плавает на поверхности вод, т. е. моря Божественных Писаний, и не может проникнуть своею мыслью Писания

до самой глубины, уразуметь все сокровища, таящиеся в глубине его, то и одного того, что ум занят ревностью к уразумению Писания, достаточно для него, чтобы единым помышлением о досточудном крепко связать свои помыслы и воспрепятствовать им стремиться к естеству телесному, тогда как сердце немощно и не может вынести озлоблений, встречающихся при внешних и внутренних бранях. И вы знаете, как тягостен худой помысл. И если сердце не занято изучением Писания, то не может преодолеть мятежности телесного возбуждения” (Сл. 1. С. 4).

Вообще созерцание высоких истин богословия укрощает телесные страсти. “Если душа,— говорит свт. Василий Великий,— соделает свою созерцательную и разумную силу всегда бодрственной, как говорит пророк, *не воздремлет хранящий тебя* (Пс. 120, 3),— то усыпляет телесные страсти двояким образом: т. е. и тем, что бывает занята созерцанием лучшего и сродного ей, и тем, что, надзирая за безмятежием тела, уцеломудривает и усмиряет его страсти (Подвижнические уставы. Ч. 5. Гл. 2. С. 392).

“Труд строгого жития,— уверяет прп. Нил Синайский,— изнуряя тело, дает еще, может быть, время страстям подвигнуть праздную мысль к тому, что составляет собственно вещество страстей. Умозрение же, всецело привлекая к себе ум, не дает места

не то что страсти, но даже и человеческому помыслу, призывающему, может быть, и к необходимой потребности. Услаждение умозрением побеждает не только страстное самолюбие, в котором с полезным страстворено приятное, но и естественную нужду” (Ч. 1. С. 319).

Наконец, самое вернейшее, но и самое высшее средство сохранить ум от страстных помыслов есть непрестанное созерцание Бога. Ибо “нас пленяют плотские страсти,— как уверяет прп. Феон,— потому что ум наш удаляется от созерцания Бога” (Достопамятные сказания, С. 411). “Ум человеческий,— говорит св. Диокл,— перестав мыслить о Боге, по необходимости отдается во власть или духа похотения плотского, который увлекает его к распутству, или духа раздражительности, от которого рождаются буйные порывы” (Повесть Палладия. Христианское чтение. 1838. Ч. 1. С. 176).

“Посему мы должны проводить любомудрую жизнь сию, — убеждает блаженный Диадокх,— всегда взирая, подобно имеющим слабое зрение, в глубину сердца своего с непрестанным памятованием о Боге. Ибо действительно духовному любомудрию свойственно не позволять господствовать похоти очей. Сему учит нас и многоопытнейший Иов, когда говорит: *если же и последовало сердце мое за глазом моим* и проч.(Иов. 31, 7).

Поистине это признак самого крайнего воздержания. Всегда находящийся в своем сердце удален от всех красот житейских, ибо ходящий по духу не может знать похотей плоти. Такой живет уже в крепости добродетелей, и сами добродетели бывают для него как бы стражами, охраняющими вход в город непорочности. Посему тогда остаются безуспешными и ухищрения над ним демонов, хотя бы стрелы презренной похоти долетали, может быть, до окон природы” (Добротолубие. Т. 3. Гл. 56–57. С. 39).

“Кто Тебя, Господи Христе, имеет перед очами,— молится прп. Ефрем,— того не обольстит никакой грех. Кто на Тебя взирает, у того ничем другим не возмущается дух. Кто любит Тебя, для того совершенно презренна вся тварь. К Тебе возвел взор Иосиф в ложенице — и не поколебалась мудрость его. А Самсон доведен до падения Далидой, и все доблестные деяния его обратились в ничто. Даруй мне, Господи, подобно Иосифу, на Тебя взирать из клетки духа моего и избавиться от падений, в какие низринулся Самсон! Ты будь моим путем, по которому буду ходить, и сокровенною храминою, где укроюсь от лукавого, который превозносится предо мною и подстерегает меня на каждом шагу!” (ч. 5. Ст. 141. О покаянии. С. 200).

7. Признаки и степень непорочности

Святые Отцы иначе понимают непорочность, нежели обычные люди. “Непорочен не тот,— говорит св. Лествичник,— кто сохранил нерастленным сие бренное тело, но тот, кто члены его совершенно покори́л душе” (Сл. 15, 12). Поэтому непорочность — не только сохраненная невинность, а положительная и высокая добродетель, приобретаемая чрезвычайными усилиями. Вследствие такого понятия о непорочности Отцы-подвижники рассуждают:

“Иные говорят, что по вкушении плотского греха невозможно уже именоваться непорочным. В опровержение их скажу,— говорит св. Лествичник.— Возможно и нетрудно, если кому угодно, к дикой маслине привить маслину добрую. И если бы ключи горних обителей вверены были девственнику по плоти, то, может быть, справедливо было бы такое мнение. Но да постыдит их тот, кто имел у себя тещу, а был чист и принял ключи царствия” (Сл. 15, 66). “Что и нечистый человек может быть преобразован до девственного произволения,— говорит прп. Нил Синайский,— показывает апостол Павел в Послании к коринфянам: *Я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девой* (2 Кор. 11, 2)” (Письмо 197 Секундиану. Ч. 2. С. 348). Такая непорочность,

приобретаемая трудом и постепенно, имеет разные степени и свойственные каждой степени признаки.

“Начало чистоты,— открывает св. Лествичник,— наступает, когда помысл не слагается с блудными прилогами и без мечтаний случаются по временам во сне истечения. А середина чистоты— когда от довольства пищи бывают естественные движения, но без мечтаний; вершина же чистоты — умерщвление тела, т. е. телесных движений, предваряемое умерщвлением нечистых помыслов. Целомудрен тот, кто и во время сна не ощущает никакого движения или изменения в том устройении, в котором он пребывает” (Сл. 15, 10, 6). “знаком того, что мы совершенно стяжали добродетель целомудрия,— говорит прп. Кассиан,— служит то, что душа не внимает никакому образу скверного мечтания во сне. Хотя такое движение и не почитается грехом, однако ж оно показывает болезнь души и несовершенное отчуждение страсти” (Собеседования. Кн. 6, Гл. 10. С. 78).

“Велик тот,— говорит св. Лествичник,— кто пребывает в бесстрастии при осязании; больше — тот, кто не уязвляется видением, а помышлением о красотах небесных угашает огонь, который возгорается при виде земных красот. Поистине блажен тот, кто стяжал совершенную нечувствительность ко всякому телу, и виду, и красоте” (Сл. 15, 13, 11). “Пра-

ведники еще в земной жизни от злостраданий делаются мертвецами,— объясняет свт. Афанасий Великий,— почему уподобляются более мехам, нежели людям, охладев, как отвердевший иней: *ибо был, как мех на морозе* (Пс. 118, 83). Делается мехом на морозе тот, кто изнуряет плоть свою, не оставляя в ней ничего воспламененного и похотного, но как бы оледеняет ее”.

“Предел и крайняя степень совершенной и всеблаженной чистоты,— заключает св. Лествичник,— состоит в том, чтобы в одинаковом устройении пребывать при виде существ одушевленных и бездушных, словесных и бессловесных” (Сл. 15, 8). “Поведал мне некто об удивительной и высочайшей степени чистоты. Некто (Св. Нон, епископ Илиопольский. См. Четьи-Минеи 8 октября), увидев необыкновенную женскую красоту, весьма прославил о ней Творца и от одного этого видения возгорелся любовью к Богу и пролил источник слез. Поистине удивительное зрелище! Что иному могло быть ровом гибели, то ему сверхъестественно послужило к получению венца славы. Если такой человек в подобных случаях всегда имеет такое же чувство и делание, то он воскрес, нетленен прежде общего воскресения” (Сл. 15, 59).

8. Величие добродетели целомудрия

В светоносных и поразительных чертах представляют Св. Отцы добродетель целомудрия. “Целомудрие,— говорит св. Лествичник,— есть общее наименование всех добродетелей” (Сл. 15, 4). “Думаю, что невозможно никого назвать вполне святым в подлинном смысле, пока он землю сию — тело свое — не освятит и некоторым образом не преобразит, если только возможно такое преобразование во временной жизни” (Сл. 15, 51). “Столь высокой похвалы достойна непорочность, что некоторые из Отцов осмелились назвать ее бесстрашием” (Сл. 15, 65).

“Эту мою, а можно сказать, и не мою, любезную мне, враждебную плоть Павел называл смертью: *Кто меня,—* говорит он,— *избавит от сего тела смерти?* (Рим. 7, 24). Если плоть — смерть, то победивший ее, без сомнения, не умирает” (Сл. 15, 31). “Кто отгоняет сего пса молитвою, тот подобен борющемуся со львом. Кто низлагает его своим сопротивлением, тот подобен преследующему врага своего. Но кто однажды навсегда обратил в ничто его приращение, тот, хотя и во плоти еще, однако восстал уже из гроба” (Сл. 15, 13). “Ибо кто больше: тот ли, кто умер и восстал, или тот, кто вовсе не умирал? Ублажающий последнего обманывается, ибо Христос и умер, и воскрес!” (Сл. 15, 32).

“Иной связал свою плоть — сего мучителя — подвигами; другой — смирением, а иной — Божиим откровением. Первый уподобляется звезде утренней, второй — полной луне, а третий — блистающему солнцу. Все же они имеют жительство на небесах. От зари — свет, а за светом восходит солнце” (Сл. 15, 15).

“Кто победил тело свое, тот победил естество; а победивший естество, без сомнения, стал выше естества. Кто же таким сделался, тот *немногим ниже*, чтобы не сказать: “ничем не ниже” Ангелов” (Пс. 8, 6) (Сл. 15, 70). “Люди, связанные узами плоти,— подтверждает прп. Иоанн,— никакую добродетелью столько не уподобляются бесплотным Ангелам, как целомудрием, посредством которого, еще пребывая на земле, они имеют, по Апостолу, жительство на небесах (Флп. 3, 20)” (Св. прп. Кассиан. Обзорение духовной брани. Добротолубие. Кн. 6. Гл. 6). Поэтому “непорочность — усвоение себя и уподобление Богу по мере сил человеческих,— заключает св. Лествичник. — Кто достиг ее, живя еще во плоти, тот умер и воскрес, и здесь уже узнал начало будущего нетления” (Сл. 15, 36, 86).

VIII. НЕПАМЯТОЗЛОБИЕ

Трудно победить гневливость, мать многих пороков, но несравненно труднее исторгнуть из сердца памятозлобие, это лютое исчадие гневливости, которое постепенно питается и укрепляется своею матерью, и само питает ее. Посему прп. Дорофей убеждает: “Всегда отсекайте страсти, пока они еще молоды, прежде нежели они укоренятся в вас и станут удручать вас, ибо тогда придется вам много пострадать от них: потому что иное дело вырвать малую былинку, и иное — искоренить большое дерево. И как горящие уголья, когда они угаснут и будут собраны, могут лежать несколько лет без повреждения, и даже, если кто польет их водой, они не подвергаются гниению, так и гнев, если закоснеет, обращается в злопамятность, от которой человек не освободится, если не прольет крови своей” (Поучение 8. С. 101–2.)

I. В чем сила страсти памятозлобия?

“Памятозлобие,— говорит св. Лествичник,— есть исполнение гнева, страж грехов, ненависть к правде, пагуба добродетелей, яд в душе, червь ума, посрамление молитвы, пресечение молитвенных прошений, отчуждение любви, вонзенный в душу гвоздь, неприятное чувство, в огорчении с услаждением любимое, непрестающий грех, неусыпающее беззаконие, ежечасный порок” (Сл. 9, 2). Что можно еще прибавить для изображения губительной силы этого ужасного порока!

2. Что возбуждает памятозлобие?

Мы знаем, что памятозлобие непосредственно рождается от гневливости. Но Св. Отцы заметили некоторые по видимости не очень опасные состояния человека, которые однако же, незаметно приводят к памятозлобию, этому пагубному и с великим трудом искореняемому пороку. Состояния сии суть следующие.

Дружба и любовь нескольких лиц, основанные на взаимном чувственном удовольствии, плотоугодии, забавах или, вообще, на каких-либо житейских выгодах. В обыкновенной общественной жизни весьма часто можно видеть, что всякая корыстная дружба и любовь почти всегда оканчиваются

взаимной ненавистью. То же бывает и в совместном стремлении к деятельному благочестию. “Трапеза без должного к себе внимания, — говорит св. Лествичник, — есть мать вольности в речах, когда оконцем любви вторгается чревоугодие” (Сл. 9, 6). “Памятозлобие далеко от любви крепкой, естественной. Но блуд удобно приближается к ней, как иногда и у голубицы видим скрытых среди перьев паразитов” (Сл. 9, 8).

Чем же оканчивается такое плотское удовольствие в обществе друзей? “Видел я, — свидетельствует св. Лествичник, — что ненависть расторгала давние узы блуда, а потом памятозлобие странным образом не позволяло уже возобновиться расторгнутой связи. Зрелище подлинно чудное! От одного демона исцеляет другой демон” (Сл. 9, 7). Но один демон стоит другого, и каждый способен вовлечь несчастную душу в ад. Потому-то св. Лествичник советует: “Памятозлобствуя, будь памятозлобен на демонов и, враждуя, враждуй всегда на тело. Плоть — друг неблагодарный и коварный. Когда угождаешь ей, тогда еще больше старается она навредить тебе” (Сл. 9, 9).

Желание казаться кротким и уступчивым, тогда как в сердце питаешь злобу на оскорбившего, подобно желанию славы безмолвника и отчужденного от мира, тогда как в сердце он дорожит мирской репутацией и ищет славы от людей, а не от единого Бога.

Святые Отцы советуют даже давнюю злобу высказывать перед оскорбившим; тем более не скрывать вновь затаенной злобы. Это опасное состояние! Притворно кроткий и уступчивый и сам убежден, и других старается убедить, что вовсе не гневается на оскорбившего. А между тем затаенный гнев с продолжением времени укрепляется и перерождается в неискоренимое памятозлобие. А лицемерный безмолвник, ищущий славы только от людей, необходимо бывает очень подозрительным к ближайшим своим братьям, которые проникают в тайну его лицемерно богоугодной жизни, и вместе с подозрениями носит в сердце своем гнилой зародыш ненависти. Потому св. Лествичник утверждает: “Внутри гнилого дерева зарождаются черви. В лицемерно кротких и безмолвных находит себе место гневливость” (Сл. 9, 14).

Легкие и едва заметные оскорбления брату как, с одной стороны, должны свидетельствовать нам о злости нашего сердца, так, с другой стороны, при частых повторениях, могут послужить началом неискоренимой злобы. “Иной думает, — объясняет прп. Дорофей, — что он на деле не воздает злом за зло, но оказывается, что он воздает словом или видом, поскольку случается, что кто-либо одним видом, или движением, или взором смущает брата своего. Ибо можно и одним взглядом или телодвижением оскорбить брата своего,

и это также воздаяние злом за зло. Другой старается не мстить за зло ни делом, ни словом, ни видом, ни движением, но в сердце своем имеет неудовольствие на брата своего и скорбит на него” (Поучение 8. С. 103). Так тонки и неуловимы движения древнего змия в сердце человеческом!

Вот еще тончайшие движения злобы, подмеченные прозорливыми подвижниками. “Другой,— продолжает прп. Дорофей,— хотя не имеет скорби на брата своего, но если услышит, что кто-нибудь оскорбил того в чем-либо, или его побранили, или унижили, и возрадуется, слыша это, то, оказывается, и он таким образом воздаст злом за зло в сердце своем. Иной не питает злобы в сердце своем и не радуется, слыша об унижении оскорбившего его, даже и печалится, если ему нанесут оскорбление; однако же не радуется и благополучию его, но если видит, что того прославляют и тому угождают, то он скорбит. И это также, хотя и легчайший, однако же вид злопамятности” (Там же. С. 104). После этого остается ли какая-то надежда избежать ухищрений духа злобы?

3. Средства против памятозлбия

Легчайшее средство избавиться от памятозлбия, но действующее только в самом начале, прекратить гнев и вместе с ним ис-

требить памятозлбие. “Кто прекратил в себе гнев,— говорит св. Лествичник,— тот истребил и памятозлбие. Потому что чадородие бывает только при жизни отца” (Сл. 9, 4).

Ни под каким не только благовидным, но даже истинно благочестивым предлогом не таить в сердце ни малейшего неудовольствия на оскорбившего, а откровенно и немедленно, в спокойном чувстве, высказывать всякое неудовольствие. Вот как при оскорблении советует поступать свт. Василий Великий: “Надо показать плод терпения, с истинным расположением принося Богу молитву об обидевшем, говоря: *Господи! Не вмени ему греха!* (Деян. 7, 60),— чтобы, гневаясь на брата своего, не стать повинным суду.

А также должно сделать обидевшему увещание и обличение, чтобы и он освободился от греха, грядущего на сыновей непокорных. А если кто не порадит и именно по собственному своему терпению смолчит, то согрешит сугубым грехом — как потому, что сам преступает заповедь, которая говорит: *обличением да обличишь ближнего твоего и не понесешь за него греха* (Лев. 19, 17), и вследствие своего молчания делается сообщником согрешающего, так и потому, что оставляет погибать во зле человека, которого через обличение, в состоянии он был бы, может быть, предостеречь, как и Господь повелел” (Мф. 18, 15—17) (Кракие православные вопросы. Вопрос 232).

И при искреннем прекращении гнева на оскорбившего нужно с любовью и смирением молиться за брата, дабы очистить душу свою от всякой заразной закваски памятозлобия. “Должно подвизаться,— убеждает прп. Дорофей,— чтобы очистить совершенно и внутренний гной, дабы больное место совсем заросло, и чтобы не осталось никакого безобразия и вовсе нельзя было узнать, что на этом месте была рана. Как же можно сего достигнуть? Молясь от всего сердца об оскорбившем и говоря: “Боже! Помоги брату моему и мне, ради молитв его!” — таким образом, человек молится за брата своего — а это знак сострадания и любви — и смиряется, прося себе помощи, ради молитв его. А где сострадание, любовь и смирение, что может там успеть раздражительность, или злопамятность, или другая страсть?” (Поучение 8. С. 105).

Для поддержания в себе духа терпеливого смирения при оскорблениях нужно всеми мерами убедить себя, что всякого рода оскорбления и напасти посылаются нам от Самого Бога для нашего очищения. “Мы же,— рассуждает прп. Дорофей,— в каждом деле устремляемся на ближнего, порицая и укоряя его. Как только услышим хотя бы одно слово, тотчас перетолковываем его, говоря: “Если бы он не хотел уязвить меня, то он не сказал бы этого”. Где тот святой, который

сказал о Семее: *Оставьте его, пусть проклинает, ибо Господь повелел ему проклинать Давида* (2 Цар. 16). Мужу ли убийце говорил Бог, чтобы он проклинал пророка? Как, неужели Господь сказал ему сие? Но пророк, имея разум духовный и зная, что ничто не привлекает так милости Божией на душу, как искушения, и особенно наносимые и налагаемые во время скорби и нужды, сказал: *Оставьте его проклинать Давида, ибо Господь повелел ему*. Для чего? *Может быть, призрит Господь на смирение мое и воздаст мне благостью за злословие его*. Видишь ли, как разумно поступил пророк? Посему-то он и остановил хотевших отомстить проклинающему, говоря: *Что мне и вам, сыны Саруины? Оставьте его проклинать меня, ибо Господь повелел ему*.

Мы не хотим сказать о брате нашем, что *Господь ему повелел*, но если услышим оскорбительное слово, то поступаем подобно собаке, в которую если кто-нибудь бросит камень, то она оставляет бросившего и бежит грызть камень. Так делаем и мы: оставляем Бога, попускающего напастям находить на нас для очищения грехов наших, и обращаемся на ближнего, говоря: “Зачем он мне это сказал? Зачем он мне это сделал”? И тогда как мы могли бы получить большую пользу от подобных случаев, мы совершаем противное и вредим сами себе, не разумея, что про-

мыслом Божиим все устраивается на пользу каждого” (Поучение 7. С. 98).

“Во всяком деле, на всяком месте и во всякое время мы должны радоваться,— призывает прп. Марк Подвижник,— когда терпим от кого-нибудь обиду. И радоваться не безрассудно и не без причины, но потому, что мы имеем тогда случай как простить того, кто обидел нас, так и получить отпущение собственных наших грехов” (Св. прп. Марк Подвижник. Наставления о духовной жизни. Добротолюбие. Т. 1. Наставление 41).

Когда памятозлобие уже укоренилось в сердце, кроме показанных средств, весьма спасительно рассуждать о гибельных последствиях сей страсти либо убеждать других к непамятозлобию. “Видал я злопамятных,— свидетельствует св. Лествичник,— которые увещевали других забыть обиды и, приведенные в стыд своими собственными словами, переставали служить сей страсти” (Сл. 9, 17). “Когда, долго борясь, не в силах будешь вконец исторгнуть сие терние,— советует прп. Иоанн,— тогда покайся врагу хотя бы на словах, чтобы, устыдившись долговременного перед ним лицемерия, возлюбить тебе его совершенно, когда совесть будет жечь тебя как огнем” (Сл. 9, 11).

Эти жгучие угрызения совести должны поражать злопамятного при всяком случае, когда он осмелится произносить молитву

Господню и просить: “Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим!” “Да постыдит его молитва Господня,— взывает св. Лествичник,— которой мы не можем произносить, если мы злопамятны” (Сл. 9, 10). Чудно исправил возбуждением этих угрызений совести во время молитвы богомудрый Сисой одного брата, который говорил: “Такой-то брат обидел меня. Хочу отомстить за себя!” Старец увещевал его, говоря: “Не мсти ему, сын мой, а лучше предоставь Богу дело отмщения!” Брат сказал: “Не успокоюсь, пока не отомщу за себя!” Тогда старец сказал: “Помолимся, брат!” И встав, он молился так: “Боже! Мы не имеем более нужды в Твоем попечении о нас: мы сами хотим мстить за себя!” Брат, услышав это, пал к ногам старца и сказал: “Не хочу более, судиться с братом! Прости меня, авва!” (Достопамятные сказания. С. 352, 1).

Еще сильнее должно действовать на ожесточенную душу злопамятного представление страданий незлобивого Господа Иисуса. Частое молитвенное воспоминание страданий Господних, благоговейное чтение Евангелий об искупительной жертве Агнца, взявшего на Себя грехи всего мира, и особенно усердная молитва к распятому Господу Иисусу, молившемуся и на Кресте за врагов Своих, сокрушат самое ожесточенное сердце, если только злопамятный решится

употребить это самое спасительное средство. “Воспоминание Иисусовых страданий,— уверяет св. Лествичник,— уврачуеет памятозлобие, крепко постыжаемое Его незлобием” (Сл. 9, 14).

В конец истребляет памятозлобие и всякую вражду святая христианская любовь. “Кто приобрел любовь, тот устранился от вражды”,— говорит св. Лествичник (Сл. 5, 1). Но чего стоит приобрести любовь — этот венец нравственного совершенства?

4. Признак совершенного непамятозлобия

“Не тогда узнаешь,— говорит св. Лествичник,— что совершенно освободился ты от сей гнилости — памятозлобия, когда будешь молиться об оскорбившем тебя, или когда воздашь ему за зло дарами, или когда пригласишь его к своей трапезе, но когда услышишь, что он впал в душевное или телесное несчастье и станешь о нем болезновать и плакать, как о себе самом” (Сл. 9, 12).

5. Награды незлопамятному

“Кто извергает из себя памятозлобие,— говорит св. Лествичник,— тот получает прощение грехов” (Сл. 9, 14). “Иные, чтобы получить прощение, предают себя на

труды и подвиги. Но незлопамятный предваряет их. Простите, сотворив мало, и простится вам многое” (Лк. 6, 37) (Сл. 9, 15). “Прекрасно сказал Господь: *время Мое легко* (Мф. 11, 30),— замечает по этому случаю прп. Ефрем.— Какая тяжесть, какой труд прощать брату легкие и ничтожные прегрешения, получить же прощение в собственных своих грехах и вдруг стать оправданным? Не сказал: “Дайте Мне в дар имение, или тельцов, или козлов, или пост, или бление”, так что мог бы ты сказать: “Нет у меня этого, не в состоянии я сделать сего!” Но что легко, удобно, непродолжительно, то и повелел, говоря: «Прости согрешения брату своему, и Я прощу тебе твои грехи. Ты простишь малые ошибки,— может быть, несколько оводов (овол, или обол — афинская мелкая монета достоинством приблизительно 4—5 коп.), или три динария (динарий — серебряная древнеримская монета; из фунта серебра выделялось 96 динариев), а Я дарю тебе тысячи талантов. И ты прощаешь только, ничего не давая в дар. А Я и грехи тебе оставляю, и дарую исцеление и царствие. И дар твой тогда приму, когда примиришься с враждующим на тебя. Когда не будешь иметь ни на кого вражды, когда *солнце не зайдет во гнев твоим* (Еф. 4, 26), когда со всеми у тебя будут мир и любовь. Тогда и молитва твоя благоприятна, и

приношение твое благоугодно, и дом благословен, и сам ты блажен!» (Ч. 3. Сл. 62. О любви. С. 274).

Авва Пимен Великий так рассуждает о величии незлопамятности: *“Нет больше той любви, как если кто душу свою положит за друзей своих* (Ин. 15, 13). Посему, если кто услышит худое, т. е. обидное слово, и хотя может сам отвечать подобным словом, но преодолет себя и не произнесет сего; или если кто, будучи обманут, перенесет это и не станет мстить обманщику, тот полагает душу свою за ближнего” (Достопамятные сказания. С. 303, 116). “Мы должны знать,— уверяет прп. Марк Подвижник,— что прощение обид — превосходнейшая из всех добродетелей. Заповедь о прощении ближних — мать всех заповедей. При исполнении ее мы можем любить Бога всем сердцем, а ближних — как самих себя. В прощении обид другим состоит истинное познание Бога, которое объемлет собою всякое познание. Тогда не темно, но ясно и верно мы чувствуем, что действует в нас данная нам благодать святого Крещения, потому что мы прощаем грехи ближнему.” (Наставления о духовной жизни. Добротолюбие. Т. 1, Наставление 41. С. 501–502).

6. Необходимость подвига против памятозлобия для всех, и особенно для священников

Всякий христианин должен избегать памятозлобия, ненависти, вражды, тяжб как таких пороков, которые неминуемо влекут человека в вечную погибель. Для этого нужно непрестанно возбуждать свою совесть представлением страшных последствий памятозлобия. Враждующий на ближнего должен представлять себе, что он одною своею злобою уничтожает все свои заслуги и труды на поприще благочестия. Молитва его обращается в грех, дары и приношения отвергаются Отцом Небесным, подвиги и посты только возбуждают злобу, даже милостыни не принимаются в лице нищих Тем незлобивым Господом, Который оскорбляется в лице ненавидимого брата. “Памятозлобный,— говорит прп. Анастасий Синаит,— чужд благодати Божией и не получит прощения грехов. Ему не помогут ни пост, ни слезы, ни исповедание веры, ни молитва, ни девство, ни милостыня. Все это недействительно при памятозлобии” (Беседа на 5 неделю св. Четырдесятницы. Прибавление к Творениям Св. Отцов. 1857. С. 603).

И чего ожидает злопамятный на Страшном Суде по смерти, которая может внезапно лишить его навсегда всякой возможности

примирения? *Миришь с соперником твоим скорее,*— предостерегает Господь Иисус,— *пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, и судья не отдал бы тебя слуге, и в темницу не ввергли бы тебя. Истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь последнего кодранта* (Мф. 5, 25–26).

Эта страшная ответственность за вражду, эта неизбежная необходимость скорого и нелицемерного примирения особенно должны день и ночь тяжелым камнем подавить сердце враждующего священника. Ибо как осмелится он приступить к престолу Отца Небесного и коснуться Бескровной Жертвы мира, питая сатанинскую злобу в сердце?

Не угрозы только и устрашения Страшным Судом Божиим, но уже и само испытываемое мучительное чувство памятозlobия привело бы в ужас всякого враждующего, если бы он посмотрел на себя оком веры и убеждения в непреложной истинности слова Божия. *Солнце да не зайдет во гневе вашем,* и не давайте места диаволу (Еф. 4, 26),— предостерегает великий Апостол.

Итак, кто восседает в сердце злопамятного? “Начальник злобы, имеющий державу смерти” (Евр. 2, 14)! *Не любящий брата пребывает в смерти* (1 Ин. 3, 14),— уверяет возлюбленный ученик Христов. Да знает же питающий в сердце своем злобу, что он больше не Христов, он в душе уже не хрис-

тианин. *По тому узнают все, что вы Мои ученики,*— учит каждого из христиан Начальник нашей веры, Господь наш Иисус Христос,— *если будете иметь любовь между собою* (Ин. 13, 35).

Сии убеждения о гибельных последствиях злопамятности должны побудить каждого враждующего, при первом сознании, немедленно обратиться к тем спасительным средствам, какие испытаны богомудрыми отцами-подвижниками. Но мирянину, еще довольно неопытному в борьбе с духами злобы, не должно ограничиваться одними, чисто духовными средствами, каковы: прощение в сердце, молитва за врага, размышления о страданиях Господних и подобные, ибо здесь еще угрожает опасность самообольщения. А при сих средствах нужно показать и видимые знаки примирения, а именно: миролюбивое объяснение на словах, доказательства и усугубленные услуги и — вернее всего — дружеское доверие к прежде бывшему врагу.

Без сомнения, очень больно для оскорбленного сердца первому приступить к оскорбителю с смиренным предложением примирения; но под этим только условием и возможно примирение! Известно, что каждый из враждующих считает себя правым и думает, что он вправе требовать удовлетворения со стороны противника. Главное затруднение в том, кому первому покориться и

смирненно просить прощения. Но не только Слово Божие и Св. Отцы, но даже и всякий здравомыслящий человек может рассудить, что оскорбленный должен первый подать руку примирения оскорбителю. Ибо у невинно оскорбленного и сердце спокойнее, и совесть чище, и общественное мнение ободряет его, и сам отказ в примирении угрожает ему не унижением, а доброю молвою о его миролюбивом характере. Тогда как положение оскорбителя, наоборот, весьма невыгодно и опасно, и потому трудно дожидаться с его стороны смиренного сознания в несправедливости и униженной покорности перед оскорбленным братом.

Невинно оскорбляемые нередко удерживаются от примирения тем весьма губительным опасением, будто, кротостью перенося всякие оскорбления и обиды, не только ободряешь тем своих врагов, но и всех злых людей вооружаешь против себя. Ибо всякий безбоязненно будет обижать кроткого и смиренного, тогда как, преследуя злобою одного врага, тем самым предотвратишь нападения других. Действительно! Это верный расчет житейской мудрости, но расчет мудрости не христианской — небесной, а земной, душевной, бесовской (Иак. 3, 15).

Что за диво, когда на льва, да еще бешеного льва, никто не смеет нападать? Вот было бы истинно невероятное чудо, если бы лев

от избытка своей свирепости сделался кротою овцою! Мы хотим быть незлопамятными и кроткими, не перенося никаких обид и оскорблений. А Св. Отцы учат, что кротость не только не страшится оскорблений, а даже ищет и жаждет унижения и бесчестия, подобно тому, как тщеславные и честолюбивые с ненасытным желанием ищут суетной славы. Да и уместны ли в нравственной христианской жизни такие нелепые предположения, что на смиренно перенесшего оскорбление вдруг вооружится целый мир злых людей? Бог не попустит нам впасть в большее искушение, нежели мы можем понести.

Злые терния с великою болезнью и скорбью исторгаются из нашего растленного сердца. И наиболее всего памятозлобие, это первое семя духа злобы, насажденное в самой глубине самолюбивого сердца, не может быть исторгнуто, как говорят Св. Отцы, без пролития крови. Здесь нужно не только принуждение, но даже насилие и добровольное мучение причинить собственному своему сердцу. Не дожидайся удобных случаев к примирению с оскорбившим. Не думай, что время исцелит твою рану. Тот наилучший случай для примирения, который ближе всех других. Время не исцеляет, а укрепляет злобу: с течением времени в оскорбителе увидишь непримиримого врага! Поэтому принуждай себя ко всякого рода пожертвовани-

ям, и как можно скорее. *Если голоден враг твой, накорми его; если жаждет, напои его* (Рим. 12, 20). *И хотящему судиться с тобою и взять у тебя верхнюю одежду отдай рубашку* (Мф. 5, 40). Такие выражения Слова Божия показывают, что для избежания вражды и для поддержания христианской любви ничего не должно щадить: ни имущества, ни мирской славы, ни даже самого необходимого в жизни, даже последней рубашки.

Есть Ангелы мира на земле, сыны Божии среди сынов человеческих, блаженные миротворцы (Мф. 5, 9), дышащие любовью ко всему человечеству, чудодейственно претворяющие зло в добро, и врагов — в друзей и единокровных братьев во Христе. К сим то посланникам неба нужно прибегать для исцеления от вражды и памятозлобия. Впрочем, эти кроткие Ангелы мира сами и незваные находят враждующих и призывают их под тихую сень мира и любви. Одно только условие в этом случае требуется от враждующего: искреннее доверие богоизбранному миротворцу, святое убеждение в том, что приносящий нам мир с братьями нашими устраивает вечное спасение наше.

Но зато страшная участь ожидает отвергшего посредничество богоизбранных миротворцев, особенно если они облечены священной властью Церкви! *Если согрешит против тебя брат твой, — заповедует Господь*

Иисус, — *пойди и обличи его между тобою и им одним; если тебя послушает, то приобрел ты брата твоего; если же тебя не послушает, возьми с собою еще одного или двух, чтобы устами двоих или троих свидетелей подтвердилось всякое слово. Если же не послушает их, скажи Церкви; если же и Церкви не послушает, то да будет он тебе как язычник и мытарь* (Мф. 18, 15, 16, 17). Таким образом, враждующий, который отверг посредничество даже священных миротворцев, лишается в Церкви Христовой прав христианина и делается неверным язычником!

Когда Бог прощает грехи, то не оставляет шрама, не попускает оставаться и следу, но вместе со здоровьем дарует и благообразие, вместе с освобождением от наказания дает и оправдание и делает согрешившего равным несогрешившему. Хотя бы у человека были тысячи ран, но если он покается и сделает то-нибудь доброе, Бог так залечивает их, что не остается ни шрама, ни следа, ни знака грехов.

Святитель Иоанн Златоуст

IX. ОСУЖДЕНИЕ

От избытка сердца говорят уста,— утверждает Слово Божие (Мф. 12, 34). И по ежедневному опыту мы знаем, что язык служит первым выражением чувствований сердца. “Если хочешь знать человеческие тайны,— наставляет прп. Исаак,— и не достиг еще того, чтобы узнавать по духу,— узнаешь по речам, образу жизни и распоряжениям каждого, если только ты мудрец. Ибо у кого сердце сокрушено страстями, у того ими же и язык приводится в движение” (Сл. 8. С. 40). Потому-то сердце гневливое и памятозлое естественным образом выражается в злоречии, клевете и осуждении.

1. Различные степени страсти порицания ближнего

“Одно дело — злословить,— определяет прп. Дорофей,— другое — осуждать, и иное уничтожать. Злословить — значит сказать о ком-нибудь: “Такой-то солгал, или разгневался, или впал в блуд, или сделал что-либо

подобное”. Вот такой-то злословил брата, т. е. сказал пристрастно о его согрешении. А осуждать — значит сказать: “Такой-то лгун, гневлив, блудник”. Вот сей осудил самое расположение души его, произнес приговор о всей его жизни, говоря, что он таков-то, и осудил его как такого, а это тяжкий грех” (Поучение 6. С. 80). “Уничтожение же то, когда человек не только осуждает другого, но и презирает его, т. е. гнушается ближним и отвращается от него, как от некоей мерзости: это хуже осуждения и гораздо пагубнее” (Там же. С. 84).

2. Отчего рождается страсть осуждения

Всякого рода злоречие обнаруживает вообще злое сердце и непререкаемо свидетельствует о недостатке в нас любви к ближнему. “Отчего мы впадаем в сие, как не оттого, что нет в нас любви,— утверждает прп. Дорофей. — Ибо если бы мы имели в себе любовь, то с соболезованием и состраданием смотрели бы на недостатки ближнего, как сказано: *любовь покрывает множество грехов* (1 Пет. 4, 8). *Любовь не мыслит зла, все покрывает* и проч. (1 Кор. 13, 5)”.

“Скорее всего и неизбежно злоречие рождается от ненависти и памятозлбия”, — говорит св. Лествичник (Сл. 10, 1). Ибо злопамятный не может выносить жгущего его

изнутри яда и извергает из себя эту отраву в бранных и укорительных словах.

После открытой ненависти порождает клевету и порицание скорее всего скрытная, бессмысленная и бессильная зависть. “Ум благомыслящий и рассудительный,— говорит св. Лествичник,— если видит в ком-либо какие-нибудь добродетели, замечает их тщательно, а несмысленный отыскивает достойное порицания и недостатки” (Сл. 10, 16). “И люди завистливые с удовольствием и без затруднения порочат учение, или дела, или заслуги ближнего” (Сл. 10, 12).

Весьма часто лицемерие, угрызаемое совестью, старается прикрыть свою черноту в мнении общества очернением жизни ближнего. “Видал я,— свидетельствует прп. Иоанн,— что иные тайно и без огласки совершают самые тяжкие грехи и, полагая, что сами они чисты, сильно нападают на людей, грехопадения которых не столь важны, но оглашены” (Сл. 10, 13).

Поскольку порок осуждения легкомысленным и невнимательным людям представляется недостатком не очень важным, весьма обыкновенным, и доставляющим как бы невинное мирское развлечение,— а между тем, по суду Слова Божия, он неминуемо подвергает человека вечному осуждению, то враги нашего спасения успешнее всего, как невидимую сеть, улавливают человека клеветой

и пересудами. “Демоны побуждают нас,— утверждает св. Лествичник,— или согрешить, или, когда не грешим, осуждать согрешающих, чтобы вторым осквернить первое” (Сл. 10, 11).

3. Важность страсти осуждения и ее губительные последствия

“Судить — это бесстыдно похищать сан Божий,— утверждает св. Лествичник” (Сл. 10, 14). “Потому нет ничего тяжелее, нет ничего хуже осуждения”,— уверяет прп. Дорофей.— Грех осуждения настолько тяжелее всякого другого греха, что Сам Христос сказал: *Лицемер, вынь прежде бревно из глаза твоего, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего* (Лк. 6, 42),— и грех ближнего уподобил сучку, а осуждение — бревну. Вот как тяжело осуждение, превосходящее всякий грех” (Поучение 6. С. 80). “Кто судит прежде Пришествия Христова, тот антихрист,— не усомнился сказать прп. Анастасий Синаит,— потому что присваивает себе дело Христово” (Беседа на 5 неделю св. Четырдесятницы. Прибавление к Творениям Св. Отцов. 1857. С. 604).

Тяжело предвосхищать Божий суд и произносить высокомерное осуждение, хотя бы и на действительно согрешившего брата. Но преувеличивать пороки ближнего

и рассеивать о нем ложную клевету — это уже не человеческое преступление, а явно дьявольское дело. “Мы же, окаянные, без разбора осуждаем, гнушаемся, уничижаем,— сетует прп. Дорофей,— если что-либо видим, или услышим, или только помыслим. И что еще хуже, мы не останавливаемся на своем собственном вреде, но, встречая и другого брата, тотчас говорим ему: “То и то случилось!”— и вредим ему, внося в сердце его грех. И не боимся мы Сказавшего: *Горе напоющему друга своего развращением мутным* (Аввак. 2, 15), но совершаем бесовское дело, и не радим о сем. Ибо, что иное делать бесу, как не смущать и не вредить? А мы оказываемся помощниками бесов на погибель свою и ближнего: ибо кто вредит душе, тот содействует и помогает демонам” (Поучение 6. С. 85).

Потому-то осуждение братьев во Христе, по учению Св. Отцов, более всего ненавистно Отцу Небесному. “Знаете ли, какой тяжкий грех — осуждать ближнего? — восклицает прп. Дорофей.— Что тяжелее сего? Что столько ненавидит Бог? Как и Отцы сказали, что нет ничего хуже осуждения. Ничто столько не прогневляет Бога,— утверждает св. отец,— ничто так не обнажает человека и не приводит к гибели, как злословие, или осуждение, или укорение ближнего” (Поучение 6. С. 80).

Осуждение незаметно истребляет все добрые качества в душе клеветника. “Злословие —

тонкий недуг,— говорит св. Лествичник,— это большая сокровенная и таящаяся пиявка, которая высасывает и истребляет кровь любви; это лицемерие любви; причина осквернения и отягощения сердца, истребление чистоты” (Сл. 10, 2).

По праведному суду Божию, осуждение неминуемо и по ответственности, и на самом деле возлагает бремя чужих грехов на душу осуждающего. “Послушайте меня,— взывает св. Лествичник,— послушайте, все злые ценители чужих дел: если справедливо (как и действительно справедливо), что *каким судом судите, судят вам* (Мф. 7, 2); то, без сомнения, за какие грехи, телесные или душевные, укоряем ближнего, в те же (иначе и быть не может) впадем и сами” (Сл. 10, 9). А прп. Дорофей объясняет, как это вменение чужих грехов и душевное усвоение их нечувствительно, но естественно и необходимо, должно совершиться с нами. “Мы осуждаем, злословим, укоряем ближних, и, наконец,— впадаем в то самое, что осуждаем. Ибо от того, что человек не заботится о своих грехах и не оплакивает, как сказали Отцы, своего мертвеца, не может он преуспеть ни в чем добром, но всегда обращает внимание на дела ближнего” (Поучение 6. С. 79).

При такой страшной ответственности перед строгим и праведным Судиею всех, привычка осуждать и сама по себе неминуемо

навлекает вечную гибель души. “Осуждать, — это погублять свою душу, — уверяет св. Лествичник. — Как самомнение, и без другой страсти, может погубить человека, так, если в нас привычка судить, то она сама по себе и одна может погубить нас совершенно” (Сл. 10, 14). Поразительный пример строгого к осуждающим Божия суда Господь явил на одном святом старце (О Исааке Фивейском. Достопамятные сказания. С. 138), как поветствует прп. Дорофей: “Зачем мы восхищаем себе суд Божий? Чего хотим от Его создания? Не должны ли мы трепетать, слыша, что случилось с великим тем старцем, который, узнав о некоем брате, что он впал в блуд, сказал: “О худо он сделал!”

Или вы не знаете, о каком ужасном событии повествуется в Отечнике? Святой Ангел принес к нему душу согрешившего и сказал ему: “Посмотри! Тот, кого ты осудил, скончался; куда же повелишь ты поместить его: в царство или муку”? Есть ли что страшнее этой тяготы? Ибо что иное значат слова Ангела к старцу, как не это: “Поскольку ты судия праведных и грешных, то скажи, что повелишь о смиренной этой душе? Помилуешь ли ты ее, или предашь мучению”? Святой старец, пораженный этим, все остальное время жизни своей провел в стенаниях, слезах и безмерных трудах, молясь Богу, чтобы Он простил ему тот грех” (Поучение 6. С. 81).

4. Средства, предохраняющие от осуждения ближнего

Главнейшим средством, предотвращающим всякий суд о жизни ближнего, Св. Отцы признают глубокое познание себя самого и непрестанное самоосуждение. “Скорые и строгие ценители прегрешений ближнего, — говорит св. Лествичник, — впадают в сию страсть оттого, что не имеют совершенной и постоянной памяти и попечения о своих согрешениях. Ибо, если кто без покрывала самолюбия рассмотрит в точности свои худые дела, то не будет уже заботиться ни о чем ином в жизни, рассуждая, что на оплакивание и себя самого не достанет ему времени, хотя бы прожил он и сто лет и хотя бы увидел, что слез из очей его вышла целая река Иордан” (Сл. 10, 10).

“Если будем внимательны к своим грехам, — утверждает прп. Моисей, — мы не будем смотреть на грехи ближнего. Ибо это безумие человеческое — оставлять своего мертвеца и идти плакать над мертвецом ближнего. Кто чувствует тяжесть своих грехов, тот не смотрит на грехи ближнего своего и не думает ни о ком другом, хорош ли он или худ” (Достопамятные сказания. С. 229, 16). Живейшее и всегдашнее чувство своей немощи и опасение впасть в те же грехи, особенно вследствие праведного попущения Божия

неволью предостерегает от всякого осуждения. “Когда авва Агафон видел какое-нибудь дело и помысл побуждал его к осуждению, говорил он самому себе: “Агафон, не сделай сам того же!” — и таким образом помысл его успокаивался” (Достопамятные сказания. С. 45, 18). “Один святой муж,— рассказывает прп. Дорофей,— видя, что брат его согрешил, вздохнул и сказал: “Горе мне! Как он согрешил сегодня, так согрешу и я завтра”. Видишь ли твердость? Видишь ли настроение души? Как он тотчас нашел средство избежать осуждения брата своего. Ибо сказав: “так и я завтра”, — он внушил себе страх и попечение о том, что и он в скором времени может согрешить, и так избежал осуждения ближнего. Притом не удовлетворился этим, но и себя повергнул под ноги его, сказав: “И сей, по крайней мере, покается о грехе своем, а я не покаюсь как должно, не достигну покаяния, не в силах буду покаяться”. Видишь просвещение божественной души? Он не только успел избежать осуждения ближнего, но и себя самого повергнул под ноги его!” (Почтение б. С. 84).

Святое чувство самоуничижения и смирения перед всеми совершенно не допускает никакого унижительного суждения о ближнем, даже когда видит и сознает важность его согрешений. “Дело, которое действительно неприлично,— говорит прп. Варсонофий Ве-

ликий,— мы не можем не признавать за неприличное; ибо иначе, как избежим происходящего от него вреда, по слову Господа, Который сказал: *Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри — волки хищные. По плодам узнаете их.* (Мф. 7, 15–16). Но того, кто делает такое дело, осуждать не следует, как по слову Писания: *не судите, да не осуждены будете* (Лк. 6, 37), так и потому, что нам должно признавать самих себя грешными более всех. Итак, будем подражать мытареву смирению и осуждать самих себя, чтобы быть оправданными, и убегать фарисейского величания, чтобы не быть осужденными” (Ответ 450).

Для возбуждения такого смиренного мнения о себе в сравнении со всяким ближним, Св. Отцы внушают всегда помнить ту непреложную истину, что мы можем знать (и то знаем далеко не вполне!) недостатки только своей души, а внутреннего расположения ближнего несколько не знаем и не можем знать. “Чего хотим мы от нашего ближнего? — восклицает прп. Дорофей.— Чего хотим, от чужой тяготы? У нас есть о чем заботиться, братия! Каждый да внимает себе и своим грехам. Одному Богу принадлежит власть оправдывать и осуждать, поскольку Он знает душевное расположение каждого и силу, образ воспитания и дарования, телосложение и способности и сообразно с этим

судит каждого, как Он сам один знает. Никакой человек не может знать судеб Божиих, но Он один ведает все и может судить согрешения каждого, как Ему единому известно. Действительно случается, что брат твой совершает иные действия по простоте, но имеет одно доброе дело, которое угодно Богу более всей твоей жизни, а ты судишь и осуждаешь его и отягощаешь душу свою.

Если же и случилось ему преткнуться, почему ты знаешь, сколько он подвизался и сколько пролил крови своей прежде согрешения? И теперь согрешение его является перед Богом как бы делом правды. Ибо Бог видит труд его и скорбь, которые он подъял прежде согрешения, и милует его. А ты знаешь только сие согрешение; и тогда как Бог милует его, ты осуждаешь его и губишь душу свою. Почему ты знаешь, сколько слез он пролил о сем перед Богом? Ты видел грех, а покаяния его не видел” (Поучение б. С. 83 и 84).

“Знал я человека,— говорит в предостережение клеветникам св. Лествичник,— который согрешил явно и покаялся тайно; осудил я его как блудника, а он был уже целомудрен перед Богом, умиловив Его искренним обращением” (Сл. 10, 6). “Посему, если увидишь кого, и при самом исходе души падающего в грех, то и в этом случае не осуждай его, потому что суд Божий сокрыт от людей. В ве-

ликие грехи впадали иные явно, но еще большие добрые дела совершали тайно; и те, которые любили осмеивать их, обманулись, гонясь за дымом и не видя солнца. Станешь остерегаться осуждать согрешающих, если всегда будешь помнить, что Иуда был в соборе учеников Христовых, а разбойник— в числе убийц, но в одно мгновение произошла с ними чудная перемена” (Сл. 10. 4 и 8).

Мы не станем осуждать ближнего даже при явном его согрешении, если при этом живо представим по собственному опыту, как трудно бороться со всякой страстью. “Кто хочет преодолеть дух злоречия,— советует св. Лествичник,— тот пусть винит не человека, подвергающегося падению, но внушающего сие демона. Никто не желает грешить против Бога, хотя и всякий из нас не принуждается ко греху” (Сл. 5). “Согрешение брата мы должны считать за свое собственное,— убеждает прп. Варсонофий Великий,— и ненавидеть лишь диавола, прельстившего его. Когда кто столкнет другого в яму, то мы порицаем не его, но того, кто столкнул его; точно так и здесь” (Ответ 450).

Многие вдаются в пересуды и осуждения не по злости своего сердца, а по легкомысленному человекоугодию, поддерживая разговор с человеком злоязычным или забавляясь его остроумными насмешками. Вот какие замечания предлагают Св. Отцы

на подобные случаи: “Не соглашайся с клеветником, не забавляйся его злоречием,— предостерегает прп. Моисей, — но и не питай ненависти к тому, кто поносит ближнего своего. Это и значит не осуждать, по Писанию: *не судите, да не судимы будете* (Мф. 7, 1)” (Достопамятные сказания. С. 229, 16). Лествичник советует поступать так: “Никогда не стыдись того, кто перед тобою злословит ближнего, а лучше скажи ему: “Перестань, брат! Я ежедневно впадаю в более тяжкие грехи, как же могу осуждать его”? Таким образом окажешь двоякую пользу, одним пластырем уврачевав и себя, и ближнего” (Сл. 10, 7).

Поскольку осуждение происходит собственно от недостатка любви к ближним, то Св. Отцы, для избежания сего греха, особенно стараются возбудить в сердце святую любовь ко всем братьям во Христе. “Услышав, что некоторые злословят ближних,— говорит св. Лествичник,— я запретил им; делатели же сего зла в извинение отвечали, что они делают это из любви и попечения о злословимом. Но я сказал им: “Оставьте такую любовь, чтобы не оказалось ложным сказанное: *клеветующего на ближнего своего, изгоню* (Пс. 100, 5). Если ты истинно любишь ближнего, как говоришь, то не осмеивай его, а молись о нем втайне, ибо сей образ любви приятен Богу” (Сл. 10, 4). “Если бы имели

любовь,— внушает прп. Дорофей,— то сия любовь покрыла бы всякое согрешение, как и святые делают, видя недостатки человеческие. Ибо разве святые слепы и не видят согрешений? Да и кто столько ненавидит грех, как святые? Однако они не ненавидят согрешающего и не осуждают его, не отвращаются от него, но сострадают ему, скорбят о нем, вразумляют, утешают, врачуют его, как больной член, и делают все для того, чтобы спасти его. Как мать, имеющая безобразного сына, не только не гнушается им и не отвращается от него, но и украшает его с любовью, и все, что ни делает, делает для его утешения, так и святые всегда покрывают, украшают, помогают, чтобы и согрешающего со временем исправить, и никто другой не получил от него вреда, и им самим более преуспеть в любви Христовой.

Итак, приобретем и мы любовь, приобретем снисходительность к ближнему, чтобы сохранить себя от пагубного злословия, осуждения и уничтожения, и будем помогать друг другу, как своим собственным членам! Ибо мы члены друг друга, как говорит Апостол: *все мы составляем одно тело во Христе, а порознь один для другого члены* (Рим. 12, 5); *и если страдает один член, с ним страдают все члены* (1 Кор. 12, 26)” (Поучение 6. С. 85–6).

5. Трудность и величие подвига неосуждения

Святой апостол Иаков свидетельствует, что язык — *неудержимое зло, исполнен яда смертоносного; ибо всякое естество зверей и птиц, пресмыкающихся и рыб укрощается и укрощено естеством человеческим, язык же укротить никто из людей не может* (Иак. 3, 7, 8). *Потому, если кто в слове не согрешает,—* заключает апостол,— *тот человек совершенный, могущий обуздать и все тело* (ст. 2).

Чрезвычайно трудно избежать различных укоризненных согрешений языком, главнейшим образом потому, что такие согрешения кажутся необычайно легкими и безвредными. “Кто исчислит все те огорчения, какие причиняет язык? — восклицает свт. Григорий Богослов. — Если захочет, без всякого труда, в одну минуту заставит он враждовать дом с домом, город с городом, народ с властелином, царя с подданными, как искра, мгновенно воспламеняющая солому. Плывущих на одном корабле, сына, родителя, брата, друга, супругу, супруга — всех удобно вооружает он против другого. Злого сделает добрым, а доброго, напротив, погубит, и все это опять переиначит. Кто превозможет слово? Язык мал, но ничто не имеет такого могущества”. Потому-то и заключает св. отец: “И то великое приобрете-

ние, если сдерживаешь слово, готовое разразиться, когда извне ударяют в твое сердце. Если не даешь свободы языку, когда он кичится и приходит в дикую ярость, но удержишь его в узде, то отворишь обиду. С покорением вождя покорится и царь страстей” (Вступающим на безмолвие. Творения святых отцов. 1844. Ч. 3. С. 350—353).

Чтобы не осуждать явно согрешающих, для этого нужно отказаться не только от всех рассуждений самолюбивого разума, но даже от доверия свидетельству чувств. “Если видишь кого согрешающего,— требует свт. Геннадий, патриарх Константинопольский,— то и своим глазам не верь, ибо и они неверны. В раю прежде всего соблазнились очи, и наше падение произошло от воззрения” (Правило 52. Прибавление к Творениям св. отцов 1845. С. 9).

“Не осуждай — утверждает св. Лествичник,— если видишь даже своими глазами, потому что и они часто обманываются” (Сл. 10, 17). Чтобы достигнуть такого недоверия к себе, нужно, по учению Отцов, совершенно приковать свой взор к созерцанию своей душевной нечистоты, нужно считать себя не только чуждым в мире сем, но и последним отребьем мира, словом, нужно погрузиться в глубину смирения. А это одна из высочайших добродетелей, приобретаемая бесчисленными скорбями и борениями с собственной природою!

Подвиг неосуждения тогда является высокою добродетелью, когда основывается на уничтожении себя и уважении ближнего, сопровождается скорбным долготерпением и венчается любовью к согрешающему; ибо ничего не говорить о других из презрения к ним, молчать о жизни лиц, не имеющих к нам никакого отношения, или любить только любящих нас и добрых— не великие добродетели! Но смиренная любовь ко всем вообще, живейшее сострадание к согрешающим братьям, любвеобильное попечение о спасении собственных досадителей и врагов — это верх нравственного совершенства, это откровение Духа Божия в человеке! Вот почему святой Апостол заключает: *“Если кто в слове не согрешает, тот человек совершенный!”*

6. Плоды подвига неосуждения.

По непреложному обетованию Слова Божия, не осуждающие других, несмотря на свои проступки и согрешения, имеют полную надежду получить прощение на Суде Божиим. “Вот один из самых кратких путей, ведущих к получению прощения грехов,— говорит св. Лествичник,— а именно не осуждать! Если не судите, то и вас не будут судить (Лк. 6, 37)” (Сл. 10, 7). “Вот путь спасения без поста, без бдения и труда!” — под-

тверждает прп. Анастасий Синаит. Он рассказывает, как очевидец события о том, что один брат нерадивой жизни, при смерти своей видел, как Ангелы за одну эту добродетель его, за то, что он никого не осуждал, разодрали рукописание всех его беззаконий и исполнили душу его небесным весельем при исходе (В беседе на 5 неделю св. Четырнадцатницы. Прибавление к Творениям св. отцов. 1857. С. 604).

Но еще и в этой жизни этот подвиг естественно и необходимо порождает высокие и зрелые плоды нравственных совершенств, как изображает прп. Исаак: “Кто возбраняет устам своим пересуживать, тот хранит сердце свое от страстей. А кто хранит сердце свое от страстей, тот ежечасно видит Господа. У кого помышление всегда о Боге, тот прогоняет от себя демонов и искореняет семя их злобы. Кто ежечасно наблюдает за своею душой, у того сердце веселится откровениями. Кто зрение ума своего сосредоточивает внутри себя самого, тот видит в себе зарю Духа. Кто возгнушался всяким парением ума, тот видит Владыку своего внутри сердца своего. Итак,— заключает св. отец,— если любишь чистоту, при которой может быть видим Владыка всяческих, то никого не осуждай и не слушай того, кто осуждает брата своего!” (Сл. 8. С. 44).

7. Необходимость подвига неосуждения для всех христиан, и особенно для священников

Господь наш и Судия, Иисус Христос, всем заповедал и обещал: *Не судите, да не судимы будете* (Мф. 7, 1), *не осуждайте, и не будете осуждены* (Лк. 6, 37), *какой мерой мерите, такой будут мерить и вам* (Мф. 7, 2). Святой апостол Павел с угрозой обращается к осуждающему: *кто ты, осуждающий чужого раба? Перед Господом стоит он или падает* (Рим. 14, 4)! *Злословящие, клеветники, досадители достойны смерти* (Рим. 1, 30–32). Эти и многие другие свидетельства Слова Божия должны убедить нас, что, как учат Св. Отцы, и одна страсть осуждать других может погубить человека навеки в геенне огненной! А между тем пересуды, остроты, насмешки составляют главный предмет наших ежедневных разговоров, соль гостинных бесед, занимательное развлечение от скуки и бездействия! *Како избежим праведного суда Божия* (Рим. 2, 3)?

Привычка осуждать — страсть злой души, не ослабляется внешними телесными подвигами, бывает сильна и в слабом изнемогающем теле, может действовать и даже расти в одном сердце, хотя бы язык и онемел. Поэтому что может искоренить эту страсть, кроме всемогущей благодати Божией? Здесь

не помогут никакие посторонние средства, ничьи советы: здесь нужна борьба с собственным сердцем, борьба до крови, до умерщвления ветхого человека. *Злой человек от злого сокровища сердца своего выносит злое, что от избытка сердца говорят уста* (Лк. 6, 45). Потому из злого сделайся добрым по сердцу, и ты никого не будешь осуждать.

Но опытные подвижники советуют начинать великое и трудное дело перерождения сердца от внешних, более легких подвигов, а именно советуют избегать сообщества людей злоязычных, никогда не оказывать уважения клеветникам, явно выражать видом, обхождением и словами свое неудовольствие слушать осуждающих, и особенно упорно молчать и обуздывать язык, когда в сердце разгорается ненависть, зависть, высокомерие перед ближним или другая подобная страсть, готовая разразиться опустошительными словами. “Когда пламя или поток заграждены твердыми камнями,— говорит свт. Григорий Богослов,— то, хотя и клокочет внутри, но не губит частого кустарника или нивы и, скрываясь в камнях, живет полумертвый” (Вступающим на безмолвие. Творения св. отцов. 1844. Ч. 3. С. 352).

От скольких бы губительных последствий злоязычия предохранило бы нас молчание! Но нам нравятся пересуды, мы хотим отличиться в обществе остротами и колкими на-

смешками над отсутствующими, мы не находим занимательных предметов для разговора с приятелями, мы не желаем слыть скучными собеседниками. Какие жалкие преимущества! И ради этих ничтожнейших удовольствий в обществе мы в бессмысленном ослеплении подвергаем себя неминуемому осуждению на Страшном суде Божиим: *От слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься* (Мф. 12, 37), — изрекает Нелицеприятный Судия.

Еще прежде праведного осуждения на суде Божиим клеветников, насмешников и досадителей постигает справедливое презрение от всех благородных членов общества. Не презирают ли в душе таких людей даже те, кто забавляется их остроумным злоречием и охотно слушают от них всякие дурные вести о ближних? Кто будет питать искреннюю дружбу к человеку, готовому во всякое время предать языком на посмеяние все священные чувства дружбы, любви и даже родства? А сколько существенного вреда для общества от злоречия, наговоров и клеветы! Отсюда подозрения и раздоры в семьях, отсюда несогласие и коварство между соседями, отсюда подрывы репутации и добрых отношений на службе, отсюда ябедничество, ссоры, вражда и бесчисленные огорчения во всех видах и сословиях общественной жизни! Эти печальные опыты всеопустошающего злоре-

чия как бы для всякого неразумного вещают: *Удержи язык твой от зла и уста твои от коварных слов* (Пс. 33, 14)!

“У всякого неразумного язык — зло, — рассуждает свт. Григорий Богослов, — особенно он может быть злом у таинников небесной Жертвы. Я орган Божий, и в благозвучных песнопениях приношу славословие Царю, перед Которым все трепещет. Я воспеваю царствующего в горних Великого Бога, или же сияние Пресветлой воедино сочетаемой Троицы. Воспеваю высокие громогласные песни Ангельских ликов, какие они, предстоя Богу, возглашают попеременно. Воспеваю стройность мира, нетленную славу Христовых страданий, которыми Христос обожил меня. Воспеваю смешение, усматриваемое во мне — закон Божий, данный человеку, и все дела мира, а также намерения и конец того и другого. Для всего этого язык мой должен быть как гусли. Но остерегайтесь, иереи, чтобы он не произнес чего-нибудь нестройного! Необычайный огонь погубил в древности сыновей жреца, которые прикасались к жертве нечисто. О священном же кивоте Великого Бога слышу, что он некогда и наклоненный к падению убил прикоснувшегося. Сего-то я сильно трепещу и боюсь, чтобы не потерпеть мне чего-нибудь, нечисто прикоснувшись к Чистой Троице!” (Вступающим на безмолвие).

Нельзя избежать осуждения без глубокого познания своих немощей, без всегдашнего осуждения себя самого, без непрестанного страха впасть в те же согрешения, какие усматриваешь и в ближних: *кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть*, — предостерегает св. Апостол (1 Корин. 10, 12). Поэтому с чего начать исправление своего сердца? С осуждения себя самого, особенно при виде падений ближнего. Люди глубоко опытные в нравственной жизни во все времена замечали один и тот же закон взаимодействия: “Кто строг к себе, тот снисходителен к ближним; а кто снисходителен к себе, тот строг к ближним” (Антоний, архиеп. Воронежский. См. Жизнь его. 1852. С. 151, 4).

При опытах обуздания злоязычия не будем обольщаться кажущейся добротой нашего сердца. Пока перед судом собственной совести не поставим себя ниже отъявленных грешников, пока мы не будем сокрушаться о падении ближнего, как о своем собственном, до тех пор мы только подавляем и скрываем страсть, но далеко еще не умертвили ее и не выбросили вон из нашего сердца. Без смирения и любви не истребляется грех и не рождается добродетель.

Х. СРЕБРОЛЮБИЕ

I. Что такое сребролюбие

Сребролюбие, корыстолюбие и вообще любостяжание — пристрастие сердца не к одному золоту или серебру, но и ко всякого рода вещам. “Не думай, — говорит прп. Исаак Сирин, — что одно приобретение золота есть любостяжательность, но приобретение чего бы то ни было такого, к чему привязана воля твоя” (Сл. 56. С. 277). В высшем развитии страсть корыстолюбия является жадным стремлением, непреодолимой привязанностью сердца к богатству, безумным обожанием золота и серебра, и тогда становится идолослужением: “любостяжание — идолослужение”, — уверяет Апостол (Еф. 5, 5). “Сребролюбие — поклонение идолам”, — подтверждает св. Лествичник” (Сл. 16, 2).

2. Отчего рождается сребролюбие?

“Сребролюбие, — по утверждению св. Лествичника, — есть дочь неверия!” (Сл. 16, 2).

Оно, по словам прп. Исаяи, “есть неверие Богу в том, что Он печется о тебе, ненадеяние на обетование Божие и любовь к гибельным удовольствиям” (Достопамятные сказания., С. 123, 9). И потому в глубине души, как уверяет св. Лествичник, “сребролюбец — хулиитель Евангелия и, следовательно, он добровольный отступник” (Сл. 16, 3). Но, питая преступную, низкую и безумную страсть в душе, жадный сребролюбец думает оправдать себя в глазах общества и таким образом обольщает себя следующими благовидными предложениями.

Предусмотрительным благоразумием (Лествица. Сл. 16, 6), которое, как говорят, “бережет копейку про черный год”; но, собственно говоря, не со страхом и опасением, а, напротив, с нетерпеливым злорадством ожидает черных лет, дабы при общественных бедствиях, во время голода и неурожаяев, удобнее обобрать несчастных жертв общественного бедствия (Сл. 16, 2).

Обыкновенно, “сребролюбие оправдывается немощами” и болезнями, которые могут внезапно постигнуть и надолго лишить возможности к безбедному содержанию; “предрекает страсть” преждевременную и продолжительную, неожиданные несчастья, непредвидимые потери, словом — всякого рода бедствия в жизни, воображаемые мрачно неверующею душою (Сл. 16, 2).

Еще благовиднее предлог для сребролюбца-мирянина — забота о детях, которых еще нет и о которых неизвестно, вырастут ли они и во благо ли воспользуются отцовскими стяжаниями? “Мы,— говорят сребролюбцы,— для того заботимся об умножении своих стяжаний, чтобы сделать детей своих более богатыми. “Между тем — утверждает св. Григорий Нисский,— в том, что эта болезнь их происходит не от такой нужды, обличает их неизвинительная любостяжательность бездетных.

Ибо многие, не имея и не надеясь иметь наследников великих стяжаний своих вместо бесчисленных детей воспитывают сами в себе многие похоти, не имея на кого сложить потребность такой своей болезни” (В слове к Гиерию о младенцах. Христианское чтение. 1838 . Ч. 4. С. 52).

Для монаха-сребролюбца предлог к стяжаниям — забота о нищих. “Начало сребролюбия,— говорит св. Лествичник,— намерение подавать милостыню; а конец его — ненависть к бедным. Пока не начнет собирать, бывает милостив; а явились деньги, и руки сжал” (Сл. 16, 8).

Сребролюбец никак не может согласиться с тем, что любовь к деньгам и любовь к нищим не могут жить в одном и том же сердце, как уверяет прп. Исаак. “Как невозможно,— говорит он,— чтобы в одном теле были

здоровье и болезнь и одно не расстраивалось другим, так невозможно, чтобы в одном доме были множество денег и любовь, и одно из них не вредило другому” (Сл. 51. С. 226). Сребролюбец никогда не поймет, что “милостыню,— как уверяет свт. Златоуст,— составляет не мера достатка, но мера сердечного расположения: что не в избытке приношения, но в богатстве воли, не в мере даваемого, но в расположении дающих видна милостыня” (Христианское чтение. 1845. Ч. 2. С. 187) и что “двумя лептами куплено было царство небесное”, как говорит св. Лествичник (Сл. 16, 5).

Истинное состояние души сребролюбивого монаха-нищелюбца прекрасно изображает прп. Нил Подвижник. “Дух сребролюбия хитр и искусен в обманах,— открывает св. подвижник.— Будучи стеснен совершенным отречением от мира, тотчас принимает личину попечительного домостроителя и нищелюбца, угощает искреннейшим образом странников, коих еще нет, и другим отсутствующим посылает пособие, посещает городские темницы, выкупает из неволи, прилепляется к богатым женщинам, указывает им тех, кто имеет нужду в благодеяниях; а другим, имеющим большой достаток, советует отречься от мира и, таким образом, непременно вовлекая душу в обман, ввергает ее в помыслы сребролюбия и предаёт бесу тщеславия. Он приводит множество прославляющих Господа за та-

ковые попечения и, вскоре, побудив некоторых к разговору о священстве, предрекает скорую смерть находящемуся в живых священнику и присовокупляет, что ему не избежать ее по своим бесчисленным грехам.

Таким образом, несчастный ум, привязавшись к таковым помыслам, с теми, кто не соглашается на это, враждует, а тем, кто соглашается, с готовностью делает подарки и хвалит их добродушие; тех же, которые восстают, предаёт судьям и приказывает изгнать из города. Тогда как таковые помыслы занимают и колеблют сердце, тотчас является и бес гордости, изображая непрерывные молнии в воздухе кельи, пуская крылатых драконов, а что всего бедственнее — лишая даже ума. Посему, если желаем истребить таковые помыслы, с благодарностью будем жить в убожестве. Ибо все нечистые помыслы, если долго в нас продолжают по причине страстей, доводят душу до гибели и смерти” (Ч. 1, 27 Гл. О разных пороках помыслах. Гл. 22 и 23. С. 303—304).

3. Гибельные последствия страсти сребролюбия

“Ужасная страсть корыстолюбия,— уверяет св. Исидор Пелусиот,— на все дерзая и ни в чем не зная сытости, увлекает обладаемую ею душу в глубину зол. Посему будем изгонять сию страсть в самом ее начале. Ибо,

усилившись, она становится непобедимою” (Достопамятные сказания. С. 132, 6).

Больше всего ужасает в страсти сребролюбия ненасытимость ее, не ослабляемая, а, напротив, возрастающая с приливом богатства и с годами. “Как человек, томимый жаждой,— пишет прп. Исидор Пелусиот,— хотя бы окружен был реками и источниками, не получает наслаждения, если не может утолить жажды, так и желающий всегда большего, хотя бы имел бесчисленные сокровища, никогда не может быть довольным, потому что не может насытиться. Напротив, кто желает по мере нужды, того никогда не постигнет такая неисцелимая болезнь; но будет он жить в радости и удовольствиях, не будучи обеспокоен страстями, обуревающими любящих богатство” (В письме к пресвит. Герону. Христианское чтение. 1837. Ч. 3. С. 271).

“Богатый,— продолжает св. отец,— хотя и не обижают его, всегда находится в страхе, как человек, который всегда может подвергнуться обиде” (Там же).

“Какой грех тяжелее всех прочих”? — вопрошает свт. Афанасий Великий, и отвечает: “Если, по слову апостола, большее из всех благ — любовь, то очевидно, что и из всех зол большее братоненавидение, немилосердие и неподатливость на милостыню” (Послание к князю Антиоху. Вопрос 64. Христианское чтение. 1852 . Ч. 2. С. 353).

4. Средства, предохраняющие от страсти сребролюбия

Сребролюбие, как и всякая страсть, незаметно и постепенно вкрадывается в душу, пока не только не поселится в сердце, но и глубоко не вкоренится в нем. Потому богопросвещенные Отцы-подвижники предохраняют нас от всяких поводов к сребролюбию, обнаруживая тайные благовидные приходы его.

Хотя оскудение любви и доверия между христианами заставило гражданские правительства оградить законами взимание процентов, но по духу еще ветхозаветной Церкви, тем более по духу Евангелия, это дело во все не богоугодное. “Писание говорит о праведном, что он *серебра своего не дал в рост* (Пс. 14, 5),— богословствует прп. Иоанн Пророк,— а это значит, что мы должны взять обратно то самое, что дали” (Ответ 679). От бедного же и обнищавшего не должны требовать и того, что он взял, пока сам он не возвратит с благодарностью. “И об этом сказано: *если обнищает брат твой, да не оскорбишь его, требуя то, что он взял* (Сир. 31, 37). Если же ты и сам беден и крайнюю чувствуешь нужду в деньгах, то не согрешаешь, когда обратно требуешь своего от бедняка. Однако, хорошо,— советует св. отец,— насколько возможно, не оскорблять кого-либо из братьев своих, кто не в состоянии отдать”

(Ответы 680 и 681). Вот истинно христианский взгляд на займы и должников!

Мало того, что христианин не должен пожинать там, где не сеял собственными трудами, и собирать, где не расточал, для избежания страсти корыстолюбия он должен оставлять самое выгодное предприятие, когда заметит, что его одушевляет и увлекает корысть. “Когда борет тебя страсть сребролюбия,— предостерегает прп. Иоанн Пророк,— то всеми силами подвизайся Бога ради против нее и, пока беспокоит тебя брань, отнюдь не приобретай ничего лишнего, даже рубашки и глиняного сосуда, и в самых малых вещах подвизайся против сребролюбия. Когда же, при помощи Божией, победишь сию брань, то приобрети, по Богу, нужное тебе (Ответ 499).

Для иноков, прославившихся своею жизнью, и для почтенных и уважаемых священников весьма искусительным поводом к сребролюбию может служить просьба других богатых людей раздавать нищим их собственные деньги и дары. Об этом так рассуждает св. Иоанн Пророк: “Есть люди, посвящающие себя такому служению, и Бог знает, что воздать им за это; плачущие же (монахи) не имеют для этого свободного времени. Да и как тем, которые отказались от своего собственного, желать распорядиться чужим? Святой преподобный Ила-

рион поступил таким же образом: когда некоторые просили его принять от них большое имение для раздачи нуждающимся, он сказал просившему его о сем: “Тебе самому должно раздавать твое, потому что ты бываешь и в городах, и в селениях, а мне, оставившему и свое собственное, как принять чужое для раздачи другим”? Притом же это часто служит поводом к тщеславию и к сребролюбию” (Ответ 624).

Потому св. отец убеждает инока: “Ты, если хочешь оплакивать грехи свои, не обращай внимания на это чуждое тебе дело, хотя бы ты и перед келей твоей видел кого-либо томящегося голодом. Не принимай участия в раздаче чужого, чтобы не лишиться тебе плача и безмолвного пребывания. Но владелец того имущества, не находя другого, кто исполнит бы за него это служение, сам должен будет их раздавать, чтобы дело его не осталось без исполнения” (Ответ 625).

В ежедневных мелочных расчетах с ближними нужно строго следить за порывами жадного корыстолюбия и стараться подавлять их уступками. “Когда помысл при расчете внушает тебе удержать хотя малое по пристрастию,— советует прп. Иоанн Пророк,— ты, напротив, постарайся передать немного лишнего, сколько не будет для тебя отяготительно, хотя одну медную монету, дабы избежать злого лихоимства; ибо

тот, кто старается дать хотя немного лишнего, тем самым удаляет себя от греха удерживать что-нибудь лишнее. От малого человек преуспевает и в большее, равно как и от малых страстей происходят великие страсти” (Ответ 756).

“Но если, вопреки своему желанию, ты взял что-либо лишнее, то если это будет составлять много, возврати ему. Если бы, напротив, тебе самому случилось передать ему сколько-нибудь и ты пожелал бы получить это от него обратно, то и ты, когда случится с ним то же самое, возврати ему переданное им. Если же ты, передав ему что-либо, не пожелал бы получить от него это обратно, то и ты можешь, в таком же случае, не возвращать ему переданного им, разве только он человек весьма бедный, ибо такому лишиться и малого весьма чувствительно; в таком случае ты должен возвратит ему сполна, что следует по всей справедливости” (Ответ 757). Вот истинно евангельское правило: *Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними* (Мф. 7, 12)!

Весьма искусительный помысл сребролюбия обольщает душу тогда, когда внушает собирать деньги не на сбережение, а на расточение, на угощение странников и на приличный прием гостей. Гостеприимные люди никогда не согласятся считать себя скупцами и корыстолюбцами. Но это опасное само-

обольщение! “На что нам тратить для удовольствия сластолюбцев то,— взывает свт. Василий Великий,— что Бог дает алчущим? В противном случае мы сугубо грешим, подвергая первых вреду пресыщения, а последних угнетая бедствиями нищеты” (Краткие православные вопросы. Вопрос 20). И кто не знает, что приемы и угощения редко бывают из братского радушия к ближним, а по большей части или для собственного плотоугодия и наслаждения, или от каких-либо корыстных побуждений, или из тщеславия т. п.

Великий враг жадности к стяжаниям — мысль о смерти. “Брат! — побуждает прп. Иоанн Пророк,— Писание вразумляет тебя, говоря: *Не говори: “Пойди и приди опять, и завтра я дам”*. Ибо ты не знаешь, что родит грядущий день (Притч. 3, 28). Да укрепит же мысль твою воспоминание о пришествии смерти, которая неизвестна никому из людей. Постараемся делать добро, прежде нежели перейдем из этой жизни; ибо не знаем, в какой день будем позваны, чтобы не оказаться нам неготовыми и не остаться вне чертога с пятью юродивыми девами, которые взяли светильники, но не взяли елея в сосудах своих. Постараемся сделать, по силе нашей, сколько позволит немощь наша, и Благий всех Владыка введет нас с мудрыми девами в чертог Свой,— в радость неизреченную со Христом!” (Ответ 623).

Лучшим приготовлением к полной победе над страстью корыстолюбия служит при непрестанном памятовании смерти пренебрежение всеми житейскими выгодами. “Если желаешь быть милосердным,— наставляет прп. Исаак Сирин,— приобучи себя сперва всем пренебрегать, чтобы ум не увлекался тяжестью этого и не выходил из своих пределов. Ибо полное совершенство милосердия выказывается в терпении решающегося переносить обиды. Если истинно ты милосерден, то, когда неправедно отнято у тебя твое, не скорби внутренно и не рассказывай об ущербе посторонним. Пусть лучше ущерб, нанесенный обидевшими тебя, поглощен будет твоим милосердием, как терпкость вина поглощается множеством воды. Докажи множество милосердия своего теми благами, какие воздаешь обидевшим тебя, как и блаженный Елисей поступил с врагами своими, намеревавшимися взять его в плен (4 Цар. 6, 13–23)” (Сл. 58. С. 310).

Конец и Богу слава!

